

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2022 г. № 1 (98)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2022 г. № 1 (98)

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: О. Г. Поливаева

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)

В. К. Заусаев, д.э.н., профессор (Россия)

Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)

А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)

Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)

О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)

О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)

А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)

Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)

Ан Е, д.э.н., профессор (Китай)

Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)

Дзенджиро Сугиура, профессор (Япония)

Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)

Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2022, no. 1 (98)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: O. G. Polivaeva

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscommadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, professor (Russia)

V. K. Zausaev, Doctor of Economy, professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

An E, Doctor of Economy, Professor (China)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyannpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

- Чжан Мэй Состояние и перспективы сотрудничества в сфере сельского хозяйства китайской провинции Хэйлунцзян и России 8
- Таскаева С. В. Забайкальский край как актер современных российско-китайских внешнеэкономических отношений 18

Теория и практика экономики и управления

- Басова С. Н.
Мазанкова Т. В.
Торопова Т. А. Концептуальные подходы к формированию условий благоприятного предпринимательского климата хозяйствующих субъектов потребительского рынка Хабаровского края 28
- Строева Г. Н. Доступность жилья в Хабаровском крае в условиях реализации национального проекта «Жилье и городская среда» 47
- Буланова М. А. Оценка результативности демографической политики по снижению смертности (на примере Дальневосточного федерального округа) 60

Социология, культурология

- Байков Н. М.
Воронкин М. В. Сетевое взаимодействие организаций среднего профессионального образования региона: возможности и перспективы 76

Березутский Ю. В. Стасюк Е. В.	Региональная идентичность молодежи Хабаровского края и ее «социальные якоря»	91
Невеличко Л. Г. Воротилкина И. М.	Гражданская идентичность молодежи: теоретические и эмпирические аспекты исследования	107
Халикова С. С.	Жизненные стратегии дальневосточной молодежи	117
Кривоносова Л. А.	Самообразование студентов в дистанционном обучении: перспективы социологических исследований	125
Крадожен-Мазурова Е. М.	Повышение интереса к современной русской литературе и литературному языку как элемент формирования гражданской позиции: анализ региональной практики	134

CONTENTS

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

Zhang Mei	Current situation and prospects of cooperation in the field of agriculture in the Chinese province of Heilongjiang and Russia	8
Taskaeva S. V.	Transbaikal territory as a vector of contemporary Russian-Chinese foreign trade relations	18

Theory and practice of economics and management

Basova S. N. Mazankova T. V. Toropova T. A.	Conceptual approaches to the formation of conditions for favorable entrepreneurial climate of economic entities of the consumer market of the Khabarovsk territory	28
Stroeva G. N.	Housing affordability in the Khabarovsk territory in the context of implementation of the national project «Housing and Urban Environment»	47
Bulanova M. A.	Assessment of the impact of demographic policy to reduce mortality (using the example of the Far-Eastern federal district)	60

Sociology, culturology

Baykov N. M. Voronkin M. V.	Networking of secondary vocational education organizations in the region: opportunities and prospects	76
--------------------------------	---	----

Berezutskiy Yu. V. Stasyuk E. V.	Regional identity of Khabarovsk krai youth and its «social anchors»	91
Nevelichko L. G. Vorotilkina I. M.	Civic identity of youth: theoretical and empirical aspects of research	107
Khalikova S. S.	Life strategies of the far-eastern youth	117
Krivososova L. A.	Students' self-education in distance education: sociological research perspectives	125
Kradozhen-Mazurova E. M.	Increasing interest in modern Russian literature and literary language as an element of civil position generation: analysis of regional practice	134

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья

УДК 339.5(518.3:470)

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-8-17

Состояние и перспективы сотрудничества в сфере сельского хозяйства китайской провинции Хэйлунцзян и России

Чжан Мэй

Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, Харбин, КНР,
42576682@qq.com

Аннотация. Провинция Хэйлунцзян (КНР) первой начала осуществлять сотрудничество с Россией в области сельского хозяйства. После многих лет развития сотрудничества в области сельского хозяйства между провинцией Хэйлунцзян (КНР) и Россией достигнуты значительные результаты, в том числе диверсификация хозяйствующих субъектов и форм сотрудничества, постоянное расширение сфер взаимодействия и т. д. В то же время существуют следующие проблемы: первая – ограниченный транзит рабочей силы; вторая – высокая стоимость транзита сельскохозяйственной техники и вспомогательных сельскохозяйственных орудий; третья – сложное получение финансирования китайским предприятиям для развития сельского хозяйства в России. С момента начала глобальной эпидемии новой коронавирусной пневмонии сотрудничество в области сельского хозяйства между провинцией Хэйлунцзян и Россией сильно пострадало. Однако на фоне совместного строительства Россией и Китаем «Одного пояса, одного пути» сотрудничество между двумя странами стало общей тенденцией. Сотрудничество в области сельского хозяйства, по-прежнему, важно для двух стран для достижения взаимной выгоды и беспроигрышных результатов, а поле действия и перспективы – весьма обширны.

Ключевые слова: «Один пояс, один путь», сотрудничество в области сельского хозяйства, провинция Хэйлунцзян, КНР, Россия

Для цитирования: Чжан Мэй. Состояние и перспективы сотрудничества в сфере сельского хозяйства китайской провинции Хэйлунцзян и России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 8–17. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-8-17>

Current situation and prospects of cooperation in the field of agriculture in the Chinese province of Heilongjiang and Russia

Zhang Mei

The Institute of Russia of the Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, PRC,
42576682@qq.com

Abstract. The Heilongjiang Province is the province of China that pioneered agricultural cooperation with Russia. After many years of development in the field of agriculture between the Heilongjiang Province and Russia, great results have been achieved, such

as diversification of economic entities, diversification of forms of cooperation, constant and continuous expansion of areas of cooperation, etc. However, there are also the following problems: the first is the limited transit of labor and technical personnel; the second is the high cost of transit of agricultural machinery and auxiliary agricultural implements; the third is the difficult obtaining of financing for Chinese enterprises for the development of agriculture in Russia. Agricultural cooperation between the Heilongjiang Province and Russia has been hit hard since the start of the global epidemic of coronavirus pneumonia. However, against the backdrop of joint construction by Russia and China of the «Belt and Road» cooperation between two countries is a general trend, cooperation in the field of agriculture is still important for two countries to achieve mutual benefits and win-win results, and the field of action and prospects are very broad.

Keywords: “One Belt, One Road”, agricultural cooperation, the Heilongjiang Province, Russia

For citation: Zhang Mei. Current situation and prospects of cooperation in the field of agriculture in the Chinese province of Heilongjiang and Russia // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 1 (98). Pp. 8–17. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-8-17>

Введение

В последние годы китайская провинция Хэйлунцзян, воспользовавшись благоприятными возможностями «Одного пояса, одного пути» и «Экономического коридора Китай–Монголия–Россия», активно продвигала сотрудничество в области развития сельского хозяйства с Дальним Востоком России и добилась положительных результатов. В настоящее время провинция Хэйлунцзян является наиболее быстроразвивающейся, крупнейшей и наиболее эффективной в Китае провинцией по сотрудничеству в области развития сельского хозяйства с Россией.

Состояние взаимодействия в сфере сельского хозяйства между провинцией Хэйлунцзян (КНР) и Россией

В 2020 г. объем экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия России достиг 79 млн тонн, при общем объеме экспорта около 30,66 млрд долларов США. Китай по-прежнему является крупнейшим экспортером российской сельскохозяйственной продукции, экспортная стоимость которой составляет 4 млрд долларов США [Пань Иньжу, 2021]. С января по сентябрь 2021 г. объем экс-

порта российской сельскохозяйственной продукции составил 23,148 млрд долларов США, увеличившись на 19% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года. Экспорт в Китай составил 2,537 млрд долларов США, что составляет 11% от экспорта российской сельскохозяйственной продукции¹. С января по сентябрь 2021 г. общий объем импорта и экспорта провинции Хэйлунцзян в Россию составил 94,28 млрд юаней, увеличившись на 26,9%, что составляет 64,8% от общего объема внешней торговли провинции, из которых экспорт в Россию составил 7,5 млрд юаней, увеличившись на 2,2%, импорт из России – 86,78 млрд юаней, увеличившись на 29,6%². Ретроспективная оценка позволила выделить ряд следующих особенностей взаимодействия в сфере сельского хозяйства между провинцией Хэйлунцзян (КНР) и Россией.

1. *Направления кооперативного хозяйствования становятся все более разнообразными.* Сотрудничество в сфере сельского хозяйства между провинцией Хэйлунцзян (КНР) и Россией началось в 1988 г. Основным органом управления

¹ Оперативный обзор экспорта продукции АПК (Данные по состоянию на 26 сентября 2021 года). URL: https://mex.gov.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/industry-information/info-analiticheskie-obzory_20/ (дата обращения: 06.12.2021).

² За первые три квартала 2021 года общая стоимость импорта и экспорта провинции Хэйлунцзян составила 145,55 млрд юаней, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 23,5%. URL: Хэйлунцзян жибао.05.08.2021.

сельским хозяйством в России тогда были не предприятия, а группа, состоящая из более чем 60 крестьян, которая спонтанно отправилась в Приморский край России для посадки овощей на арендованных землях. После многих лет развития сотрудничество в сфере сельского хозяйства между двумя сторонами стало более стандартизированным. Количество проектов сотрудничества между предприятиями провинции Хэйлунцзян и российскими предприятиями или правительством увеличивается день ото дня, а коммерческие структуры постепенно диверсифицируются. К сентябрю 2021 г. количество предприятий, имеющих право на импорт и переработку российской сельхозпродукции, увеличилось до более чем 130.

2. *Формы сотрудничества имеют тенденцию к разнообразию.* Во-первых, одной из форм является создание дочерних компаний за рубежом, таких как компания ООО «Суйфэньхэская компания развития современного сельского хозяйства на Дальнем Востоке «Цяосин»», которая учредила в России дочернюю компанию ООО «Дальневосточная компания инвестиционного развития «Цяосин»». Во-вторых, закупка китайскими предприятиями зерна у сельскохозяйственных девелоперских компаний в России. В третьих, создание платформы для сотрудничества и обмена с Россией в сфере сельского хозяйства. Например, создание Зоны свободной торговли КНР (Хэйлунцзян), создание Союза провинции Хэйлунцзян с российскими сельскохозяйственными предприятиями, создание совместной системы встреч для сотрудничества и координации с Россией, проведение «Года местного сотрудничества и обменов», Форума по инвестиционному сотрудничеству в сельское хозяйство и сельскохозяйственную продукцию «Один пояс, один путь», создание Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития для содействия местным подкомитетам по дружескому обмену, открытие приграничной междугородной торговой зоны Хэйхэ.

3. *Продолжение расширения зоны сотрудничества.* В настоящее время провинция Хэйлунцзян наладила отношения сотрудничества в сфере сельского хозяйства с более чем дюжиной регионов, вклю-

чая Приморский край, Амурскую область и Хабаровский край. Проект развития растениеводства за рубежом реализован на территории российского Приморья, Хабаровского края, Еврейской автономной области, Амурской области и в других 29 районах 7 регионов России.

4. *Продолжение расширения сферы сотрудничества.* С точки зрения структуры посевов зерновых сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией в области зерновых культур расширилось с первоначального акцента на овощах до соевых бобов, дополненных зерновыми культурами, такими как пшеница, кукуруза и рис, и масштабы сотрудничества продолжают расширяться. Кроме того, провинция Хэйлунцзян продолжает углублять сотрудничество с Россией в области переработки и оптовой продажи сельскохозяйственной продукции, пищевой промышленности и переработки кормов, а также животноводства и в том числе свиноводства.

5. *Ведущая роль ключевых предприятий очевидна.* Основные инвестиционные районы провинции Хэйлунцзян на Дальнем Востоке разделены на четыре административных района. В каждом районе есть крупные предприятия, которые стимулируют развитие малых и средних предприятий в виде парков развития. Основными представительскими предприятиями (с масштабом посадки более 100000 му (мера площади, равная 1/15 га)) являются в Приморском крае: ООО «Чжаодунская компания «Лунъюань Жуньфэн»», ООО «Суйфэньхэская компания «Баого»», ООО «Дуннинская компания «Хуаюй»», ООО «Дуннинская компания «Хуаян» и др.; в Амурской области: ООО «Хэйхэская компания «Бэйфэн»», ООО «Нэньцзянская компания «Моэргэнь»; в Хабаровском крае: ООО «Харбинская компания «Дунцзинь»»; в Еврейской автономной области: ООО «Тунцзянская компания «Синьюаньдун»», ООО «Тунцзянская компания «Лунцзянь»», ООО «Компания «Хэсян» и др.

6. *Продолжение роста объемов перевозки зерна.* В последние годы провинция Хэйлунцзян постоянно увеличивала импорт зерна из России с 477 000 тонн в 2016 г. до 515 000 тонн в 2017 г. Из

них было импортировано 505 000 тонн сои, что составляет 98% от перепроданного зерна. С января по сентябрь 2018 г. импорт зерна из России достиг 648 000 тонн, сои – 566 800 тонн, что превышает общий объем импорта в 2017 г. Ежегодно провинция экспортирует в Россию более 16 000 трудовых услуг, при этом доход от рабочей силы на душу населения составляет 45 000 юаней, а годовой доход от рабочей силы превышает 800 миллионов юаней³.

7. *Формирование начального масштаба трансграничной производственной базы.* В настоящее время завершено предварительное строительство базы по приграничной переработке сельскохозяйственной продукции между провинцией Хэйлуньцзян и Россией. В 2018 г. 4 трансграничные перерабатывающие компании, включая ООО «Суйфэньхэская компания «Ляньюнь»», ООО «Суйфэньхэская компания «Баого»», ООО «Хэйхэская компания «Бэйфэн»», ООО «Харбинская компания «Дунцзинь»» в провинции Хэйлуньцзян, дополнительно увеличили инвестиции в проекты парков. Производственная мощность ООО «Суйфэньхэская компания «Ляньюнь»» составляет 100 000 тонн обратной перевозки соевых бобов. ООО «Суйфэньхэская компания «Баого»» инвестировала 300 млн юаней в проект обратной перевозки брикетированного корма из кукурузы, построенный в зоне свободной торговли Суйфэньхэ, и мощность переработки кукурузы достигла 170 000 тонн. Основываясь на инвестициях в размере 220 млн юаней в строительство крупных современных сельскохозяйственных предприятий за рубежом в приграничном районе Хабаровска в 2017 г., группа компаний «Дунцзинь» дополнительно расширила масштаб инвестиций до 200 млн юаней в 2018 г. и инвестировала 150 млн юаней в сотрудничество с администрацией порта Фуюань в строительство причала вместимостью 500 000 тонн для транспортировки и хранения российского зерна. Российско-китайский сельскохозяйственный индустриальный парк «Бэйфэн» в Хэйхэ увеличил инвестиции на 30 млн

долларов США, был реализован прирост 3 новых предприятий, общее количество достигло 8 предприятий³.

Возможности провинции Хэйлуньцзян в сельскохозяйственном сотрудничестве с Россией

1. *Россия, как и Китай, придают важное значение своему сельскохозяйственному сотрудничеству.* В последние годы обе стороны подняли сотрудничество в сфере сельского хозяйства на национальный уровень. В Среднесрочном и долгосрочном плане провинции Хэйлуньцзян по торговле услугами с Россией на 2014–2023 гг. четко указано: «Дальнейшее продвижение строительства промышленного пояса по производству и переработке сельскохозяйственной продукции за пределами России и промышленного пояса для экспорта фруктов и овощей в Россию в пределах Китая, продвижение выпуска сельскохозяйственной техники, сельскохозяйственных технологий, предприятий и трудовых услуг на основе проектного сотрудничества, расширение сфер сотрудничества, содействие всестороннему развитию, содействие совместному развитию и режиму сотрудничества правительства, предприятий и крестьян и создание ряда ключевых областей крупномасштабного развития, эксплуатации продукта и интенсивного управления проектами для ускорения развития демонстрационных парков сотрудничества в области сельского хозяйства». В «Плане российско-китайского сотрудничества и развития Дальнего Востока на 2018–2024 годы» сельскохозяйственное сотрудничество России и Китая занимает важное место. «Расширение сферы сотрудничества и содействие глубокому развитию» является общей целью российско-китайского сотрудничества на протяжении многих лет, а также отражает направление развития сотрудничества в области сельского хозяйства между провинцией Хэйлуньцзян (КНР) и Россией.

2. *Совместное строительство «Одного пояса, одного пути» будет способствовать всестороннему развитию сельскохозяйственного сотрудничества*

³ Управление сельского хозяйства и развития сельских районов провинции Хэйлуньцзян. URL: <http://nyunct.hlj.gov.cn/>

между провинцией Хэйлуцзян и Россией. Россия является важным партнером китайской инициативы «Один пояс, один путь». Провинция Хэйлуцзян имеет границу с Россией протяженностью почти 3000 км и соответственно обладает географическими преимуществами смежных стран. В 2015 г. Китай принял важное решение о строительстве «Пояса Шелкового пути Лунцзян». С тех пор строительство «Пояса Шелкового пути Лунцзян» стало важной частью планирования «Экономического коридора Китай-Монголия-Россия» и придало новый импульс сотрудничеству между провинцией Хэйлуцзян и Россией. С целью продвижения строительства «Одного пояса, одного пути» провинция Хэйлуцзян добилась значительного прогресса в развитии трансграничных потоков капитала, иностранных займов, использования внешнего долга, иностранных инвестиций, трансграничного использования юаней и финансового сотрудничества с Россией [Чжан Инци, Ян Бин Лю Пэнсян, 2018], а также заложила основу для сотрудничества в сфере сельского хозяйства провинции Хэйлуцзян с Россией.

3. *Постоянное совершенствование инфраструктуры трансграничных перевозок между Россией и Китаем.* В марте 2019 г. произошло официальное смыкание железнодорожного моста через Амур между российским селом Нижнеленинское и китайским городом Тунцзян. В январе 2020 г. российско-китайский железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян прошел проверку и может быть введен в эксплуатацию. Этот мост соединяет три северо-восточные провинции на юге, Дальневосточную железную дорогу на севере и Транссибирскую железнодорожную магистраль на западе, образуя новый евразийский интермодальный канал, соединяющий Далянь и Харбин, выходящий из страны по железнодорожному мосту через Амур и ведущий в Европу по Транссибирской железнодорожной магистрали. 1 июня 2021 г. строительство первой трансграничной канатной дороги между Россией и Китаем «Трансграничная канатная дорога между Благовещенском России и Хэйхэ провинции Хэйлуцзян (через реку Амур)» вступило

в фазу синхронной закладки фундамента. После открытия и эксплуатации канатной дороги время в пути будет сокращено до менее 10 минут. Строительство этой транспортной инфраструктуры открывает больше возможностей для торговли сельскохозяйственной продукцией между двумя странами.

Ограничивающие факторы сотрудничества в сфере сельского хозяйства между провинцией Хэйлуцзян и Россией

1. *«Ограниченный транзит» трудового персонала.* Хотя площадь обрабатываемых земель в России составляет наибольшую долю от площади обрабатываемых земель в мире, количество рабочей силы с трудом удовлетворяет потребности развития сельского хозяйства. Поэтому необходимо ежегодно привлекать на работу в Россию большое количество рабочей силы из-за рубежа. Среди почти 500 тысяч иностранных рабочих, занятых в сельском хозяйстве России, наибольшую долю составляют китайцы. В прошлом Россия ограничивала количество импортируемой рабочей силы, что делало рабочую силу, необходимую для сельскохозяйственных предприятий в России, недостаточной и ограничивало развитие сельскохозяйственного сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян (КНР) и Россией. В 2020 г. под воздействием пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в России вырос уровень безработицы. В целях защиты приоритетной занятости населения и удовлетворения потребностей рынка труда в период эпидемии были введены дополнительные ограничения на въезд и наем иностранных рабочих. Сельскохозяйственные предприятия могут нанимать иностранных работников для выращивания овощей, но их количество не должно превышать 50% от общего числа работников предприятия [Ван Синьюй, 2020]. В марте 2020 г. Россия полностью запретила въезд иностранной рабочей силы. Хотя Россия соответствующим образом ослабила ограничения на количество ввозимой рабочей силы и открыла транзитные каналы для сельскохозяйственных рабочих, количество китайских рабочих в России по-прежнему очень ограничено

из-за нестабильной эпидемической ситуации, сложных процессов въезда-выезда и высоких затрат.

2. *Высокие транзитные расходы на сельскохозяйственную технику и вспомогательные сельскохозяйственные орудия.* Россия – важный экспортер китайской сельскохозяйственной техники и сельскохозяйственных орудий. В рейтинге стран-экспортеров сельхозтехники Китая в 2020 г. Россия заняла пятое место [У Цзинфан, 2021]. Это тесно связано с ведущей ролью сельскохозяйственного сотрудничества России и Китая. Производство крупной и средней сельскохозяйственной техники в России относительно отстает от производства другой сельскохозяйственной техники. Уровень комплексной механизации сельского хозяйства в провинции Хэйлуунцзян в среднем на 30% выше, чем во всем Китае. По владению крупными сельскохозяйственными машинами и оборудованием провинция занимает первое место в Китае, по коэффициенту использования сельскохозяйственной техники также занимает первое место в Китае [Сунь Сюэчжэнь, 2019]. В последние годы, с увеличением количества сельскохозяйственных предприятий в России, провинция Хэйлуунцзян значительно увеличила трансграничное движение крупной и средней сельскохозяйственной техники и вспомогательных сельскохозяйственных орудий в Россию. Однако из-за воздействия COVID-19 с 2020 г. объем экспорта сельскохозяйственной техники провинции Хэйлуунцзян в Россию в последнее время резко упал. В мае 2021 г. объем экспорта сельхозтехники из провинции Хэйлуунцзян снизился до 2,789 млрд юаней, за месяц снизившись на 35,67%. В краткосрочной перспективе Россия с начала распространения COVID-19 неоднократно издавала временные политики ограничения въезда и выезда работников, товаров и транспортных средств, а также закрытия некоторых пунктов пересечения границы. Это снизило спрос на сельскохозяйственную технику и вспомогательные сельскохозяйственные орудия некоторых небольших зарубежных предприятий по развитию сельского хозяйства из-за таких форс-мажорных факторов как разрыв финансовой цепоч-

ки, остановка операций и остановка производства [Е Хун, 2020]. В то же время в период эпидемии трансграничное обращение сельскохозяйственной техники и вспомогательных сельскохозяйственных орудий требует множества сложных процедур, таких как обнаружение вирусов и дезинфекция, что также в определенной степени стало важным фактором, ограничивающим трансграничное перемещение сельскохозяйственной техники. Кроме того, российские ограничения на количество китайской рабочей силы затрудняют въезд технических специалистов в страну, что делает невозможным получение надежной послепродажной гарантии экспортированной сельскохозяйственной техники и инструментов.

3. *Финансирование предприятий сельскохозяйственного развития за рубежом.* Зарубежные малые и средние предприятия, занимающиеся развитием сельского хозяйства, часто испытывают нехватку средств на начальном этапе. Однако из-за медленной окупаемости инвестиций в сельское хозяйство и длительного производственного цикла эти предприятия могут рассчитывать только на получение российских коммерческих займов или займов от банка Китая, а каналов финансирования явно недостаточно. Некоторым недавно созданным зарубежным предприятиям трудно успешно подать заявку на получение кредита, потому что их кредитная история не сформирована или уровень их кредитоспособности низкий, а процесс подачи заявки сложен. Процентная ставка по коммерческим кредитам в России высока, поэтому себестоимость продукции зарубежных предприятий соответственно увеличивается. Особенно после вспышки COVID-19 малые и средние сельскохозяйственные предприятия за пределами Китая сталкиваются не только с дилеммой остановки производства, но и с разорением некоторых предприятий из-за разрыва цепочки капитала.

Перспективы развития сельскохозяйственного сотрудничества провинции Хэйлуунцзян с Россией

Успехи провинции Хэйлуунцзян в развитии российско-китайского сотрудничества в значительной степени отражают

состояние строительства «Одного пояса, одного пути», а также определяют развитие зоны свободной торговли в провинции Хэйлунцзян. В более широком контексте развития российско-китайских отношений сотрудничество в области сельского хозяйства провинции Хэйлунцзян с Россией неизбежно будет более глубоким.

1. *Провинция Хэйлунцзян богата сельскохозяйственными ресурсами и имеет большой экспортный потенциал в Россию.* В последние пять лет урожай зерна в провинции Хэйлунцзян всегда превышал 74 млн тонн (рис. 1). В 2020 г., несмотря на воздействие новой эпидемии коронавирусной пневмонии, он все же достиг нового максимума, достигнув годового урожая 75,408 млн тонн, что соответствует первому месту по производству зерна в Китае в течение 10 лет подряд. Кроме того, в провинции Хэйлунцзян наблюдается высокий уровень механизации сельского хозяйства, который в 2020 г. достиг 98%. Суммарная мощность сельхозтехники составляет 67,751 млн кВт ч, что на 6,5% больше, чем в 2019 г. Общий объем продукции сельского хозяйства, лесного хозяйства, животноводства и рыболовства достиг 643,81 млрд юаней, что на 2,8% больше, чем в предыдущем году⁴. С января по июнь 2021 г. объем продукции сельского хозяйства, лесного хозяйства, животноводства и рыболовства в провинции Хэйлунцзян достиг 114,19 млрд юаней, что на 9,5% больше, чем за тот же период прошлого года, и на 9,8% за первую половину 2019 г. Темпы роста заняли пер-

вое место среди трех северо-восточных провинций⁵. Эти преимущества предоставляют возможность для сельскохозяйственного сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией.

К концу 2020 г. провинцией Хэйлунцзян было создано более 180 дочерних сельскохозяйственных предприятий и 8 сельскохозяйственных кооперативных парков в России. В целях развития сельскохозяйственного сотрудничества с Россией, укрепления сельскохозяйственных обменов, ускорения строительства инфраструктуры и облегчения таможенного оформления портов провинция Хэйлунцзян установила механизм регулярных встреч с губернаторами Приморского края, Хабаровского края, Амурской области, Забайкальского края и Еврейской автономной области⁶. Регулярные встречи региональных руководителей проводятся ежегодно.

2. *Российское сельское хозяйство процветает, а в провинции Хэйлунцзян есть большой спрос на российскую сельскохозяйственную продукцию.* В последние годы сельское хозяйство России стремительно развивается. Министр сельского хозяйства России Дмитрий Патрушев заявил, что в 2021 г. «ожидается, что урожай сельскохозяйственной продукции в России превысит 127,4 млн тонн зерна и около 81 млн тонн пшеницы, что может полностью удовлетворить внутренний спрос и иметь потенциал для экспорта». Дмитрий Краснов, руководитель Центра развития экспорта продукции агропромышленного комплекса Минсельхоза

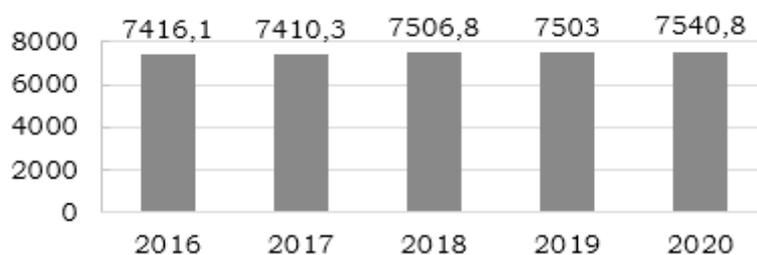

Рис. 1. Производство зерна в провинции Хэйлунцзян, 2016–2020 гг.
Единица измерения: 10 000 тонн

⁴ Статистический бюллетень Статистического управления провинции Хэйлунцзян за 2020 год.

⁵ В первой половине года по темпам роста сельскохозяйственного развития провинция Хэйлунцзян заняла первое место среди трех северо-восточных провинций // Хэйлунцзян жибао. 2021.09.07.

⁶ Провинция Хэйлунцзян: одно окно и четыре района для построения новой модели всестороннего доступа к внешнему миру // Хэйлунцзян жибао. 2019.09.12.

России, также сказал на совещании по экспорту сельхозпродукции в Китай: «В последние годы Россия увеличит общий экспорт мясной продукции, молочные продукты, растительное масло и конфеты в Китай» [Чжи Вэй, 2021]. Китай всегда был крупнейшим экспортером сельхозпродукции России. Сельскохозяйственная продукция Китая, импортируемая из России, в основном включает растительное масло, морепродукты и масличные культуры. Если взять в качестве примера данные об экспорте сои из России, то в настоящее время Китай является основным покупателем российской сои, на долю которой приходится более 90% всего экспорта России. В соответствии с Планом развития российско-китайского сотрудничества по соевым бобам китайская компания Heilongjiang Jiusan Group подписала контракт с Россией на закупку 50 000 тонн не ГМО сои на юге России и на Дальнем Востоке в 2020 г. [Сунь Сюэчжэнь, 2021]. Видно, что в самый тяжелый период эпидемической ситуации китайский рынок по-прежнему демонстрирует высокий потенциал спроса. В то же время сельскохозяйственный экспорт Китая в Россию в основном включает водные продукты, овощи и фрукты.

3) *Сотрудничество в области лесного хозяйства между провинцией Хэйлуцзян и Россией будет направлено на цифровизацию.* В 2016 г. провинция Хэйлуцзян сформулировала план действий «Интернет плюс сельское хозяйство» провинции Хэйлуцзян, который будет активно развивать операторов сельского хозяйства с использованием Интернет-приложений, применять Интернет-технологии для развития интеллектуального сельского хозяйства и ускорять развитие сельскохозяйственной электронной коммерции. По мере постепенной реализации плана сельское хозяйство в провинции Хэйлуцзян трансформируется во всестороннюю цифровизацию, создание сетей и интеллектуальную информацию. Россия также реализует проект «Цифровое сельское хозяйство» в рамках национальной программы «Цифровая экономика»,

который предусматривает принятие ряда мер в цифровой сфере агропромышленного комплекса для построения платформы государственного управления «цифровым сельским хозяйством» и модуль «аграрное решение» [Латков, Видякин, Коржук, Латкова, 2020. С. 247–258]. В будущем сотрудничество между двумя странами в области сельского хозяйства будет использовать информационные технологии нового поколения, такие как облачные вычисления, Интернет, блокчейн и большие данные для научного и цифрового управления производственным процессом. Ожидается, что торговля сельскохозяйственной продукцией между Китаем и Россией будет реализовывать независимые транзакции через Интернет-платформу, чтобы потребители могли более удобно приобретать сельскохозяйственную продукцию за счет визуализации сельскохозяйственной платформы электронной коммерции, что значительно повысит эффективность работы сельскохозяйственных предприятий и снизит их расходы.

Заключение

В совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики по случаю 20-летия подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве подчеркивалось, что «России нужен процветающий и стабильный Китай, а Китаю – сильная и успешная Россия». Китай и Россия считают друг друга приоритетными партнерами и должны «вывести двустороннее сотрудничество в области сельского хозяйства на новый уровень, способствовать взаимному доступу на рынки для сельскохозяйственной продукции и способствовать инвестиционному сотрудничеству в области сельскохозяйственного производства»⁷. В будущем Россия и Китай будут продолжать укреплять сотрудничество, а сотрудничество между провинцией Хэйлуцзян и Россией в сфере сельского хозяйства будет следовать национальным темпам и постоянно улучшать качество и уровень взаимодействия.

⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики по случаю 20-летия подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Гуанмин жибао. 2021.09.06.

Список источников:

1. Ван Синьюй. В 2020 году Россия примет ограничительные меры по привлечению иностранной рабочей силы. URL: <http://www.heihe.gov.cn/info/1185/104022.htm> (дата обращения: 17.11.2021).
2. Латков Н. Ю., Видякин А. В., Коржук А. Б., Латкова Е. В. Вопросы цифровизации экономики (на примере агропромышленного комплекса РФ) // Московский экономический журнал. 2020. № 11. С. 247–258. DOI 10/24411/2413-046X-2020-10739
3. Пань Иньжу. Россия впервые стала нетто-экспортером сельскохозяйственной продукции, и эти два вида продукции популярны в Китае // Хэйлунцзянская экономическая газета. 2021.03.12.
4. Чжан Инци, Ян Бин Лю Пэнсян. Содействие стыковки провинции Хэйлунцзян со строительством «Одного пояса, одного пути». URL: <http://finance.jrj.com.cn/2018/01/10072023921858.shtml> (дата обращения: 17.11.2021).
5. Тан Ли. Сотрудничество России и Китая в сфере сельского хозяйства, провинция Хэйлунцзян лидирует // Хэйлунцзянская экономическая газета. 2020.11.09
6. Сунь Сюэчжэнь. Уровень механизации сельского хозяйства в провинции Хэйлунцзян достиг 96,8%. URL: <http://news.nongji360.com/html/2019/01/236126.shtml> (дата обращения: 17.11.2021).
7. Чжи Вэй. Урожай зерновых в России в этом году ожидается на уровне 127,4 млн тонн и пшеницы 81 млн тонн. URL: <https://zezx.dbw.cn/system/2021/08/18/001435386.shtml> (дата обращения: 17.11.2021).
8. Е Хун. Тенденция развития экспортного рынка отечественной сельхозтехники в условиях эпидемии // Contemporary Farm Machinery. 2020. № 6. С. 60–62.
9. У Цзинфан. Обзор экспорта сельскохозяйственной техники Китая за 2020 год // Agricultural Machinery Market. 2021. № 3. С. 46–47.

References:

1. Wang Xinyu. In 2020, Russia will take restrictive measures to attract foreign labor. URL: <http://www.heihe.gov.cn/info/1185/104022.htm> (Accessed: 11/17/2021). (In Chinese).
2. Latkov N. Yu., Vidyakin A. V., Korzhuk A. B., Latkova E. V. Issues of digitalization of the economy (on the example of the agro-industrial complex of the Russian Federation) *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal* [Moscow Economic Journal], 2020, no. 11, pp. 247–258. (In Russian). DOI 10/24411/2413-046X-2020-10739
3. Pan Yinzhu. Russia became a net exporter of agricultural products for the first time, and these two types of products are popular in China *Kheyluntszyanskaya ekonomicheskaya gazeta* [Heilongjiang economic newspaper], 2021.03.12. (In Chinese).
4. Zhang Yingqi, Yang Bing, Liu Pengxiang Promoting the docking of Heilongjiang Province with the construction of «One Belt, One Road». URL: <http://finance.jrj.com.cn/2018/01/10072023921858.shtml> (accessed 11/17/2021). (In Chinese).
5. Tan Li. Cooperation between Russia and China in the field of agriculture, Heilongjiang Province is in the lead *Kheyluntszyanskaya ekonomicheskaya gazeta* [Heilongjiang economic newspaper], 2020.11.09. (In Chinese).
6. Sun Xuezhen The level of agricultural mechanization in Heilongjiang Province reached 96,8%. URL: <http://news.nongji360.com/html/2019/01/236126.shtml> (accessed 11/17/2021). (In Chinese).
7. Zhi Wei The grain harvest in Russia this year is expected to reach 127.4 million tons and 81 million tons of wheat. URL: <https://zezx.dbw.cn/system/2021/08/18/001435386.shtml> (accessed 11/17/2021). (In Chinese).
8. Ye Hong. Trend in the development of the export market of domestic agricultural

machinery in the context of the epidemic *Sovremennaya sel'skokhozyaystvennaya tekhnika* [Contemporary Farm Machinery], 2020, no. 6, pp. 60–62.

9. Wu Jingfang. Overview of exports of agricultural machinery in China for 2020 *Rynok sel'skokhozyaystvennoy tekhniki* [Agricultural Machinery Market], 2021, no. 3, pp. 46–47.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 17.03.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 17.03.2022.

Информация об авторе

Чжан Мэй – старший научный сотрудник, Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, КНР.

Information about the author

Zhang Mei – Researcher, the Institute of Russia of the Heilongjiang Academy of Social Sciences, PRC.

Научная статья

УДК 339.5(571.54:510)

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-18-27

Забайкальский край как актор современных российско-китайских внешнеторговых отношений

^{1,2} **Светлана Владимировна Таскаева**

¹ Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

² Хулуьнбуирский университет, Хайлар, КНР

lana.taskaeva@mail.ru

Аннотация. В свете улучшения и постоянного углубления российско-китайских внешнеторговых связей исследование внешнеэкономической привлекательности приграничных регионов как территорий наибольшего сопряжения приобретает особую актуальность. В статье показана востребованность транзитного потенциала Забайкальского края – одного из субъектов Российской Федерации, являющегося приграничной территорией; рассматривается динамика внешней торговли региона. На основе анализа статистических данных Федеральной таможенной службы России об объемах экспорта и импорта, а также номенклатуре перемещаемых через таможенную границу товаров выделены локальные особенности внешней торговли Забайкалья, рассмотрена торгово-экономическая привлекательность региона для Китайской Народной Республики, выявлены региональные тенденции во внешней торговле и проведено их сравнение с общероссийскими трендами.

В статье также уделено внимание противоречиям в сфере внешнеэкономической деятельности Забайкальского региона и проблемам, требующим внимания органов местной власти и иных заинтересованных лиц. В статье выделены экономические преимущества, которые могут стать «точками роста» региона, предложены пути решения проблем, рассмотрена стратегическая перспектива края как потенциального претендента на роль сухопутного «моста» между европейской частью России и странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: приграничный регион, внешнеторговый оборот, экспорт, импорт, транзитный потенциал, экономическая неустойчивость, Забайкальский край

Для цитирования: Таскаева С. В. Забайкальский край как актор современных российско-китайских внешнеторговых отношений // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 18–27. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-18-27>

Transbaikal territory as a vector of contemporary Russian-Chinese foreign trade relations

^{1,2} **Svetlana V. Taskaeva**

¹ The Transbaikal State University, Chita, Russia

² The Hulunbuir University, Inner Mongolia, China

lana.taskaeva@mail.ru

Abstract. In the light of improvement and constant deepening of the Russian-Chinese foreign trade relations, the study of the foreign economic attractiveness of the border regions as the territories of greatest conjugation is of particular relevance. The article shows demand for the transit potential of the Trans-Baikal territory – one of the regions of the Russian

Federation, which is a border area; examines the dynamics of the region's foreign trade. Based on the analysis of statistical data of the Federal Customs Service of Russia on the volume of exports and imports, as well as the range of goods transported across the border, the local features of foreign trade of Transbaikalye are identified. The article is also devoted to the economic attractiveness of the region for the People's Republic of China. Regional trends in foreign trade are identified and compared with the national ones.

The article also pays attention to the contradictions inherent in the foreign economic activity of the Trans-Baikal region and the problems that require attention of the local authorities and other stakeholders. The article highlights the economic advantages that can become «growth points» of the region, suggests the ways to solve problems, considers strategic prospect of the region as a potential contender for the role of «bridge» between the European part of Russia and the countries of the Asia-Pacific region.

Keywords: border region, foreign trade turnover, export, import, transit potential, economic instability, Trans-Baikal territory

For citation: Taskaeva S. V. Transbaikal territory as a vector of contemporary Russian-Chinese foreign trade relations // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 1 (98). Pp. 18–27. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-18-27>

Введение

В связи с установлением в последние десятилетия высокого уровня доверия между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой вопросы российско-китайского внешнеторгового сотрудничества приобрели особую актуальность и являются предметом многих современных исследований.

Такие исследования ведутся как российскими, так и китайскими учеными, их научный интерес прикован в том числе к Дальневосточному федеральному округу (далее – ДФО) России и Северо-Востоку Китая как территориям наибольшего сопряжения интересов обеих стран в плане взаимовыгодного сотрудничества в сфере внешней торговли.

Среди российских ученых можно выделить В. А. Ларина [Ларин, 2015], М. В. Александрову [Александрова, 2016], С. А. Иванова [Иванов, 2011], Н. П. Рыжову [Рыжова, 2013], Д. А. Изотова [Изотов, 2011], Л. Н. Жилину [Жилина, 2016], А. Н. Михайленко, И. И. Арсентьеву [Михайленко, Арсентьева, 2013], И. Зуенко [Зуенко, 2017] и др. Интерес представляют работы таких китайских исследователей как Синь Жань [Синь Жань, 2013], Чжан Мэй [Чжан Мэй, 2019], Бай Сяогуан, Ань Чжао Чжэнь [Бай Сяогуан,

Ань Чжао Чжэнь, 2019] и др.

Подходы двух научных школ (русской и китайской), иногда придерживающихся диаметрально противоположных взглядов на внешнеторговое приграничное сотрудничество, способствуют более объективной и беспристрастной оценке взаимодействия регионов, существующих трудностей и перспектив развития дальнейшего сотрудничества.

Объявление Президентом России В. В. Путиным развитие Дальнего Востока национальным приоритетом на весь XXI век¹ в значительной степени увеличило исследовательский интерес к региону и среди западных ученых [Helge, 2018].

Несмотря на многочисленные исследования, лишь отдельные работы посвящены анализу текущего состояния и особенностей внешнеторговых связей Забайкальского края с КНР.

Забайкалье исторически тесно связано с Китаем, но внешнеторговые отношения в современном их виде начали складываться практически только в XXI в.

Полноценная централизация российско-китайских отношений началась после стабилизации политической и экономической ситуации в России и заключения с Китаем в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудниче-

¹ Путин В. XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию.. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56023>

стве². Одно из положений данного Договора касалось расширения межрегионального сотрудничества субъектов РФ и китайских провинций. В том же году была разработана Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации³.

В сентябре 2009 г. руководителями России и Китая была утверждена Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на период до 2018 г., цель которой заключалась в координации усилий обеих стран по стратегическому развитию указанных регионов и реализации целевых государственных программ России и Китая «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья» и «Программы по возрождению районов Северо-Востока Китая», в первую очередь, с помощью инвестиций.

Программа предусматривает взаимодействие по нескольким направлениям приграничного сотрудничества и должна быть реализована в рамках Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года⁴.

Забайкалье как элемент системы российско-китайских внешнеэкономических отношений

Благодаря географическому положению Забайкалья, безусловно, является важной частью системы внешней торговли России с Китаем, поскольку край выполняет функцию транзитной территории для китайской продукции, поставляемой не только в центральные российские регионы, но и страны Запада. Товары перевозятся автомобильным и железнодорожным видами транспорта через два крупнейших и весьма значимых для российско-китайских торговых отношений пункта пропуска – автомо-

бильный пункт пропуска МАПП Забайкальск и железнодорожный пункт пропуска ЖДПП Забайкальск, расположенных в приграничном поселке Забайкальск. Востребованность транзитного потенциала края подтверждается тем, что на протяжении многих лет от 60% до 70% грузов, как экспортных, так и импортных, перемещается через российско-китайский участок Государственной границы Забайкальск (РФ) – Маньчжурия (КНР). В Забайкалье расположены и иные пункты пропуска на границе с Китаем – ДАПП Староцурухайтуйский и ДАПП Олочи, но они менее востребованы из-за низкой пропускной способности; кроме того, три пункта пропуска функционируют на границе с Монголией.

Начиная с 2013 г. Китай занимает первое место по доле в российском товарообороте. Из данных, приведенных в таблице 1, видно, что с 2015 по 2019 гг. общий внешнеторговый оборот России с Китаем в стоимостном выражении имел положительную динамику роста; китайский импорт продолжил рост как в стоимостном выражении, так и удельном весе даже в 2019–2020 гг., несмотря на пандемию.

Снижение экспорта в стоимостном выражении в 2019–2020 гг. можно объяснить, помимо прочего, нисходящим трендом мировых цен, в первую очередь, на энергетические товары, составляющие основу российского экспорта, на фоне неблагоприятной рыночной конъюнктуры, охлаждением экономической активности в условиях пандемических ограничений. Однако в 2021 г. заметен рост российского экспорта в Китай, что, во-первых, обусловлено расширением поставок российских нефтепродуктов в Китай в связи с перестройкой китайского промышленного комплекса (при этом следует иметь в виду, что КНР планирует открытие новых нефтяных скважин на своей территории в 2022–2023 гг., и рос-

² Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 мая 2002 г. № 21. Ст. 1922.

³ Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2001 г. № 196-р // Справочно-информационная система «Консультант плюс.»

⁴ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (пункт 61), утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2011 года № 553-р.

сийские поставки могут сократиться). Во-вторых, Россия заменила в некоторой степени постоянного поставщика угля в Китай – Австралию (здесь также нельзя строить долгосрочные прогнозы, поскольку Китай может найти других альтернативных поставщиков). В-третьих, Россия выходит на первое место среди поставщиков товаров агропромышленного комплекса в Китай, который снял

барьеры для многих видов российской сельскохозяйственной продукции⁵.

Внешняя торговля ДФО с Китаем

Рассмотрим торгово-экономическую привлекательность для китайского бизнеса Дальневосточного федерального округа, в который, начиная с 2018 г., был включен Забайкальский край.

Представленные в таблице 2 данные ярко показывают смещение товарных

Таблица 1

Внешняя торговля Российской Федерации с Китайской Народной Республикой с 2015 по сентябрь 2021 гг., в млн долларов США

Год	Общий оборот торговли, млн долл. США	Темпы роста, %	Экспорт, млн долл. США	Темпы роста, %	Импорт, млн долл. США	Темпы роста, %	Доля в общем обороте, %
2015	63 553,1	-	28 602,3	-	34950,8	-	12,1
2016	66 108,2	104,0	28 021,3	98,0	38 087,0	109,0	14,1
2017	86 974,6	131,6	38 918,6	138,9	48 055,9	126,2	14,9
2018	108 244,7	124,5	56 019,4	144,1	52 225,4	108,7	15,7
2019	110 918,6	102,5	56 791,6	101,4	54 127,0	103,6	16,6
2020	103 969,2	93,7	49 061,0	86,4	54 908,0	101,4	18,3
9 мес. 2021*	98 938,3	-	48 406,1	-	50532,2	-	-

* Темпы роста не указаны по причине некорректности сравнения периодов, разных по продолжительности.

Источник: составлено автором по: Торговля между Россией и Китаем в 2020 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiei-i-kitaem-v-2020-g/> (дата обращения 08.01.2022).

Таблица 2

Итоги внешней торговли регионов Российской Федерации с Китайской Народной Республикой с 2018 по сентябрь 2021 гг. (удельный вес в %)

Наименование	2018		2019		2020		9 мес. 2021	
	ЭК	ИМ	ЭК	ИМ	ЭК	ИМ	ЭК	ИМ
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Центральный ФО	50,3	62,9	49,8	63,3	46,7	66,2	46,9	65,4
Северо-Западный ФО	11,3	15,9	12,1	15,4	7,3	11,9	8,6	11,9
Южный ФО	4,5	4,0	4,2	3,4	1,8	2,5	1,8	2,6
Приволжский ФО	9,6	6,2	9,2	5,8	4,4	4,6	3,8	4,9
Уральский ФО	9,1	4,0	9,0	4,3	11,9	3,6	12,9	3,7
Сибирский ФО	8,6	4,0	8,6	4,0	13,5	3,7	13,5	3,9
Дальневосточный ФО	6,3	2,6	6,8	3,4	14,1	7,1	12,3	7,2
Северо-Кавказский ФО	0,3	0,4	0,3	0,4	0,3	0,4	0,2	0,4

ФО – федеральный округ, ЭК – экспорт, ИМ – импорт.

Источник: расчеты сделаны автором по источнику: Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/structure/regional> (дата обращения 08.01.2022).

⁵ «Побили рекордные показатели»: за счёт чего увеличивается товарооборот между Россией и Китаем – РТ на русском. URL: <https://russian.rt.com/business/article/938975-rossiya-kitai-torgovlya-rekord> (дата обращения 08.01.2022).

потоков между РФ и КНР в сторону Центрального, а также Северо-Западного федеральных округов, которые не имеют общей границы с Китаем и значительно удалены от него. Они являются регионами-ядрами, где сосредоточены основные внешнеторговые партнеры Китая. Такое смещение можно назвать критическим, так как в совокупности на них приходится более половины экспорта и около 80% импорта. Дальневосточный федеральный округ, имеющий общую границу с Китаем и разветвленную транспортную сеть, но географически являющийся наиболее удаленным от центра, в 2018–2019 гг. занимал одно из последних мест в торговле с Китаем: в экспортных операциях его доля составляла

чуть более 6%, а в импортных не достигала и 4%. Однако ситуация изменилась в 2020 г. – ДФО вышел на второе место по экспорту с Китаем и на третье – по импортным поставкам, 9 месяцев 2021 г. показывают сохранение тренда.

Тенденции и особенности внешне-торговых связей Забайкалья

В 2020 г. Забайкальский край вышел на второе место среди дальневосточных регионов по экспорту с Китаем, однако в 2021 г. наблюдается резкое снижение забайкальского экспорта товаров в сопредельное государство (табл. 3).

Данные, представленные в таблице 4, говорят о росте удельного веса российского экспорта в общем объеме вывозимых в КНР с территории Забайкальского

Таблица 3

Доля субъектов Дальневосточного федерального округа во внешней торговле РФ с КНР с 2018 по сентябрь 2021 гг.

Субъект ДВФО	2018*		2019		2020		9 мес. 2021	
	ЭК	ИМ	ЭК	ИМ	ЭК	ИМ	ЭК	ИМ
Дальневосточный ФО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Приморский край	21,4	78,2	22,1	70,0	18,6	73,2	11,1	66,4
Хабаровский край	24,9	7,5	11,0	6,7	10,1	5,7	9,4	11,3
Амурская область	5,3	6,9	4,6	5,3	5,0	5,2	2,5	4,5
Камчатский край	5,6	0,3	6,0	0,3	5,7	0,3	2,8	2,1
Магаданская область	0,2	0,6	0,7	0,5	0,3	0,9	2,0	1,0
Сахалинская область	29,0	1,2	31,4	3,2	25,7	2,5	39,9	4,5
Забайкальский край	5,6	16,1	8,5	9,2	14,8	10,0	5,9	7,2
Чукотский АО	1,4	0,6	2,0	0,6	3,3	0,5	0,9	0,4
Республика Бурятия*	5,1	2,0	4,2	1,4	8,3	0,9	4,8	0,8
Республика Саха (Якутия)	6,5	0,6	7,8	2,2	5,5	0,6	19,4	1,7
Еврейская АО	2,2	0,8	1,7	0,6	2,7	0,2	1,3	0,1

* Данные ДФО за 2018 г. включают сведения по Республике Бурятия и Забайкальскому краю только за ноябрь-декабрь.

Источник: расчеты сделаны автором по: Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/structure/regional> (дата обращения 08.01.2022)..

Таблица 4

Стоимостной объем экспорта Забайкальского края в Китай, млн долл США

Год	Общий экспорт	Экспорт в Китай	Удельный вес экспорта, %
2018	433,5	360,7	83,2
2019	633,6	548,5	86,6
2020	1071,9	1017,5	94,9
9 мес. 2021	1189,0	1131,0	95,1

Источник: расчеты сделаны автором по: Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/structure/regional> (дата обращения 08.01.2022).

края товаров, что должно бы свидетельствовать об укреплении внешнеэкономических связей края с Китаем. В то же время мы видим, что Китай является практически единственным зарубежным рынком для экспортной продукции Забайкалья, на другие рынки региону выйти или не с чем, или поиск контрагентов в иных зарубежных странах, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в сфере экспорта предпринимателями края не осуществляется, нет стремления расширить сферу внешнеэкономического сотрудничества, что свидетельствует о риске экономической зависимости от единственного потребителя товаров. Отсутствие конкуренции среди потребителей экспортных товаров ставит край в экономически невыгодное положение.

Следует отметить, что около 3% забайкальского экспорта приходится на Казахстан, но, учитывая его географическое положение, можно предположить, что часть экспортных товаров также уходит в дальнейшем в Китай.

При анализе импорта (табл. 5) мы видим, что Китай был и остается ведущим поставщиком товаров для Забайкалья, что объясняется удобной и недорогой логистикой, относительно низкой стоимостью китайских товаров. В то же время в 2018–2019 гг. удельный вес импорта почти приблизился к 100%, а это означает, что Забайкальский край утрачивает хозяйственные связи с другими зарубежными странами, в том числе и со странами СНГ, что повышает зависимость экономики края от Китая, увеличивает ее неустойчивость. Мы видим, что в 2020 г. ситуация несколько изменилась (в основном, за счет поставок оборудования из Финляндии, Италии, Эстонии, Германии для сортировки, промывки и

т. п., однако эта тенденция, скорее всего, временная, поскольку связана с развитием горнодобывающей отрасли в крае, а количество месторождений и компаний, занятых в данной отрасли, все-таки ограничено, к тому же оборудование относится к основным средствам производства и ориентировано на длительный срок использования.

Рассматривая структуру экспорта (табл. 6), следует обратить внимание на то, что она весьма небогата: на протяжении исследуемого периода в Китай в основном вывозились минеральные продукты (товарные группы ТН ВЭД ЕАЭС 26 и 27), отчетливо прослеживается тенденция увеличения данного сегмента – от 72,9% в 2018 г. до 93,7% в 2021 г. В 2018 г. значительным был экспорт древесины и целлюлозно-бумажных изделий (товарная группа ТН ВЭД ЕАЭС 44), но в результате борьбы государства с вывозом необработанного леса по демпинговым ценам и предотвращения природно-экологических рисков [Покровская, 2013. С. 28–46] мы наблюдаем тенденцию к снижению экспорта указанных товаров. Можно предположить, что в результате повышения экспортной пошлины с 1 июля 2021 г. на лес круглый, а также после введения запрета на экспорт необработанной или грубо обработанной древесины хвойных и ценных лиственных пород с 1 января 2022 г. показатели по экспорту товаров группы 44 будут стремиться к нулю, поскольку деревообрабатывающая промышленность в Забайкалье так и не получила надлежащего развития.

В отличие от общероссийского вектора по наращиванию импорта в Китай агропромышленной продукции, в Забайкалье мы видим обратную тенденцию – экспорт продовольственных товаров и сельско-

Таблица 5

Стоимостной объем импорта Забайкальского края из Китая, млн долл. США

Год	Общий импорт	Импорт из Китая	Удельный вес импорта, %
2018	548,2	539,8	98,5
2019	378,0	368,3	97,4
2020	445,0	392,1	88,1
9 мес. 2021	526,6	366,4	69,6

Источник: расчеты сделаны автором по: Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/structure/regional> (дата обращения 08.01.2022).

Таблица 6

**Основные товарные группы в структуре экспорта Забайкальского края
в период с 2018 по сентябрь 2021 гг.**

Товарные группы ТН ВЭД ЕАЭС	Экспорт (уд. вес, %)			
	2018	2019	2020	9 мес. 2021
<i>Всего</i>	100	100	100	100
11 Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмал; инулин; пшеничная клейковина	0,9	0,3	0,1	-
12 Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения и растения для тех.целей; солома и фураж	2,2	0,9	1,2	0,0
19 Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала, молока; мучные кондитерские изделия	0,6	0,4	0,1	0,0
26 Руды, шлак и зола	72,9	81,0	92,7	93,7
27 Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	6,2	9,1	2,9	2,1
28 Продукты неорганической химии	4,0	-	-	2,6
44 Древесина и изделия из нее; древесный уголь	11,4	6,5	2,7	1,3
Иные товары	1,8	1,8	0,3	0,3

Источник: расчеты сделаны автором по: Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/structure/regional> (дата обращения 08.01.2022).

хозяйственного сырья (товарные группы 11, 12 и 19) равен нулю. Скорее всего, тенденция по минеральному сырью и товарам агропромышленного комплекса сохранится и в 2022 г.

В структуре импорта (табл. 7) традиционно значимое место занимают овощи и фрукты (товарные группы 07 и 08), однако отмечается снижение динамики ввоза данных товаров, скорее всего, это обусловлено тем, что на рынке Забайкалья появляется все больше фруктов, овощей и орехов, ввозимых из стран СНГ. Данный факт может объясняться тем, что торговлей плодоовощной продукцией в крае занимаются в основном выходцы из стран ближнего зарубежья – Таджикистана, Узбекистана и др.

В связи с развитием в крае горнодобывающей отрасли отмечается значительный рост импорта товаров товарной группы 84 (машины, оборудование и механизмы; их части), о чем говорилось выше.

Обращает на себя внимание постепенный рост импорта товаров группы 29

Органические химические соединения (группа 29), что совпадает с общероссийской тенденцией.

Следует обратить внимание и на такой показатель, как количество компаний, ведущих торговую деятельность с Китаем. В 2018 г. в регионе деятельности Читинской таможни внешнеторговые операции осуществляли 355 участников ВЭД, зарегистрированных в Забайкальском крае (без учета данных взаимной торговли с государствами-членами ЕАЭС), в 2019 году – 348, в 2020 г. – 302, за 9 месяцев 2021 г. декларирование товаров было произведено 249 участниками ВЭД.⁷

Вышеприведенные данные свидетельствуют о тенденции снижения количества участников ВЭД в Забайкальском крае. Учитывая, что удельный вес количества участников ВЭД, зарегистрированных на территории Забайкальского края, составляет около 5% от общего количества участников ВЭД Дальневосточного федерального округа, а также принимая во внимание, что только примерно треть зарегистрированных участников ВЭД фак-

⁷ Обзор внешнеэкономической деятельности Забайкальского края за 9 месяцев 2021 года. URL: https://dvtu.customs.gov.ru/storage/document/document_info/2021-12/10/ (дата обращения 08.01.2022).

Таблица 7

**Основные товарные группы в структуре импорта Забайкальского края
с 2018 по сентябрь 2021 гг.**

Товарные группы ТН ВЭД ЕАЭС	Импорт (уд. вес, %)			
	2018	2019	2020	9 мес. 2021
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
07 Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	19,6	20,0	13,1	10,7
08 Съедобные фрукты и орехи; кожура и корки цитрусовых или дынь	16,5	13,7	2,0	2,8
17 Сахар и кондитерские изделия из сахара	0,9	0,7	0,2	0,3
23 Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных	4,1	4,2	3,5	4,1
25 Соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы; известь и цемент	1,1	1,8	2,1	0,7
28 Продукты неорганической химии	1,0	1,9	2,0	1,2
29 Органические химические соединения	5,2	5,9	6,9	7,8
38 Прочие химические продукты	1,5	1,6	1,5	1,4
68 Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов	16,3	19,8	13,2	7,0
69 Керамические изделия	2,8	4,5	3,7	2,5
72 Черные металлы	1,0	1,2	1,0	1,5
84 Машины, оборудование и механизмы; их части	11,9	12,5	24,5	38,7
85 Электрические машины и оборудование, их части; аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности	12,5	1,3	7,3	5,8
Иные товары	5,6	10,9	19,0	15,5

Источник: расчеты сделаны автором по: Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/structure/regional>. (дата обращения 08.01.2022).

тически занимается внешнеторговыми операциями, а новые игроки не появляются, то можно говорить о чрезвычайно низкой активности предприятий и организаций Забайкальского края во внешней торговле.

Помимо этого, стоит также отметить иные локальные особенности, негативно влияющие (повлиявшие) на развитие внешнеторговой деятельности в Забайкальском крае, такие как: низкая плотность и отток населения региона, длительная закрытость территории в связи с дислокацией воинских частей в советский период, экономическая отсталость и дотационность, низкий уровень производительности, удаленность от центра (хотя, как показывают последние исследования, данная особенность может иметь позитивный эффект для развития внешнеторговых отношений), пассивность органов местной власти в вопросах налаживания внешнеторговых связей со странами Азиатско-Тихоокеанского

региона и недостаточная степень самостоятельного, без государственного регулятора, анализа ими экспортного потенциала края, стихийное ведение ВЭД забайкальскими компаниями, недостаток квалифицированных специалистов как в сфере внешней торговли, так и в сфере международных отношений и др.

Заключение

В заключение отметим, что как в экспорте, так и в импорте надо готовиться к выходу на зарубежный рынок, изучать запросы и предпочтения потребителя, знать юридические тонкости ведения бизнеса в разных странах, изучать успешные кейсы региональных компаний в сфере внешней торговли. Основными драйверами экономического роста Забайкалья должны стать развитие внутреннего производства, расширение ассортимента продукции, которую можно продвигать на внешний рынок, а также необходимо рассматривать транзит как экспорт транспортных услуг не только для товаров из Китая, но и дру-

гих стран Востока и продолжать активно развивать данное направление.

Эти вопросы должны находиться в фокусе внимания не только участников ВЭД, но и региональных органов власти, Торгово-промышленной палаты края и других заинтересованных лиц. Кроме ориентации на Китай, необходимо преодолевать ограниченность географии торгово-экономических регионов-

партнеров, уделять серьезное внимание поиску иных потенциальных внешнеторговых контрагентов, в первую очередь, на рынках стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Забайкалье, как и другие дальневосточные регионы, должно строить свою внешнеторговую стратегию, исходя из того, что оно может и должно стать опорной территорией для интеграции России со странами АТР.

Список источников:

1. Александрова М. В. Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество: новые тенденции и проблемы // КНР: политика, экономика, культура. М.: ФГБУН «Институт Дальнего Востока» РАН. 2016. С. 221–254.
2. Бай Сяогуан, Ань Чжао Чжэнь. Новая ситуация и новые направления китайско-российского экономического сотрудничества // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2019. № 2 (87). С. 54–64.
3. Жилина Л.Н. Особенности развития приграничного сотрудничества России и Китая // АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4. С. 159–163.
4. Зуенко И. Российско-китайское сотрудничество: взгляд из региона // Контрапункт. 2017. № 10. С. 1–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113
5. Иванов С.А. Изучение проблем современного приграничного сотрудничества Востока России и Северо-Востока Китая // Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей (ответ. ред. Г. П. Белоглазов). Владивосток: Дальнаука, 2011.
6. Изотов Д.А. Пограничное сотрудничество как объект исследования // Ойкумена. 2011. № 4. С. 8–21.
7. Козлов Л.Е. Исторический анализ опыта и предпосылок международной интеграции периферийных регионов // Известия Восточного института. 2019. № 1 (41). С. 63–67.
8. Ларин В.А. Российско-китайские отношения в региональном измерении (80-е годы XX – начало XXI века). М.: Восток – Запад, 2015.
9. Михайленко А.Н., Арсентьева И.И. Факторы развития приграничья (на примере приграничных территорий России и Китая) // Россия и мир в XXI веке. 2013. № 1. С. 90–100.
10. Покровская В.В. Приграничная торговля как составляющая внешнеэкономической политики государства // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 3. С. 28–46.
11. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013.
12. Синь Жань. Влияние российско-китайского межрегионального приграничного сотрудничества на развитие предпринимательства в условиях мирового экономического кризиса // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6. С. 149–154.
13. Чжан Мэй. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества Северо-Восточных регионов Китая с Россией // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2019. № 4 (89). С. 59–67. DOI: 10.17238/ISSN1815-0683/2019.4.59
14. Helge Blakkisrud. Wilson Rowe. Roman Vakulchuk Russia's Far East Initiatives in Troubled Geopolitical Times // Valdai Papers (August, № 92). Moscow, 2018.

References:

1. Alexandrova M. V. Russian-Chinese interregional and border cooperation: new trends

and problems *KNR: politika, ekonomika, kul'tura* [PRC: politics, economics, culture]. M.: FGBUN «Institute of the Far East» RAS, 2016, pp. 221–254. (In Russian).

2. Bai Xiaoguang, An Zhao Zhen. New situation and new directions of Chinese-Russian economic cooperation *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs policy of Russia in the Far East], 2019, no. 2 (87), pp. 54–64. (In Russian).

3. Zhilina L. N. Features of the development of cross-border cooperation between Russia and China *ANI: ekonomika i upravlenie* [Azimuth of scientific research: economics and administration], 2016, no. 4, pp. 159–163. (In Russian).

4. Zuenko I. Russian-Chinese cooperation: a view from the region *Kontrapunkt* [Counterpoint], 2017, no. 10, pp. 1–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113 (In Russian).

5. Ivanov S. A. Studying the problems of modern cross-border cooperation between the East of Russia and the North-East of China *Problemy istorii Kitaya i mezhdunarodnyh otnoshenij v trudah kitajskih issledovatelej (otvet. red. G. P. Beloglazov)* [Problems of Chinese History and International Relations in the Works of Chinese Researchers (reply to ed. G. P. Beloglazov)]. Vladivostok, Dal'nauka, 2011. (In Russian).

6. Izotov D. A. Border cooperation as an object of research *Ojkumena* [Oikoymenh], 2011, no. 4, pp. 8–21. (In Russian).

7. Kozlov L. E. Historical analysis of the experience and prerequisites for the international integration of peripheral regions *Izvestiya Vostochnogo institute* [Oriental Institute Journal], 2019, no.1 (41), pp. 63–67. (In Russian).

8. Larin V. L. Russian-Chinese Relations in the Regional Dimension (80s of the 20th - early 21st century). Moscow: East – West, 2015. (In Russian).

9. Mikhailenko A. N., Arsent'eva I. I. Factors in the development of the border area (on the example of the border territories of Russia and China) *Rossiya i mir v XXI veke* [Russia and the World in the 21st Century], 2013, no. 1, pp. 90–100. (In Russian).

10. Pokrovskaya V. V. Border trade as a component of the state's foreign economic policy *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2013, no.3, pp. 28–46. (In Russian).

11. Ryzhova N. P. Economic integration of border regions. Khabarovsk: IEI FEB RAN, 2013. (In Russian).

12. Xin Ran. Influence of Russian-Chinese interregional cross-border cooperation on the development of entrepreneurship in the conditions of the global economic crisis *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2013, no. 6, pp.149–154. (In Russian).

13. Zhang Mei. Status and prospects of trade and economic cooperation between the North-Eastern regions of China and Russia *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs policy of Russia in the Far East], 2019, no.4 (89), pp. 59–67. DOI: 10.17238/ISSN1815-0683/2019.4.59 (In Russian).

14. Helge Blakkisrud. Wilson Rowe. Roman Vakulchuk Russia's Far East Initiatives in Troubled Geopolitical Times *Valdajskiye zapiski* [Valdai Papers], (August, no. 92), Moscow, 2018.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 14.02.2022.

The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 14.02.2022.

Информация об авторе

С. В. Таскаева – канд. полит. наук, доцент, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия; Хулуьнбуирский университет, Хайлар, КНР.

Information about the author

S. V. Taskaeva – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, The Transbaikal State University, Chita, Russia; the Hulunbuir University, Inner Mongolia, China.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 334.7(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-28-46

Концептуальные подходы к формированию условий благоприятного предпринимательского климата хозяйствующих субъектов потребительского рынка Хабаровского края

Светлана Николаевна Басова¹, Татьяна Васильевна Мазанкова², Татьяна Александровна Торопова³

^{1,2,3} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ basova-sn@ranepa.ru

² mazankova-tv@ranepa.ru

³ toropova-ta@ranepa.ru

Аннотация. Развитие и активная поддержка предпринимательства, в том числе регионального, является приоритетной задачей долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. В связи с широкой территориальной (административной) дифференциацией условий, в которых осуществляют свою деятельность субъекты предпринимательства, очевидна целесообразность использования разных механизмов воздействия на субъекты предпринимательства в различных регионах. В статье под предпринимательским климатом региона понимаются общие для всех или большинства предпринимателей, действующих на той или иной территории, возможности и условия ведения бизнеса и достижения его целей. Предпринимательский климат Хабаровского края анализируется авторами как результат взаимодействия объективных (географические особенности региона, уровень развития территории, природные условия и ресурсы, население и расселение, структура, уровень развития производственной, непроизводственной и «инфраструктурной» сфер) и субъективных факторов (целенаправленная деятельность государственных и муниципальных органов власти и управления). Оценка предпринимательского климата в Хабаровском крае дополнена результатами опроса предпринимателей, в том числе имеющих опыт прекращения предпринимательской деятельности. На основе комплексной оценки сформулированы концептуальные подходы к формированию условий благоприятного предпринимательского климата хозяйствующих субъектов потребительского рынка Хабаровского края.

Ключевые слова: предпринимательский климат, потребительский рынок, Хабаровский край, объективные и субъективные факторы, проблемы предпринимательства, меры поддержки предпринимательства, информационная культура, информационно-коммуникационное взаимодействие

Для цитирования: Басова С. Н., Мазанкова Т. В., Торопова Т. А. Концептуальные подходы к формированию условий благоприятного предпринимательского климата хозяйствующих субъектов потребительского рынка Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 28–46. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-28-46>

Conceptual approaches to the formation of conditions for favorable entrepreneurial climate of economic entities of the consumer market of the Khabarovsk territory

Svetlana N. Basova¹, Tatyana V. Mazankova², Tatyana A. Toropova³

^{1,2,3} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

¹ basova-sn@ranepa.ru

² mazankova-tv@ranepa.ru

³ toropova-ta@ranepa.ru

Abstract. *Development and active support of entrepreneurship, including the regional entrepreneurship, is a priority task of the long-term socio-economic development of the Russian Federation. Due to the wide territorial (administrative) differentiation of the conditions in which business entities carry out their activities, the expediency of using different mechanisms of influence on business entities in different regions is obvious. In this article the entrepreneurial climate of the region is understood as the opportunities and conditions for doing business and achieving its goals that are common to all or most entrepreneurs operating in a particular territory. The authors analyze the entrepreneurial climate of the Khabarovsk territory because of the interaction of objective (geographical features of the region, the level of development of the territory, natural conditions and resources, population and settlement, structure, level of development of production, non-production, and «infrastructure» spheres) and subjective factors (purposeful activity of state and municipal authorities and management). The assessment of the business climate in the Khabarovsk territory is supplemented by the results of a survey of entrepreneurs, including those with experience in stopping entrepreneurial activity. Based on a comprehensive assessment, conceptual approaches to the formation of conditions for a favorable business climate of economic entities of the consumer market of the Khabarovsk territory are formulated.*

Keywords: *entrepreneurial climate, consumer market, the Khabarovsk territory, objective and subjective factors, entrepreneurship problems, measures to support entrepreneurship, information culture, information and communication interaction.*

For citation: Basova S. N., Mazankova T. V., Toropova T. A. Conceptual approaches to the formation of conditions for favorable entrepreneurial climate of economic entities of the consumer market of the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 1 (98). Pp. 28–46. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-28-46>

Введение

В современных социально-экономических условиях особая роль принадлежит предпринимательству, которое является движущей силой развития рыночной экономики, осуществляет значимые социальные и экономические функции, направленные, прежде всего, на повышение уровня социальной защищенности населения, а также стимулирование экономического роста и научно-технического прогресса. Именно с помощью предпринимательства создаются дополнительные рабочие места,

внедряются технологии, что способствует росту экономической мощи любой страны [Абрамов, 2020. С. 86].

Российское предпринимательство в настоящее время переживает относительно сложный и противоречивый период своего развития. Здесь фигурируют различные факторы, связанные как с внутренними экономическими аспектами, так и с внешнеполитической ситуацией. Кроме того, в нашей стране наблюдается дифференциация условий осуществления деятельности, а также имеет место разный подход к регулиро-

ванию деятельности малого и среднего предпринимательства в различных регионах РФ. Результатом является усиление дифференциации в развитии отраслей потребительского рынка – торговли и общественного питания [Веретенников, Чимитдоржиев, 2019. С. 106].

В этой связи одной из приоритетных задач долгосрочного социально-экономического развития РФ является развитие и активная поддержка предпринимательства, в том числе регионального [Дивиченко, Демененко, Лопатин, 2021. С. 16]. В настоящее время Правительство РФ уделяет значительное внимание развитию малого, среднего и крупного предпринимательства как рыночного института, обеспечивающего решение экономических и социальных задач, таких как формирование конкурентной среды, насыщение рынка товарами и услугами, обеспечение занятости, увеличение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней. Несмотря на все трудности, присущие настоящему периоду развития, предпринимательство остается ключевой потенциальной «точкой роста» российской экономики.

Тем не менее, в обозначенных условиях возникает потребность переосмысления действующих концептуальных подходов и механизмов содействия хозяйствующим субъектам потребительского рынка. Очевидна целесообразность использования разных инструментов воздействия на субъекты предпринимательства в различных регионах. Определение таких подходов, механизмов и инструментов возможно после проведения всесторонней оценки предпринимательского климата на определенной территории.

Предпринимательский климат региона: сущность и факторы влияния

В данной статье понятие «предпринимательский климат» имеет обобщенный (комплексный) характер, включающий черты делового, инвестиционного и инновационного климатов. Согласимся с точкой зрения профессора Н. С. Данакина, по мнению которого «указанные «климаты» различаются в зависимости от области, к которой они относятся: инвестиционный климат – к условиям и фак-

торам инвестиционной деятельности, деловой – деловых отношений, предпринимательский – предпринимательской деятельности, инновационный – инновационной активности». Вместе с тем указанные дефиниции взаимосвязаны, и их различие носит больше характер акцентирования отдельных организационно-управленческих аспектов [Данакин, Дивиченко, 2017. С. 16].

Таким образом, под предпринимательским климатом региона будем понимать общие для всех или большинства предпринимателей, действующих на той или иной территории, возможности и условия ведения бизнеса и достижения его целей.

Как известно, предпринимательский климат региона является результатом взаимодействия объективных и субъективных факторов (процессов, явлений, действий, влияющих на предпринимательский климат), а также отражающих их ситуаций в рамках отдельной территории как определенной социально-экономической системы [Бондаренко, 2017. С. 239].

К объективным региональным факторам относятся: географические особенности региона, уровень развития территории, природные условия и ресурсы, население и расселение, структура, уровень развития и особенности хозяйства производственной (промышленность, сельское хозяйство, строительство), непроизводственной и «инфраструктурной» сфер.

Следует отметить, что объективные региональные факторы меняются довольно медленно. Тем не менее, их влияние на социально-экономические процессы, в том числе и на предпринимательство, крайне динамично: один и тот же фактор может одновременно ухудшать и улучшать предпринимательский климат региона.

Субъективные факторы представляют собой целенаправленную деятельность государственных и муниципальных органов власти и управления, а также различных групп стратегического влияния, направленную на регулирование экономической деятельности в рамках страны и региона.

Эта деятельность обусловлена складывающейся в регионе институциональной средой, особенностями ее формальных и неформальных институтов. Деятельность властных структур многогранна, динамична и в еще меньшей степени, чем природные и исторические региональные факторы, поддается универсальной оценке [Попова, 2017. С. 283].

Объективные и субъективные факторы тесно взаимосвязаны. Вместе взятые они определяют региональную ситуацию – наблюдаемое состояние территории, тенденции его изменения. Складывающиеся на территории экономическая, социальная и политическая ситуации оказывают обратное воздействие на региональную политику (субъективные факторы) и частично – на объективные факторы (в особенности – на население).

В условиях рыночной экономики для органов публичной власти любой страны важнейшей задачей является создание необходимых условий для развития деловой активности и благоприятного предпринимательского климата для страны и регионов.

Благоприятный предпринимательский климат способствует созданию условий для успешного ведения бизнеса, в то время как бизнес, успешно развиваясь, выполняет свою основную социальную функцию – увеличивает отчисление налогов в бюджет территории, участвует в социально-экономическом развитии территории, на которой осуществляют свою деятельность компания и ее филиалы.

Анализ зарубежной и отечественной теории и практики развития предпринимательства позволил выделить определенные условия и факторы, способствующие благоприятному предпринимательскому климату:

- устойчивость государственной экономической и социальной политики;
- благоприятная правовая среда, обеспечивающая возможность создания и развития бизнеса, а также единство законодательства на федеральном и региональном уровнях;
- эффективная государственная политика поддержки предпринимательства;

- низкая налоговая нагрузка, применение специальных (льготных) налоговых режимов;
- высокий (необходимый) уровень развития бизнес-инфраструктуры;
- меры, способствующие притоку финансовых средств в сферу бизнеса;
- наличие (создание) государственных и частных инновационных центров;
- наличие (создание) консультационных центров;
- существование действенной системы защиты интеллектуальной собственности;
- простота процедур регулирования хозяйственной деятельности (в том числе отчетности);
- благоприятный общественный менталитет, стимулирующий рост предпринимательской деятельности;
- повышение качества трудовых ресурсов;
- информационное обеспечение и сопровождение бизнес-сообщества путем предоставления достоверной, доступной и системной информации о главных экономических новостях региона, механизмах поддержки предпринимательства, изменениях в законодательстве, успешных бизнес-проектах, консультациях специалистов по организации и ведению бизнеса;
- ориентиры бизнес-сообщества на достижение успеха, свобода творчества;
- формирование гибких рыночных механизмов повышения деловой активности предпринимателей.

Факторы и условия формирования предпринимательского климата Хабаровского края

К существенным факторам, формирующим благоприятный предпринимательский климат Хабаровского края, следует отнести факторы предпринимательского потенциала и инвестиционной активности.

Предпринимательский потенциал региона представлен совокупностью объективных природно-географических, экономических и социальных факторов, формирующих инвестиционную привлекательность региона [Торопова, 2019. С. 298].

Учитывая ресурсно-сырьевую базу, географическое расположение, близость к крупнейшим рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона, индустриальную направленность экономики, развитую энергетическую и транспортную инфраструктуру региона, бесспорно можно констатировать, что Хабаровский край обладает достаточным и перспективным предпринимательским потенциалом.

Хабаровский край обладает разнообразными природно-сырьевыми ресурсами – земельными, водными, лесными и другими биологическими ресурсами, многочисленными полезными ископаемыми. Хабаровский край является крупным промышленным регионом, где развиты машиностроение, нефтепереработка, лесопереработка, энергетика, горнодобывающая, рыболовство и другие отрасли. Нарращивание промышленного потенциала здесь ведется на основе передовых технологий, внедрения современного оборудования.

Дальний Восток обладает мощным транзитным потенциалом. Он является одним из важнейших транспортных узлов не только на востоке России, но и в Северо-Восточной Азии. Это делает регион естественным центром всех видов транспортных сообщений – железнодорожных, воздушных, водных, автодорожных и телекоммуникационных. Хабаровский край является одним из ключевых регионов в транспортной системе Дальневосточного федерального округа. Роль края в обслуживании транзитных грузопотоков значительно возросла, транспортная инфраструктура получает серьезное развитие, что существенно важно для развития регионального потребительского рынка. Транзитные функции края, располагающегося в центре Дальнего Востока, имеют большое значение не только в региональном, но и общероссийском и международном контексте.

Существенным фактором, формирующим благоприятный предпринимательский климат региона, является его трудовой потенциал, который определяется не только количественными, но

и качественными характеристиками трудовых ресурсов [Сидорова, 2019. С. 126]. В настоящее время деятельность министерства образования и науки края осуществляется в соответствии с законодательством в рамках реализации национальных проектов «Образование», «Демография», «Цифровая экономика», краевых программ и проектов, направлена на создание современной образовательной среды и условий обучения, поддержку одаренных детей и талантливой молодежи, защиты прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей, подготовку кадров по востребованным специальностям и профессиям для развития экономики края, воспитание гармонично развитого и социально ответственного молодого поколения.

В регионе продолжается реализация нового проекта электронной базы данных «Кадровый потенциал Хабаровского края». Аналогов такой площадки по ускоренному поиску вакансий нет ни в одном субъекте РФ. Цель ее – повысить число трудоустроенных граждан на предприятиях края. Вступить в «Кадровый потенциал» могут все жители края, независимо от возраста и наличия образования. На учет могут встать не только неработающие граждане, но и те, кто планирует сменить сферу деятельности. Исходя из пожеланий человека и предъявляемых им требований к рабочему месту, специалист центра занятости населения подбирает подходящую работу, связывается с гражданином и организует собеседование с работодателем. Также сотрудник центра оказывает дальнейшее содействие в трудоустройстве. Если человека не устроила предложенная работа, поиск продолжится. Вся процедура является бесплатной. Ценность данного проекта заключается в обеспечении эффективного взаимодействия между работодателем и потенциальным работником. Для действующих предпринимателей – это дополнительная возможность при решении кадрового обеспечения своей деятельности¹.

Уникальной особенностью следует отметить ответственное отношение Прави-

¹ Официальный сайт Правительства Хабаровского края. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/172689>

тельства Хабаровского края к развитию экономики региона. Власти действительно заинтересованы в максимально эффективном использовании его потенциала. Такое отношение руководства к вверенной территории – это на самом деле большой вклад в создание благоприятного инвестиционного климата и весомый аргумент не только для крупного бизнеса, но и для развития малого и среднего предпринимательства.

В регионе осуществляется краевая государственная финансовая поддержка инвестиционной деятельности в форме:

- предоставления налоговых льгот, понижающих коэффициентов и иных мер поддержки при расчете и уплате арендной платы за земельные участки, установление размера арендной платы;
- предоставления субсидий на возмещение части затрат субъектов инвестиционной деятельности, связанных с реализацией инвестиционных проектов, в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации;
- предоставления государственных гарантий края.

Также осуществляется мощная краевая государственная организационная поддержка предпринимательства в форме оказания информационно-консультационной и организационной помощи хозяйствующим субъектам.

Ведущей организацией, оказывающей информационно-консультационную поддержку начинающим предпринимателям, а также малому и среднему бизнесу Хабаровского края, является Центр оказания услуг «Мой бизнес», который представляет собой единую экосистему развития малого бизнеса и частной предпринимательской инициативы, работающую по принципу «одного окна», т. е. все необходимые услуги, помощь и консультации предприниматель может получить в одном месте. Главная цель Центра – популяризация предпринимательской деятельности и улучшение делового климата в Хабаровском крае. Центр оказывает поддержку на всех этапах развития бизнеса от разработки бизнес-плана до выхода на экспорт для:

- начинающих предпринимателей;

- действующих предпринимателей с целью развития их бизнеса;
- самозанятых;
- социального предпринимательства.

Полный перечень услуг и мер поддержки для предоставления юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, оказываемых Центром, представлен в таблицах 1–3.

Таким образом, вышеприведенные данные подтверждают высокий уровень работы краевых властей по поддержке малого и среднего предпринимательства, что, безусловно, способствует формированию благоприятного предпринимательского климата. Следует отметить, что нами приведен неполный перечень мер поддержки: немаловажной работой краевых органов власти является предоставление услуг по коворкингу, лизинговая поддержка, услуги многофункционального центра (далее – МФЦ), стимулирование и вовлечение субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП; СМСП) в экспортную деятельность, организация участия в выставочно-ярмарочных и иных мероприятиях.

Представленный комплекс услуг и мероприятий по поддержке предпринимательства в крае осуществляется в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» посредством реализации пяти региональных проектов:

- «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства»;
- «Расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию»;
- «Популяризация предпринимательства»;
- «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации»;
- «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности» [Халикова, 2019. С. 39].

Итогами реализации регионального проекта «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том

Таблица 1

Перечень информационно-консультационных услуг и мер поддержки предпринимательства в Хабаровском крае

Содержание	Направления / Программы
Консультационные услуги	
Оказание бесплатных консультаций по всем вопросам ведения бизнеса, помощь советом и необходимыми рекомендациями по основным аспектам предпринимательской деятельности действующими специалистами и профессионалами, имеющими большой опыт в определенной сфере	Маркетинговое и информационное сопровождение деятельности. Правовое обеспечение деятельности. Подбор персонала и вопросы применения трудового законодательства РФ. Финансовое и бизнес-планирование. Размещение на маркетплейсах. Социальное предпринимательство. Начало ведения собственного дела для физических лиц, планирующих осуществление предпринимательской деятельности, а также самозанятых
Образовательные услуги	
Обучение по выбранной теме и форме, исходя из задач, стоящих перед бизнесом; проводят бизнес-тренеры Корпорации развития малого и среднего предпринимательства, а также привлечённые эксперты и консультанты, имеющие высокие компетенции в своей области, а в ряде случаев – личный предпринимательский опыт	Ежегодные обучающие программы: «Азбука предпринимателя», «Школа предпринимательства», «Мама-предприниматель». Тренинги и семинары. Мастер-классы. Бизнес-конференции, форумы
Комплексные услуги	
Набор успешного развития бизнеса – предоставляются СМСП, сведения о которых внесены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы, осуществляющим предпринимательскую деятельность более года	Комплексная услуга по оптимизации бизнес-процессов. Сертификация (декларирование) продукции/услуг. Сертификация Систем менеджмента качества. Разработка сайта. Содействие в разработке макетов и печати полиграфической продукции (листочки, буклеты, плакаты, флаеры). Содействие в обучении по охране труда и пожарно-техническому минимуму

Источник: составлено авторами на основе данных *Официального портала поддержки малого и среднего бизнеса Хабаровского края*. URL: <https://msb.khabkrai.ru/business-support/education/>

числе к льготному финансированию», в 2020 г. явились:

- активный портфель микрозаймов микрокредитной компании «Фонд поддержки малого предпринимательства Хабаровского края» по итогам года составил 759 единиц на сумму 685,3 млн рублей;
- доля поручительств и займов, предоставленных субъектам МСП категории «микробизнес», составила 89%;
- гарантийным фондом Хабаровского края предоставлено 149 поручительств на сумму 660,3 млн рублей, что позволило субъектам МСП получить кредиты на сумму 1,92 млрд рублей;
- гарантийному фонду Хабаровского края из 86 региональных гарантийных

организаций присвоено 14 место (рейтинг А Е – финансовая устойчивость оценивается как максимально высокая);

- гарантийным фондом Хабаровского края в целях повышения мотивации сотрудников банков-партнеров к работе по программам партнерства проведен ежегодный конкурс «Кредитный специалист года».

Реализация регионального проекта «Акселерация субъектов МСП» в 2020 г. имеет следующие результаты:

1. Оказание комплекса услуг, сервисов и мер поддержки субъектам МСП в Центре «Мой бизнес»:
 - 10,7% уникальных субъектов МСП охвачены услугами Центра «Мой бизнес»;

Таблица 2

**Перечень мер финансовой поддержки предпринимательства
в Хабаровском крае**

Содержание	Направления / Программы
Имущественная поддержка	
<p>Предусмотрена Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства», осуществляется органами государственной власти, органами местного самоуправления в виде передачи во владение и (или) в пользование государственного или муниципального имущества, в том числе земельных участков, зданий, строений, сооружений, нежилых помещений, оборудования, машин, механизмов, установок, транспортных средств, инвентаря, инструментов:</p> <ul style="list-style-type: none"> - на возмездной основе; - на безвозмездной основе; - на льготных условиях 	<p>В целях поддержки СМСП, в том числе оказавшихся в зоне риска в связи с осуществлением мер по противодействию распространению на территории Хабаровского края коронавирусной инфекции COVID-2019, министерством имущественных отношений края подготовлено распоряжение Правительства Хабаровского края от 15.04.2020 № 355-рп «О мерах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства».</p> <p>Оказываемой Правительством края и органами местного самоуправления имущественной поддержкой могут воспользоваться не только субъекты малого и среднего предпринимательства края, но и физические лица, не являющиеся инди-видуальными предпринимателями и применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход».</p> <p>Имущественная поддержка осуществляется на основании Постановления Правительства Хабаровского края от 28 декабря 2020 г. № 569-пр</p>
Поручительство	
<p>Утвержден Порядок (протокол № 332 от 14.12.2020 г.) предоставления поручительства Гарантийного фонда Хабаровского края по финансовым обязательствам СМСП, физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» и (или) организаций инфраструктуры поддержки Хабаровского края перед партнерами</p>	<p>Действуют следующие Программы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Поручительство для инвестиций; - Поручительство для обеспечения кредитов / займов на пополнение оборотных средств; - Поручительство для обеспечения рефинансируемых кредитов / займов; - Поручительство для обеспечения банковских гарантий; - Поручительство для физических лиц, применяющих специальный налоговый режим; - Поручительство по лизингу; - Поручительство фонда, выдаваемое совместно с прямой гарантией корпорации МСП/МСП банка (согарантия)
Микрозаймы / Льготное кредитование	
<p>Утверждено Положение о Порядке и условиях предоставления микрозаймов субъектам малого и среднего предпринимательства Хабаровского края Микрокредитной компанией «Фонд поддержки малого предпринимательства Хабаровского края»</p>	<p>Действуют следующие Программы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Микрозаем «Старт» – для начинающего бизнеса; - Микрозаем «Профессиональный» – на приобретение основных средств, пополнение оборотных средств; - Микрозаем «Стандарт» – на оборотные средства; - Микрозаем «Развитие» – на приобретение основных средств; - Микрозаем «Рефинансирование» – на погашение кредитных обязательств; - Программы льготного финансирования малого и среднего бизнеса, осуществляемые банками

Источник: составлено авторами на основе данных Официального портала поддержки малого и среднего бизнеса Хабаровского края. URL: <https://msb.khabkrai.ru/business-support/education/>

Таблица 3

**Перечень организационно-правовых услуг и мер поддержки
предпринимательства в Хабаровском крае**

Содержание	Направления / Программы
Регистрация бизнеса	
В Центре оказания услуг «Мой бизнес» можно оформить ООО/ИП с помощью сервиса «Деловая среда» без затрат на государственную пошлину	<p>Деловая среда – это совместный проект Министерства экономического развития РФ и ПАО «Сбербанк».</p> <p>Сервис позволяет дистанционно зарегистрировать бизнес и открыть счет в банке без посещения клиентом ФНС и отделения банка.</p> <p>Срок регистрации ООО/ИП в ФНС – 3 рабочих дня.</p> <p>Для оформления ООО/ИП необходимо иметь доступ в Сбербанк-онлайн и доступ к электронной почте</p>
Защита прав предпринимателей	
<p>Рассмотрение обращений (предложений, заявлений, жалоб) Уполномоченным по защите прав предпринимателей.</p> <p>Право на подачу жалобы Уполномоченному по защите прав предпринимателей в Хабаровском крае имеют:</p> <ul style="list-style-type: none"> – субъекты предпринимательской деятельности, зарегистрированные в органе, осуществляющем государственную регистрацию на территории Хабаровского края; – субъекты предпринимательской деятельности, права и законные интересы которых были нарушены на территории Хабаровского края 	<p>Уполномоченным по защите прав предпринимателей в Хабаровском крае рассматриваются жалобы на решения или действия (бездействие):</p> <ul style="list-style-type: none"> – органов государственной власти Хабаровского края; – территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в Хабаровском крае; – органов местного самоуправления; – иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями; – должностных лиц, нарушающих права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности

Источник: составлено авторами на основе данных Официального портала поддержки малого и среднего бизнеса Хабаровского края. URL: <https://msb.khabkrai.ru/business-support/education/>

– более 4-х тысяч консультаций по актуальным вопросам ведения бизнеса для 2435 субъектов МСП и 555 физических лиц;

– 476 государственных и муниципальных услуг оказано для субъектов МСП окном МФЦ на базе центра «Мой бизнес»;

– осуществлено 18 выездных консультационных сессий «Бизнес-десант» (18 муниципальных образований края, 134 субъекта МСП, 26 физических лиц);

– принято 3784 обращения на телефон горячей линии для предпринимателей и инвесторов.

2. Содействие в популяризации продукции (товаров, работ и услуг):

– поступило 348 заявок от субъектов МСП, одобрено 218 заявок на сумму более 23 млн рублей;

– для двух субъектов МСП организовано участие в выставке-ярмарке в г. Южно-Сахалинск;

– четырем субъектам МСП оказаны услуги по подготовке пакета документов для привлечения финансирования, из которых заявки двух субъектов МСП одобрены федеральным Фондом развития промышленности;

– 16 субъектам МСП оказаны услуги по содействию в размещении на электронных торговых площадках;

– 10 субъектам МСП предоставлены

услуги по содействию в размещении на маркетплейсах;

– оказано содействие в подготовке бизнес-планов, проведение экспертизы 17 гражданам.

При реализации регионального проекта «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности» обеспечено достижение показателей целевых моделей упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности Хабаровского края за 2020 г. на уровне не ниже 85%. В перечни краевого и муниципального имущества, предназначенного для предоставления в аренду субъектам МСП, включено 5 625 объектов государственного и муниципального имущества, субъектам МСП передано в аренду более 68% объектов, включенных в перечни. С 01 июля 2020 г. введен специальный налоговый режим для самозанятых граждан «Налог на профессиональный доход». За период с 01 июля 2020 г. (по состоянию на 31 декабря 2020 г.) в качестве самозанятых зарегистрировано 6 036 человек, через специальное приложение «Мой налог» зарегистрировано свыше 645 тыс. чеков на общую сумму более 423 млн рублей. Продлена возможность получить налоговые каникулы для начинающих предпринимателей, выбравших упрощенную или патентную систему налогообложения. Налоговые поступления от индивидуальных предпринимателей по специальным налоговым режимам за 2020 г. составили 3,5 млрд рублей.

Обозначенные результаты реализации краевых проектов по поддержке малого предпринимательства свидетельствуют об ответственном отношении Правительства Хабаровского края по формированию благоприятного предпринимательского климата в регионе.

Тем не менее, по данным Агентства стратегических инициатив, составляющего Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, Хабаровский край имеет низкую рейтинговую позицию в 2020 г. – 63 место из 85 регионов

(для сравнения: 2018 г. – 18 место, 2019 г. – 39 место). Губернатор Хабаровского края М. В. Дегтярев в качестве проблем, которые приводят к соответствующей низкой позиции в рейтинге, отмечает следующие:

– низкая доступность трудовых ресурсов, несмотря на разработанную «дорожную карту» по этому вопросу;

– проблемы в регуляторной среде, связанные с качеством предоставления государственных услуг для бизнеса: время прохождения, количество процедур и удовлетворенность предпринимателей типовыми административными процедурами (например, регистрация юридических лиц, выдача разрешений на строительство, выдача лицензий, регистрация прав собственности на недвижимость, подключение к электросетям)².

Оценка предпринимательского климата Хабаровского края

С целью комплексной оценки предпринимательского климата в Хабаровском крае обратимся к результатам опроса предпринимателей, в том числе имеющих опыт прекращения предпринимательской деятельности.

Подробно результаты исследования на основе анкетного опроса предпринимателей изложены в опубликованной в научном журнале «Экономика и предпринимательство» статье «Факторы благоприятного инвестиционного и делового климата хозяйствующих субъектов потребительского рынка Хабаровского края» [Басова, Мазанкова, Торопова, 2021. С. 499–507].

В данной статье остановимся на полученных результатах, которые представляют интерес для разработки концептуальных подходов и механизмов содействия хозяйствующим субъектам потребительского рынка Хабаровского края.

По результатам опроса действующих и закрывших бизнес предпринимателей существенная доля респондентов 46,7% и 64,3% соответственно не имела предпринимательский опыт до момента регистрации своего предприятия, при этом 60%

² Михаил Дегтярев: предприниматели края на «отлично» оценили обновленные Инвестиционный портал и Портал поддержки малого и среднего бизнеса // Официальный сайт Правительства Хабаровского края. Новости 25.06.2021 г. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/184698>

действующих предпринимателей и 50% закрывших бизнес опрошенных не получили какого-либо дополнительного обучения в сфере предстоящей деятельности.

Основными видами обучения перед созданием бизнеса были отмечены такие как: обучение партнерами по бизнесу (франчайзинг и др.) – 20%; обучение и консультации в организациях содействия развитию предпринимательской деятельности – 13,5%; курсы повышения квалификации в государственных образовательных учреждениях – 6,5%; консультации в Фонде поддержки МСП, органах местного самоуправления – 7%; получили специальное высшее образование по экономике и управлению торговлей – 7%.

Из прекративших предпринимательскую деятельность респондентов 21,4% осуществляли бизнес менее года, 42,9% – от года до 5 лет; 35,7% – более 5 лет (рис. 1).

Рис. 1. Период ведения предпринимательской деятельности респондентами, закрывшими бизнес

Распределение ответов по основным трудностям, с которыми столкнулись опрошенные предприниматели, закрывшие свой бизнес, и действующие предприниматели при создании своего бизнеса, представлено в таблице 4.

Как видно из представленных данных, к главным трудностям, с которыми стал-

Таблица 4

Распределение ответов респондентов по основным трудностям при открытии собственного бизнеса, в %

Отмеченные трудности	Опрошенные предприниматели	
	Действующие	Закрывшие бизнес
Большое количество документов для оформления, затянутость процедур регистрации бизнеса	-	7,1
Налоговое бремя (высокие налоги, жесткая налоговая политика)	53,7	50,0
Высокая конкуренция	53,3	28,6
Дорогая аренда	20,0	50,0
Недостаток знаний, неопытность	46,7	28,6
Несовершенство законодательной системы	33,3	57,0
Недостаток начального капитала, существенные затраты при открытии	40,0	35,7
Проблемы в реализации продукции	20,0	14,3
Недостаток квалифицированного персонала	33,3	35,7
Отсутствие полной и достоверной информации о рынке и об игроках рынка	20,0	14,3
Отсутствие полной информации о мерах государственной поддержки при открытии	40,0	21,4

Источник: составлено авторами по результатам исследования «Концептуальные подходы к формированию условий благоприятного инвестиционного и делового климата хозяйствующих субъектов потребительского рынка» в рамках гранта Правительства Хабаровского края (постановление от 07.07.2021 № 550-рп «О предоставлении некоммерческим организациям, не являющимся казенными учреждениями грантов в форме субсидий из краевого бюджета на реализацию проектов в области научных исследований в направлении гуманитарных и общественных наук в 2021 году»).

квиваются предприниматели при открытии своего дела, относятся:

- несовершенство законодательной системы, в том числе связанное с налогом обложением;

- высокие затраты на ведение бизнеса (стартовый капитал, аренда);

- недостаток знаний, неопытность и низкая информированность начинающих и опытных предпринимателей о состоянии рынка и осуществляемой государственной поддержке.

Результаты опроса показали практически отсутствующее административное давление (существующие барьеры) со стороны государственных органов. Так, 63,4% предпринимателей, закрывших бизнес, и 60% действующих хозяйствующих субъектов отметили, что административного давления не оказывалось. Периодически сталкивались с административным давлением со стороны органов государственной власти 33,3% действующих и 21,7% закрывших бизнес предпринимателей. Наибольшие препятствия ведению бизнеса респонденты отмечают со стороны налоговых органов – 14,3%, со стороны правоохранительных органов – 7,1%, со стороны органов местного самоуправления – 7,1%, со стороны прочих органов – 7,1%.

Предприниматели, которые закрыли свой бизнес, охарактеризовали деятельность органов власти в сфере соответствующего бизнеса нейтральным образом: 43% респондентов затруднились ответить; 50% отметили, что органы власти ничего не предпринимали, этого и не требовалось; 7% – органы власти помогали бизнесу своими действиями. С нарушениями установленных законодательством сроков выдачи документов со стороны государственных органов (разрешений, лицензий) большинство респондентов (57,1%) не сталкивалось, остальные респонденты не нуждались в получении разрешений и лицензий. Большинство предпринимателей (64,3%) при ведении бизнеса ни разу не подвергались проверкам со стороны контрольных органов; 21,4% – попадали под проверку один раз в три года; 7% – один раз в год и 7% – чаще двух раз в год. Несмотря на то, что 7% – это несуще-

ственный показатель, на него стоит обратить внимание. По оценке Губернатора Хабаровского края М. В. Дегтярева «показатель проверок у регионов-лидеров не превышает одного раза», это показатель, к которому нужно стремиться и Хабаровскому краю².

Постановления о назначении административного наказания неоднократно выносились 14,3% опрошенным, однократно выносились – 14,3%, не выносились никогда – 71,4%.

Основными причинами, препятствующими ведению бизнеса, предприниматели, имеющие опыт его закрытия, назвали следующие: снижение покупательной способности населения – 71,4%; слишком частое изменение законодательства – 50%; нехватка квалифицированных кадров – 42,9%; высокая арендная плата – 42,9%; высокая фискальная нагрузка – 35,7%; недобросовестная конкуренция – 28,6%; ограниченный доступ к финансовым и кредитным ресурсам – 21,4%; сложные процедуры получения финансовой поддержки – 14,3%; неэффективная работа судебной системы – 7,1%; сложности в присоединении к сетям – 7,1%; недостаток правовых знаний в области ведения своего бизнеса – 7,1%.

Отметим, что нулевыми остались ответы по проведению проверок контролирующими органами и уровню коррупции, что является положительным моментом в организации работы государственных органов в отношении бизнеса.

Резюмируя результаты исследования по причинам, препятствующим ведению бизнеса, следует отметить, что и в других ответах предпринимателей ранее отмечались несовершенство законодательства и налоговой системы, высокие затраты по ведению бизнеса и недостаток знаний.

Интерес вызывает такая причина, обозначенная предпринимателями, закрывшими бизнес, как нехватка квалифицированных кадров. Действующие предприниматели также испытывают определенные кадровые проблемы несмотря на то, что большинство респондентов (60%) оценивают ситуацию с кадрами как удовлетворительную (20% – ситуация с кадрами благоприятная; 20% – ситуация

с кадрами неблагоприятная). В качестве основных причин, имеющих негативное влияние на ситуацию с кадрами, предприниматели отмечают: неверный подбор персонала – 26,7%; плохую адаптацию персонала – 20%; неудовлетворенность условиями труда – 13,3%; отсутствие возможности карьерного роста – 20%; неудовлетворенность сотрудниками со стороны руководства – 13,3%; отсутствие кадров на рынке труда в сфере общественного питания – 6,7%.

На наш взгляд, большинство причин относится к внутренним проблемам бизнес-единицы и вполне вероятно связано с отсутствием управленческих знаний владельца или управляющего бизнесом, что легко решается посредством обучения по специальным программам. Отсутствие возможного карьерного роста, скорее всего, обусловлено тем, что большинство предпринимателей не имеют эффективного развития по причинам низкой покупательской способности, высокой конкуренции и ранее обозначенных трудностей ведения бизнеса. А вот такая причина, как нехватка специалистов на рынке труда – это уже внешнее обстоятельство, которое должно решаться на государственном уровне.

Большая часть респондентов, участвующая в опросе, является представителями микропредприятий с годовым объемом оборота до 120 млн рублей (93,3%), имеющих до 15 наемных работников (86,7%), опирающихся в качестве источников финансирования в настоящее время на собственные средства (86,7%) и вкладывающих нераспределенную прибыль в развитие и расширение бизнеса (80%).

Значительная часть опрошенных (46,7%) оценивает условия для ведения малого и среднего бизнеса в настоящий момент как «плохие», 13,3% респондентов оценивают условия как «очень плохие», 40% – как «хорошие». Состояние разных видов поддержки предпринимательства со стороны государства опрошенные действующие субъекты МСП оценивают в целом отрицательно: очень хорошие – 0%; хорошие – 26,7%; плохие – 46,7%; очень плохие – 26,7%. Общую экономическую ситуацию в своей организации в 2021 г.

большинство предпринимателей (66,7%) оценивают как удовлетворительную, 13,3% – считают неудовлетворительной; 20% – благоприятной. Следует отметить, что 86,7% не приостанавливали свою деятельность в анализируемом году в условиях «ковидных» ограничений.

Тем не менее, предприниматели нуждаются во внимании государства к их деятельности и наиболее эффективными мерами государственной поддержки видят следующие:

- имущественная поддержка (льготная аренда, выкуп в рассрочку, безвозмездное пользование) – 64,3%;
- налоговые преференции – 57,1%;
- финансовая поддержка – 57,1%;
- льготное кредитование – 21,4%;
- информационно-консультационная поддержка – 21,4%;
- правовая поддержка – 14,3%;
- государственный, муниципальный заказ – 14,3%;
- организация бизнес-инкубаторов, технопарков – 7,1%;
- не мешать (собственный ответ респондента) – 7,1%;
- обучение персонала – 0%.

Таким образом, значимыми мерами государственной поддержки для предпринимателей являются имущественная, налоговая, финансовая и информационно-консультационная.

Эта информация подтверждается ответами респондентов на вопрос о необходимости обучения и консультаций, а также их тематике. Так, по результатам опроса в обучении и консультационной поддержке во время ведения бизнеса нуждались 35,7% опрошенных; 28,6% – только в консультационной поддержке; 7,1% – только в обучении; 28,6% – не ощущали потребности в обучении и консультациях. Интерес к темам для обучения распределился следующим образом. В первую очередь предприниматели хотели бы получать знания и консультации по оформлению трудовых отношений с работниками (50%), на втором месте тема проверок контролирующими органами (42,9%), далее существенная доля заинтересованности принадлежит темам бухгалтерского учета и налогообложения

и существующим формам государственной поддержки (35,75). Также предпринимателей интересуют тема продажи в Интернете (28,6%) и тема разработки маркетинговой стратегии (21,4%).

Выводы и предложения

Обобщив представленные выше результаты исследования, авторы пришли к противоречивому выводу. С одной стороны, анализ открытых источников демонстрирует широкий перечень услуг и мер по поддержке малого и среднего предпринимательства со стороны органов власти, а также достижение определенных результатов по реализации различных программ, что способствует формированию благоприятного предпринимательского климата в Хабаровском крае. С другой стороны – видение предпринимателей, осуществляющих деятельность в реальных условиях, испытывающих определенные трудности и проблемы ведения бизнеса, и которые не решаются, согласно результатам опроса, воспользоваться существующим широким перечнем услуг и мер по поддержке предпринимательства.

Основная причина такого противоречия, на наш взгляд, заключается в неэффективном информационно-коммуникационном взаимодействии органов государственной власти и представителей малого и среднего бизнеса, а также в недоверии предпринимателей государству.

Очевидно, что предприниматели имеют высокую потребность в достоверной, доступной и системной информации широкого спектра, которая, следует особо подчеркнуть, представлена на региональных электронных платформах. Но при этом низкий уровень информационной культуры современного общества, заключающийся в неумении ориентироваться в этом огромном объеме информационных ресурсов, приводит к снижению показателей эффективности деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства.

У предпринимателей, как показал опрос, зачастую существует острая по-

требность не только в осведомленности о существующих госпрограммах поддержки, но и в оперативной коммерческой информации, связанной с наличием свободных производственных, материальных, финансовых и трудовых ресурсов; в сведениях о среде хозяйственной деятельности (нормативная и законодательная информация, экономические новости о событиях, информация о результатах развития науки и техники, о правильном оформлении трудовых отношений и т. д.).

Для полного понимания обозначенной проблемы дополним полученные результаты исследования данными инициативного комплексного социологического исследования, которое было проведено в 2020 г. Аналитическим центром «НАФИ», согласно которым: «75% микро- и малого бизнеса знают о мерах господдержки, но только 9% ей пользовались; 25% предпринимателей не слышали и не знают о мерах господдержки; 80% полагают, что получить помощь от государства сложно; 77% могли бы обратиться за финансовой помощью, если бы ее можно было легко получить»³.

Основные причины, из-за которых предприниматели не могут воспользоваться мерами господдержки: плохая информированность о формах госпомощи и низкий уровень компетенции госслужащих, которые взаимодействуют с бизнесом. 28% предпринимателей, которые ранее не обращались за поддержкой, считают, что для её получения приходится тратить много времени, собирать большое количество документов и доказывать, что они соответствуют ряду важных критериев. Однако предприниматели, получившие господдержку, обычно удовлетворены и могут быть использованы в качестве «послов» господдержки для новичков. Для предпринимателей без опыта господдержка – это нечто мифологическое, что невозможно получить. 23% не верят в помощь от государства³.

Чтобы получить господдержку, предприниматели вынуждены собирать информацию из разных источников. Они

³ *Официальный портал Центра содействия развитию предпринимательства Новосибирской области. URL: <https://mbnso.ru/>*

не знают, с кем можно проконсультироваться о получении помощи. При сборе документов ожидание готовности различных справок занимает много времени, которые часто приходится переделывать из-за ошибок и истечения сроков. После получения господдержки бизнесмены сталкиваются с проверками целевого расходования средств. При подготовке отчетов возникают проблемы из-за неясных и сложных формулировок.

В этой связи в целях развития информационно-коммуникационного взаимодействия и доверительного диалога между властью и бизнесом можно рекомендовать следующее:

1) повсеместное проведение информационной кампании по популяризации господдержки с привлечением федеральных и региональных СМИ, а также реальных предпринимателей. На наш взгляд, необходимо охватить и перспективную аудиторию – школьников старших классов, студентов техникумов, колледжей, вузов;

2) централизовать и унифицировать процесс подачи заявки на господдержку по типу работы «единого окна» для получения господдержки, тем более что есть региональный опыт. Разработать четкие пошаговые инструкции и алгоритмы в получении господдержки;

3) развивать образовательные программы для предпринимателей с учетом отраслевой и региональной специфики и реальных запросов предпринимателей;

4) упростить системы отчетности после получения господдержки;

5) организовать обучение сотрудников инфраструктуры, консультационную поддержку предпринимателей;

6) транслировать положительный опыт государственной поддержки начинающим предпринимателям посредством живого общения, а также социальных сетей.

Отдельно следует остановиться на рекомендациях по развитию образовательно-консультационного направления поддержки местного предпринимательства:

1) данная деятельность должна иметь целевую ориентацию, то есть направлена на определенную целевую аудиторию, которая нуждается в соответствующих кон-

сультациях и обучении;

2) обучение должно соответствовать региональной специфике, тем не менее следует активно применять бенчмаркинг;

3) при обучении применять предпринимательский подход, при котором:

– цели обучения обсуждаются и выработываются совместно;

– занятия строятся гибко, с учетом потребностей слушателей;

– слушатели участвуют в процессе обучения не пассивно, а активно, «генерируя» знания при поддержке спикера;

– реализуется не столько предметно-функциональная схема обучения, сколько проблемно-междисциплинарная;

4) использовать приемлемую форму обучения, исходя из возможностей исполнителей с учетом занятости слушателей, графика их работы, имеющегося уровня подготовки. Актуальный формат обучения в настоящее время – это онлайн, но живое общение с преподавателями, консультантами и коллегами более продуктивно и эффективно;

5) осуществлять консультации и обучение местного бизнес-сообщества по интересующим и актуальным темам, выявленным в ходе опроса.

Вышеприведенные рекомендации наглядно проиллюстрированы концептуальной моделью формирования условий благоприятного предпринимательского климата (рис. 2).

Как видно из результатов опроса местных предпринимателей, последние особенно нуждаются в имущественной поддержке. По словам предпринимателей, ежемесячная аренда коммерческого имущества является тяжким финансовым грузом, который перекрывает творчество и энтузиазм предпринимателей в выполнении важных социальных функций бизнеса. Следует отметить, что региональными органами власти работа в этом направлении осуществляется значительная: на портале поддержки малого и среднего бизнеса Хабаровского края, на первый взгляд, представлена вся необходимая информация: реестр государственного и муниципального имущества, условия аренды государственного имущества, немалое количество ссылок на электронные ресурсы, обратившись к которым можно получить

Рис. 2. Концептуальные подходы к формированию условий благоприятного предпринимательского (делового и инвестиционного) климата

дополнительную информацию. Однако, как было отмечено ранее, предпринимателям очень сложно ориентироваться в этом огромном объеме информационных ресурсов. В этой связи требуется разработка некой дорожной карты для предпринимателя по предоставлению ему возможности в получении государственной имущественной поддержки и его скрупулезном сопровождении «под ключ»: от момента обращения до получения желаемого имущества.

Существенным подспорьем для предпринимателей (по результатам опроса) является получение налоговых преференций. Уплата налогов на территории Хабаровского края, основания, порядок и условия применения налоговых льгот для отдельных категорий налогоплательщиков, отдельные элементы налогообложения по федеральным налогам и специальным налоговым режимам регулируется Законом Хабаровского края № 308 от 10.11.2005 г. «О региональных налогах и налоговых льготах в Хабаровском крае» (в ред. от 24.11.21 г.). Последние редакции указанного Закона в период 2020–2021 гг. свя-

заны с налоговыми предложениями Президента РФ, направленными на борьбу с экономическим кризисом из-за распространения коронавируса.

Таким образом, только за последние два года Правительством края разработан ряд льгот и налоговых преференций для малых и средних предприятий, в первую очередь, в тех отраслях экономики, которые наиболее пострадали от негативного влияния пандемии коронавируса, в том числе сфера общественного питания, а налоговые каникулы, установленные для вновь зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения и осуществляющих определенные виды деятельности, существовали и до периода пандемии. Но, по словам многих предпринимателей, они не знали об этом в момент открытия бизнеса, так же как и сейчас многие не знают об определенных послаблениях налоговой нагрузки. И причина все та же – недостаток информации, недоведение актуальной и своевременной информации до предпринимателя.

В этой связи ключевой рекомендацией

в рассмотренном вопросе является повышение степени осведомленности и информированности бизнес-сообщества о существующих налоговых режимах, преференциях, каникулах, льготах. Необходимо дополнить действующие Портал поддержки малого и среднего бизнеса Хабаровского края (<https://msb.khabkrai.ru/>) и Портал Центра «Мой бизнес» (<https://moibizkhv.ru/>) обязательным разделом «Налоговые меры поддержки бизнеса». На портале поддержки малого и среднего бизнеса Хабаровского края (<https://msb.khabkrai.ru/>) рекомендуем добавить строку поиска для введения ключевых запросов, которые актуальны и интересны для предпринимателя – посетителя соответствующего ресурса.

Подводя итоги анализа объективных и субъективных факторов формирования

благоприятного предпринимательского климата Хабаровского края, заключим: Хабаровский край имеет достаточный и перспективный предпринимательский потенциал, представленный объективными природно-географическими, экономическими и социальными факторами, которые способствуют инвестиционной привлекательности региона. Также в крае осуществляется мощная целенаправленная деятельность органов публичной власти по поддержке малого и среднего предпринимательства, все существующие виды и меры государственной поддержки в крае представлены. Проблема лишь в степени осведомленности (информированности) бизнес-сообщества и его доверии государству, которая может быть в значительной мере устранена посредством реализации обозначенных в статье рекомендаций.

Список литературы:

1. Абрамов Г. А. Методика мониторинга предпринимательского климата как условие инновационного предпринимательства // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2020. № 4 (54). С. 86–90 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-monitoringa-predprinimatelskogo-klimata-kak-uslovie-razvitiya-innovatsionnogo-predprinimatelstva>
2. Басова С. Н., Мазанкова Т. В., Торопова Т. А. Факторы благоприятного инвестиционного и делового климата хозяйствующих субъектов потребительского рынка Хабаровского края // Экономика и предпринимательство. 2021. № 8 (133). С. 499–507.
3. Бондаренко И. В. Дефинициальная характеристика и классификация факторов предпринимательского климата региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 235–240.
4. Веретенников А. Н., Чимитдоржиев Ж. Ж. Тенденции и барьеры развития российского рынка услуг питания // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2019. №2 (100). С. 103–113.
5. Данакин Н. С., Дивиченко О. И. Концептуальный анализ понятия «Предпринимательский климат» // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5. С. 1.
6. Дивиченко О. И., Демененко И. А., Лопатин И. И. Проблемы формирования предпринимательского климата региона // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. №4 (60). С. 16–25 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-formirovaniya-predprinimatelskogo-klimata-regiona> DOI:10.21685/2072-3016-2021-4-2
7. Имаева Г. Р. Предпринимательский климат в России и формирующие его факторы: социологический анализ // Мониторинг. 2013. № 2 (114). С. 114–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskiy-klimat-v-rossii-i-formiruyushchie-ego-faktory-sotsiologicheskiiy-analiz>
8. Попова И. В. Аналитический обзор методик оценки предпринимательского климата региона // КНЖ. 2017. № 4 (21). С. 283–285 URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/analiticheskiy-obzor-metodik-otsenki-predprinimatelskogo-klimata-regiona

10. Сидорова Н. П. Влияние уровня жизни населения на формирование миграционных настроений // *Власть и управление на Востоке России*. 2019. No 1 (86). С. 126–133.

11. Торопова Т. А. Проблемы малого предпринимательства в сфере торговли Хабаровского края. Актуальные проблемы управления экономикой региона. Сборник статей международной научно-практической конференции. 2019. С. 296–301.

12. Халикова С. С. Перспективы развития малого и среднего предпринимательства в Хабаровском крае в условиях реализации национального проекта // *Власть и управление на Востоке России*. 2019. No 3 (88). С. 37–46.

References:

1. Abramov G. A. Methodology for monitoring the entrepreneurial climate as a condition for innovative entrepreneurship *Tekhniko-tekhnologicheskiye problemy servisa* [Technical and technological problems of service], 2020, no. 4 (54), pp. 86–90 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-monitoringa-predprinimatelskogo-klimata-kak-usloviye-razvitiya-innovatsionnogo-predprinimatelstva> (In Russian).

2. Basova S. N., Mazankova T. V., Toropova T. A. Factors of a favorable investment and business climate for economic entities of the consumer market of the Khabarovsk Territory *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2021, no. 8 (133), pp. 499–507. (In Russian).

3. Bondarenko I. V. Definition and classification of factors of the entrepreneurial climate in the region *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski* [State and municipal management. Scientific notes], 2017, no. 4, pp. 235–240. (In Russian).

4. Veretennikov A. N., Chimitdorzhiev Zh. Zh. Trends and barriers to the development of the Russian food service market *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law], 2019, no. 2 (100), pp. 103–113. (In Russian).

5. Danakin N. S., Divichenko O. I. Conceptual analysis of the concept of “Entrepreneurial climate” *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2017, no. 5, p. 1. (In Russian).

6. Divichenko O. I., Demenenko I. A., Lopatin I. I. Problems of formation of the entrepreneurial climate in the region *Izvestiya vuzov. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*. [Izvestiya vuzov. Volga region. Social Sciences], 2021, no. 4 (60), pp. 16–25 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-predprinimatelskogo-klimata-regiona> DOI:10.21685/2072-3016-2021-4-2 (In Russian).

7. Imaeva G. R. Entrepreneurial climate in Russia and its factors: a sociological analysis *Monitoring* [Monitoring], 2013, no. 2 (114), pp. 114–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskiy-klimat-v-rossii-i-formiruyuschie-ego-factory-sotsiologicheskii-analiz> (In Russian).

8. Popova I. V. Analytical review of methods for assessing the entrepreneurial climate of the region *Karel'skiy nauchnyy zhurnal* [Karelian scientific journal], 2017, no. 4 (21), pp. 283–285 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskiy-obzor-metodik-otsenki-predprinimatelskogo-klimata-regiona> (In Russian).

10. Sidorova N. P. Influence of the standard of living of the population on the formation of migration moods *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2019, no 1 (86), pp. 126–133. (In Russian).

11. Toropova T. A. Problems of small business in the sphere of trade in the Khabarovsk Territory. Actual problems of economic management of the region. Collection of articles of the international scientific-practical conference. 2019, pp. 296–301. (In Russian).

12. Khalikova S. S. Prospects for the development of small and medium-sized business-

es in the Khabarovsk Territory in the context of the implementation of the national project *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2019, no. 3 (88), pp. 37–46. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 17.02.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 04.03.2022.

The article was submitted 17.02.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 04.03.2022.

Информация об авторах

С. Н. Басова – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Т. В. Мазанкова – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Т. А. Торопова – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

S. N. Basova – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and business law, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

T. V. Mazankova – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and business law, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

T. A. Toropova – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and business law, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья

УДК 332.85(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-47-59

Доступность жилья в Хабаровском крае в условиях реализации национального проекта «Жилье и городская среда»

Галина Николаевна Строева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, gstro@mail.ru

Аннотация. *Непрекращающийся отток населения в западные регионы страны ставит под угрозу выполнение задач социально-экономического развития Хабаровского края. Доступность жилья является одним из основных факторов закрепления населения в регионе. Поэтому для Хабаровского края решение проблемы доступности жилья имеет особое значение. Уровень обеспеченности населения жильем и его доступность для приобретения в собственность являются индикаторами уровня благосостояния населения, его социальной защищенности и инвестиционной активности. В статье приведены различные подходы к определению понятия «доступность жилья». Сделан анализ состояния жилищного фонда и обеспеченности жильем населения Хабаровского края. Оценка доступности жилья населению проведена с помощью коэффициентов доступности жилья, рассчитанных по двум методикам. Рассмотрены результаты реализации национального проекта «Жилье и городская среда» и государственной программы «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае». Установлено, что не все запланированные показатели госпрограммы в 2018–2020 гг. были достигнуты. В условиях ограниченного предложения и невыполнения планов по объемам ввода жилья в эксплуатацию повышение спроса на жилье на первичном рынке, вызванное реализацией программы «Дальневосточная ипотека», привело к значительному повышению стоимости жилья. Темпы роста цен на жилье опережают темпы роста как средней заработной платы, так и среднедушевых денежных доходов населения. Поэтому значительная часть населения региона испытывает серьезные трудности с приобретением жилья. Для решения выявленных проблем требуется разработка дополнительных мероприятий как на федеральном, так и на региональном уровнях. Даны рекомендации по повышению доступности жилья в Хабаровском крае.*

Ключевые слова: *жилищный фонд, обеспеченность жильем, доступность жилья, национальный проект, государственная программа, платежеспособность населения, Хабаровский край*

Для цитирования: Строева Г. Н. Доступность жилья в Хабаровском крае в условиях реализации национального проекта «Жилье и городская среда» // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 47–59. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-47-59>

Housing affordability in the Khabarovsk territory in the context of implementation of the national project «Housing and Urban Environment»

Galina N. Stroeva

The Pacific State University, Khabarovsk, Russia, gstro@mail.ru

Abstract. *The incessant outflow of population to the western regions of the country threatens the fulfillment of the tasks of socio-economic development of the Khabarovsk territory. Affordability of housing is one of the main factors for securing the population in the region. Therefore, for the Khabarovsk Territory, solving the problem of affordability of housing is of particular importance. The level of provision of the population with housing and its availability for acquisition of ownership are indicators of the level of well-being of the population, its social security and investment activity. The article presents various approaches to the definition of the concept of «housing affordability». Analysis of the state of housing stock and provision of housing for the population of the Khabarovsk territory is made. The assessment of housing affordability for population was carried out using the housing affordability coefficients calculated using two methods. The results of implementation of the national project «Housing and the urban environment» and the state program «Development of housing construction in the Khabarovsk territory» are considered. It has been established that not all planned indicators of the state program in 2018-2020 have been achieved. In conditions of limited supply and failure to fulfill plans for the volume of housing commissioning, the increase in demand for housing in the primary market, caused by implementation of the Far-Eastern mortgage program, led to a significant increase in housing prices. The growth rates of housing prices outstrip the growth rates of both average wages and average per capita money incomes of the population. Therefore, a significant part of the region's population is experiencing serious difficulties in acquiring housing. To solve the identified problems, it is necessary to develop additional measures both at the federal and regional levels. Recommendations are given to improve the housing affordability in the Khabarovsk territory.*

Keywords: *housing stock, housing supply, housing affordability, national project, state program, solvency of the population, the Khabarovsk territory*

For citation: Stroeva G. N. Housing affordability in the Khabarovsk territory in the context of implementation of the national project «Housing and Urban Environment» // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 1 (98). Pp. 47–59. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-47-59>

Введение

В Конституции Российской Федерации закреплено право граждан на жилище. Жилье, наряду с продуктами питания, относится к предметам первой необходимости и считается одной из главных ценностей в современном обществе. Наличие жилья обеспечивает безопасность человека и дает ему ощущение экономической стабильности [Грушина, 2011. С. 142].

Обеспеченность населения жильём является, с одной стороны, одним из ключевых факторов закрепления населения на территории региона, воспроизводства на-

селения, развития экономики и трудового потенциала, а с другой – своеобразным индикатором экономического, социального и демографического развития общества. Проблема закрепления населения особенно остро стоит на Дальнем Востоке, где отток его жителей в другие регионы страны является главной причиной сокращения численности населения. Продолжающийся длительное время существенный миграционный отток населения из стратегически важных регионов Дальнего Востока, обусловленный значительным отставанием этих регионов по ключевым

показателям социально-экономического развития от среднероссийского уровня, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации отнесен к основным проблемам пространственного развития страны¹.

Несмотря на то, что переход к рыночной экономике позволил увеличить число способов приобретения жилья, для большей части жителей российских регионов оно продолжает оставаться недоступным. В настоящее время основная причина этого – ограниченное предложение жилья по завышенным ценам. Высокая стоимость жилья – одна из основных причин миграции населения из Хабаровского края в западные регионы России.

Цель данной работы – провести анализ влияния реализации национального проекта «Жилье и городская среда» на доступность жилья в Хабаровском крае.

Обзор литературы

Проблемы доступности жилья и ее оценки нашли отражение в трудах многих российских исследователей. Анализ достоинств и недостатков различных методик оценки доступности жилья проведен, например, в работах Л. Р. Мустафиной [Мустафина, 2014], Л. Ю. Руди и Т. А. Тропниковой [Руди, Тропникова, 2012]. Авторы приходят к выводу, что большая часть методик расчета коэффициента доступности жилья предполагает определение числа лет, необходимых для приобретения жилья в собственность.

Проведя детальный анализ различных методик расчета коэффициентов доступности жилья М. М. Ахмадеева и Д. Н. Андреева внесли уточнения в формулы расчета некоторых из них, предложив учитывать состав домохозяйств, число лет, необходимых для накопления первоначального взноса для получения ипотечного кредита, а также все расходы, возникающие в процессе оформления кредита и сделки купли-продажи [Ахмадеева, Андреева, 2017]. О. С. Голубова при оценке доступности жилья счи-

тает необходимым учитывать кроме единовременных затрат на строительство или приобретение жилья, периодические затраты жизненного цикла объектов недвижимости [Голубова, 2021]. О. В. Рабцевич и А. А. Уварова разработали методике интегральной оценки доступности жилья на рынках жилья и жилищных услуг на основе метода суммы рангов [Рабцевич, Уварова, 2020. С. 39].

На решение проблемы обеспечения доступным жильем российских граждан направлена реализация национального проекта «Жилье и городская среда» (далее – Нацпроект), начавшаяся в 2019 г. Первые итоги и проблемы его реализации отражены, например, в работах И. А. Кириченко [Кириченко, 2020], Д. О. Смирновой, О. Е. Чуйкова и А. П. Абрамова [Смирнова, Чуйков, Абрамов, 2020].

Доступность жилья в качестве индикатора развития жилищной сферы применяется международными организациями для оценки уровня жизни населения и проведения межстрановых сравнений (ООН, ОЭСР). Органы государственного управления используют коэффициенты доступности жилья для оценки эффективности реализации документов стратегического планирования и программно-целевого управления.

В настоящее время на законодательном уровне понятие «доступность жилья» не закреплено, однако оно используется в государственных программах (далее – Госпрограмма) и документах стратегического планирования. Обеспечение доступности жилья для всех категорий граждан в соответствии с Госпрограммой РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» – основной приоритет государственной политики в жилищной сфере².

В научных источниках встречаются различные подходы к толкованию понятия «доступность жилья» (ДЖ) (табл. 1).

На наш взгляд, под доступностью жи-

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463?marker=6560Ю> (дата обращения 14.02.2022).

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1710. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556184998> (дата обращения 14.02.2022).

Таблица 1

Подходы к определению доступности жилья

Автор	Определение
Грушина О. В. [Грушина, 2011. С. 143]	ДЖ – характеристика экономической системы государства, характеризующая ее способность обеспечить жильем в соответствии с установленным нормативом всех граждан данной страны, любого социального положения и возраста
Черепович А. В. [Черепович, 2013. С. 40]	ДЖ – интегральный показатель, характеризующий влияние различных факторов на способность домохозяйств с различным уровнем доходов приобретать жилье в собственность или арендовать его в конкретном регионе
Леонова Л. Б., Засухина В. С. [Леонова, Засухина, 2016. С. 112]	ДЖ – многофакторная категория, характеризующая не только возможности свободного приобретения жилья, но и его содержания и обслуживания
Пухова В. В., Кашина Е. В., Саенко И. А., Крелина Е. В. [Пухова, Кашина, Саенко, Крелина, 2021. С. 84]	ДЖ – способность домохозяйств на различных условиях выплачивать стоимость приобретаемого объекта жилой недвижимости в собственность или на условиях коммерческого найма в соответствии с выбранным комфортом и качеством
Голубова О. С. [Голубова, 2021. С. 29]	ДЖ – стоимость владения жильем, включающая затраты на приобретение и эксплуатацию жилья, текущий и капитальный ремонт, на разборку существующего жилого здания для строительства нового жилья

Источник: составлено автором.

лья следует понимать возможности населения приобретать жилье в собственность или арендовать его на условиях социального или коммерческого найма, а также оплачивать расходы, связанные с его эксплуатацией (на оплату жилищно-коммунальных услуг, налога на имущество, затрат на ремонт).

Информационная база

Одной из девяти национальных целей развития РФ до 2024 г., обозначенных в Указе Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г., было ежегодное улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей³. Указом Президента РФ № 474 от 21.07.2020 г. определено пять национальных целей развития РФ до 2030 г. и установлены целевые показатели их достижения. Для оценки достижения на-

циональной цели «Комфортная и безопасная среда для жизни» предложено использовать два показателя: ежегодное улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей и увеличение объема жилищного строительства не менее чем до 120 млн кв. метров в год⁴.

Достижение целей Нацпроекта «Жилье и городская среда» обеспечивается путем реализации четырех федеральных проектов: «Ипотека», «Жилье», «Формирование комфортной городской среды», «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда». Основным механизмом реализации Нацпроекта является Госпрограмма «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»⁵.

³ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 25.11.2021).

⁴ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/63714.html/> (дата обращения 25.11.2021).

⁵ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 года № 1710. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556184998> (дата обращения 14.02.2022).

Большинство российских регионов реализуют региональные проекты с названиями, аналогичными федеральным проектам. В Хабаровском крае в настоящее время выполняется четыре региональных проекта: «Жилье», «Формирование комфортной городской среды», «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда», «Чистая вода» в рамках двух государственных программ: «Формирование современной городской среды» и «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае».

Анализ состояния жилищного фонда Хабаровского края и доступности жилья проведен по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, Фонда «Институт экономики города», отчетам о ходе реализации государственной программы «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае» за 2018–2020 гг.

При выполнении исследования использовались методы системного и сравнительного анализа.

Состояние жилищного фонда и обеспеченность жильем населения Хабаровского края

Для оценки состояния жилищного фонда региона используются количественные (общая площадь жилищного фонда; объем ввода жилья; объем ввода жилья на 1000 жителей; площадь жилья, приходящаяся в среднем на одного жителя) и качественные (благоустройство и степень износа жилищного фонда; число комнат; материал стен и др.) характеристики.

Общая площадь жилищного фонда Хабаровского края за пять лет выросла на 3,7%, с 31 115,6 тыс. м² в 2016 г. до 32 164,6 тыс. м² в 2020 г. В среднем по России прирост площади жилищного фонда составил 7,6%, а по Дальневосточному федеральному округу (далее – ДФО) – 3,7%. По размеру жилищного фонда, составившего в 2020 г. 16,3% от жилищ-

ного фонда округа, край занимает второе место в ДФО. Доля жилищного фонда Хабаровского края от всех жилых помещений, находящихся на территории России, сократилась за пять лет с 0,85% до 0,81%. Основная часть жилищного фонда края (свыше 82%) сконцентрирована в городских поселениях.

В структуре краевого жилищного фонда по формам собственности преобладает частный жилищный фонд, его доля выросла с 81,1% в 2016 г. до 82,6% в 2020 г. Основная часть жилищного фонда находится в собственности граждан. Для сравнения, в среднем по России гражданам принадлежит 90% жилищного фонда страны, а в ДФО – 84% жилищного фонда округа⁶.

Анализ благоустройства краевого жилищного фонда показал, что жилищные условия населения постепенно улучшаются. В 2020 г. было оборудовано водопроводом 83,2% жилых помещений, канализацией – 82,7%, отоплением – 86,6%, газом – 59,4%, ваннами – 80,2%, горячим водоснабжением – 78,9%, напольными электроплитами – 26,5%. Доля жилья со всем комплексом оборудования составила 74,2%⁷. Все показатели благоустройства краевого жилищного фонда незначительно, но лучше среднероссийских. Население городских поселений обеспечено благоустроенным жильем значительно лучше, чем в сельских поселениях.

В составе жилищного фонда Хабаровского края пока еще преобладают дома, построенные в 1971–1995 гг., их доля на начало 2020 г. составила 50,8%. Жилищный фонд представлен кирпичными (45,2%), панельными (34,4%) и деревянными (14,5%) домами, а также домами из других материалов (5,9%). Более 65% всех жилых домов (без учета аварийных) – это дома с износом менее 30%⁸.

Строительство жилья в регионе в настоящее время финансируется из разных источников, но в основном за счет средств населения и частных организа-

⁶ Социальное положение и уровень жизни населения России 2021 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htm (дата обращения 14.02.2022).

⁷ Хабаровский край: Стат. ежегодник. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66942> (дата обращения 14.02.2022).

⁸ О наличии и состоянии жилищного фонда в Хабаровском крае на 01.01.2020. URL: <https://habstat.gks.ru/storage/mediabank/1> (дата обращения 14.02.2022).

ций. Максимальный вклад в развитие жилищного строительства в Хабаровском крае был внесен государством в 2016 и 2018 гг., когда было введено соответственно 58,6 тыс. м² (16% от объема введенного жилья) и 56,9 тыс. м² (20,8%) жилья за счет средств организаций, находящихся в федеральной собственности; 23,3 тыс. м² (6,4% от объема введенного жилья) и 19,6 тыс. м² (7,2%) жилья за счет средств организаций, находящихся в муниципальной собственности. На средства организаций, принадлежащих субъектам РФ, введено только 2,9 тыс. м² жилья в 2018 г. и 0,2 тыс. м² в 2019 гг. Максимальный объем жилья, введенного на средства организаций, находящихся в частной собственности, составил 135,6 тыс. м² (46% от объема введенного жилья) в 2019 г.⁹

Площадь жилья, введенного в эксплуатацию в Хабаровском крае за счет собственных и привлеченных средств населения, сократилась на 25,8%, при этом его доля в общем объеме введенного жилья составила в 2020 г. 50,6%. В целом по краю объем ввода жилья за пять лет сократился на 37,4% и составил в 2020 г. только 229,3 тыс. м² (табл. 2).

Средняя площадь квартир в новостройках Хабаровского края в течение 2016–2020 гг. составила 72,6 м². В структуре квартир по числу комнат пре-

обладают однокомнатные квартиры, их минимальная доля была 38,9% в 2016 г., а максимальная – 46,1% в 2017 г., доля четырехкомнатных квартир колеблется от 10,7% до 13,3%. В стадии незавершенного строительства на конец 2020 г. находился 61 дом общей площадью 446,4 тыс. м².⁹

В течение анализируемого периода в крае наблюдается устойчивая тенденция повышения обеспеченности населения жильем. Это происходит в результате действия двух факторов: строительства нового жилья (общая площадь жилья за 5 лет увеличилась на 3,7%) и устойчивого сокращения численности постоянного населения (за 2016–2020 гг. жителей края стало на 2,4% меньше). Однако по величине данного показателя Хабаровский край отстает от среднероссийского уровня. Прирост общей площади жилья, приходящейся на одного жителя, в крае за пять лет составил 6%. В среднем по стране обеспеченность населения жильем выросла на 8%, с 24,9 м² на человека в 2016 г. до 26,9 м² на человека в 2020 г.

Стратегией развития жилищной сферы РФ на период до 2025 г. поставлена задача обеспечить население жильем площадью 30 м² на человека, что соответствует среднему уровню обеспеченности населения жильем в восточно-европейских странах¹⁰. При сохранении

Таблица 2

**Показатели обеспечения населения Хабаровского края жильем
в 2016–2020 гг.**

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Число семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, на конец года	13 883	13 842	17 381	16 991	16 923
Число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия за год	1026	921	1354	1185	791
Объем ввода жилья, тыс. м ² , всего	366,2	269,7	273,8	294,5	229,3
в том числе населением за счет собственных и привлеченных средств	156,5	128,9	120,9	117,8	116,1
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года), м ²	23,3	23,5	23,8	24,1	24,7

Источник: Хабаровский край: Стат. ежегодник. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66942> (дата обращения 14.02.2022).

⁹ Хабаровский край: Стат. ежегодник. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66942> (дата обращения 14.02.2022).

¹⁰ Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/15909/> (дата обращения 14.02.2022).

объемов ввода жилья на уровне 2017–2020 гг. эта задача в крае не сможет быть выполнена.

Оценка доступности жилья

Для оценки доступности жилья используются различные показатели. К самым простым из них можно отнести долю населения, обеспеченного жильем в размере, соответствующем установленным нормативам, и размер жилой площади, которая может быть приобретена физическим лицом за одну месячную заработную плату (исчисляется путем деления среднемесячной заработной платы на среднюю цену 1 м² жилья) [Минченко, Ноздрин, 2013].

Как показывают данные таблицы 3, среднемесячная заработная плата работников в Хабаровском крае (ХК) выше, чем в среднем по стране. За пять лет среднемесячная заработная плата работников в Хабаровском крае выросла на 32%, а в среднем по РФ – на 40%, в результате разрыв в заработной плате сократился на 6 п. п. с 9% в 2016 г. до 3% в 2020 г.

Средняя цена одного квадратного метра жилья в Хабаровском крае в течение анализируемого периода была выше, чем в среднем по России как на первичном (в среднем на 11%), так и на вторичном рынке жилья (в среднем на 18%). В Хабаровском крае темп роста среднемесячной заработной платы отстает от темпов ро-

ста цен на жилье как на первичном (за пять лет прирост составил 45,5%), так и на вторичном (за пять лет прирост составил 37,6%) рынке. В среднем по России ситуация несколько иная, цены на первичном рынке жилья за пять лет выросли на 48,2% (что выше темпа прироста заработной платы), а на вторичном рынке – на 23,6%. Поэтому уровень доступности жилья в Хабаровском крае практически все время ниже, чем в среднем по стране. На рисунке 1 видно, что на первичном рынке жилья в крае в 2017 г. произошло незначительное снижение цены.

В 2020 г. цена квадратного метра жилья выросла сразу на 23% как в крае, так и в среднем по стране. Такой рост цены обусловлен резким повышением спроса на жилье на первичном рынке, вызванным введением в крае льготных ставок по ипотечным кредитам, предоставляемым молодым семьям в рамках программ «Дальневосточная ипотека» (2%), «Семейная ипотека» (5%), «Сельская ипотека» (до 3%), ипотечный кредит по льготной процентной ставке (6,5%).

По показателю «Доля семей, имеющих возможность приобрести жилье, соответствующее стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств» ситуация в Хабаровском крае стабильно лучше, чем в среднем по России (рис. 2).

Таблица 3

Отдельные показатели уровня жизни населения и доступности жилья в РФ и Хабаровском крае в 2016–2020 гг.

Показатель	Регион	2016	2017	2018	2019	2020
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	ХК	40109	42465	47153	50213	53113
	РФ	36709	39167	43724	47867	51344
Средняя цена 1 м ² жилья на первичном рынке, руб.	ХК	60859,6	60343,4	67962,4	72031,2	88590,8
	РФ	53287	56882	61832	64059	79003
Средняя цена 1 м ² жилья на вторичном рынке, руб.	ХК	59387,2	60535,9	64575,1	71791,0	81713,5
	РФ	53983	52350	54924	58528	66712
Площадь жилья, приобретаемого за одну месячную заработную плату на первичном рынке, м ²	ХК	0,66	0,70	0,69	0,70	0,60
	РФ	0,69	0,69	0,71	0,75	0,65
Площадь жилья, приобретаемого за одну месячную заработную плату на вторичном рынке, м ²	ХК	0,68	0,70	0,73	0,70	0,65
	РФ	0,68	0,75	0,80	0,82	0,77

Источник: составлено и рассчитано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm. Хабаровский край. Статистический ежегодник. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66942> (дата обращения 14.02.2022).

Для оценки эффективности реализации Госпрограммы (ГП) «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае» используется коэффициент доступности жилья (КДЖ по методике ГП Хабаровского края), показывающий число лет, за которое среднестатистическая семья из трех человек может накопить денежные средства, необходимые для приобретения в собственность квартиры площадью 54 м² (соответствующей социальному стандарту из расчета 18 м² на человека), по средней рыночной цене 1 м² за год, рассчитанной по формуле средней арифметической из средних цен 1 м² жилья на первичном и вторичном рынке, при условии, что все доходы се-

мьи будут направлены на достижение этой цели. Коэффициент исчисляется по формуле¹¹:

$$КДЖ = \frac{(Ц_{\text{ПР}} + Ц_{\text{ВР}}) / 2 \times 54}{СДД_{\text{М}} \times 12 \times 3},$$

где $Ц_{\text{ПР}}$ и $Ц_{\text{ВР}}$ – средняя за год цена 1 м² жилья на первичном и вторичном рынке (руб.); $СДД_{\text{М}}$ – средний денежный доход в месяц на человека (руб.); 54 – площадь квартиры (м²); 3 – число членов семьи; 12 – число месяцев.

На наш взгляд, расчет коэффициента доступности жилья следует проводить отдельно для каждого рынка, так как квартиры приобретаются либо в новостройках, либо на рынке вторичного жилья по ценам, действующим на этих

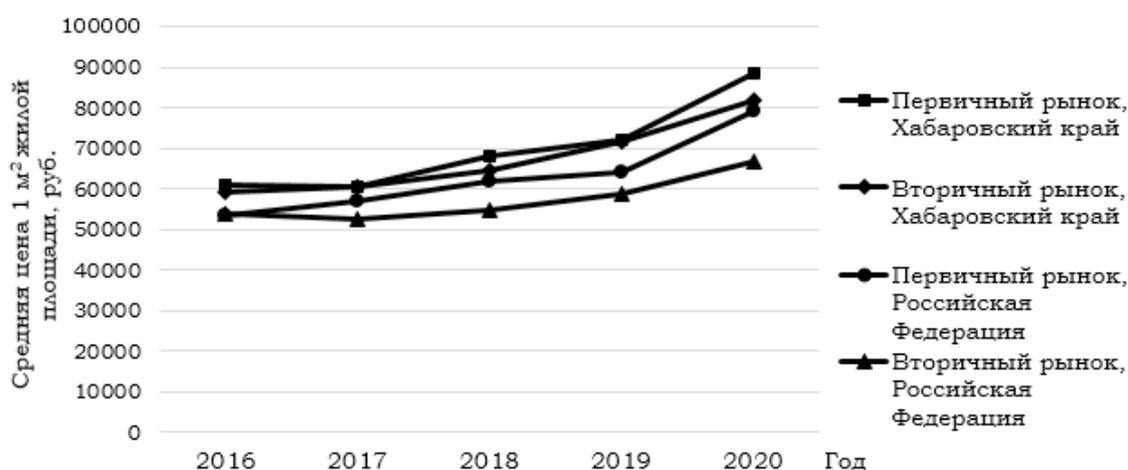

Рис. 1. Динамика средней цены 1 м² на рынке жилья в Хабаровском крае и РФ

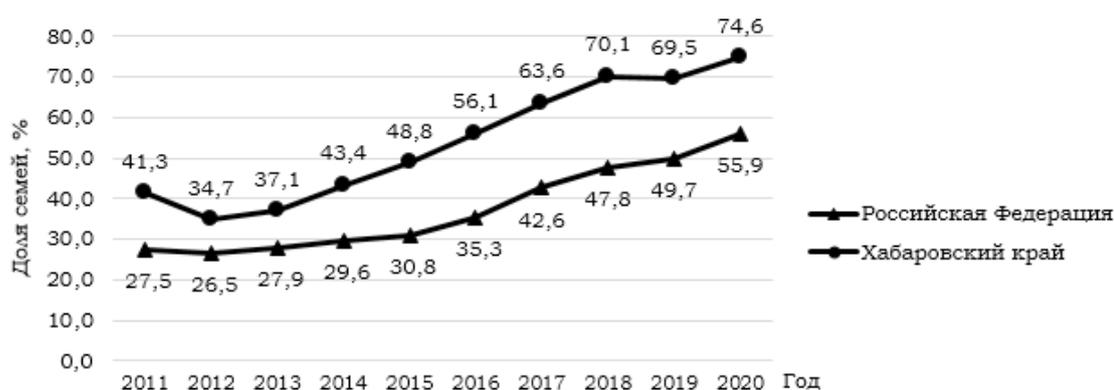

Рис. 2. Динамика доли семей, имеющих возможность приобрести жилье с помощью собственных и заемных средств, в РФ и Хабаровском крае в 2011–2020 гг.

¹¹ Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае»: постановление Правительства Хабаровского края от 22 июня 2012 г. N 205-пр. URL: <https://docs.cntd.ru/document/995153589> (дата обращения 14.02.2022).

рынках. Использование усредненной цены искажает реальное положение дел, так как цены на первичном рынке все время выше цен на вторичном рынке. Кроме того, один из целевых показателей Нацпроекта «Жилье и городская среда» – средняя стоимость 1 м² модельного жилья на первичном рынке. В расчетах КДЖ также необходимо учитывать хотя бы минимальные потребительские расходы. Поэтому получить более реальную картину позволяет модифицированный КДЖ, исчисляемый по формуле:

$$КДЖ_M = \frac{\bar{Ц}_{x54}}{(\bar{СДД}_M - \bar{ПМ}_M) \times 12 \times 3},$$

где $\bar{ПМ}_M$ – величина среднемесячного прожиточного минимума на 1 человека (рублей).

Результаты расчета коэффициента доступности жилья по двум методикам приведены в таблице 4.

В соответствии с международной классификацией жилье считается доступным, если для накопления средств на его приобретение требуется менее 3-х лет. Значения КДЖ, рассчитанного по методике ГП Хабаровского края, в 2016–2019 гг. соответствовали этому условию. Начиная с 2018 г. из-за роста цен величина КДЖ росла и в 2020 г. достигла значения

3,1 года, это значит, что жилье стало не очень доступным для жителей края со среднедушевыми денежными доходами. Значения КДЖ_М, находящиеся в интервале от 3 до 4 лет, говорят о том, что в 2016–2019 гг. для жителей края жилье было не очень доступно, а в 2020 г. они стали испытывать серьезные осложнения с приобретением жилья.

В 2020 г. среднедушевые денежные доходы у 37,4% населения Хабаровского края были ниже 27 000 рублей в месяц, а у 12% населения – ниже прожиточного минимума (население с таким уровнем дохода никогда не сможет купить жилье). Величина медианного среднедушевого денежного дохода составила 33 451,1 рублей в месяц¹¹. Это значит, что у половины населения Хабаровского края среднедушевые денежные доходы значительно ниже тех, что учитываются при расчете КДЖ (41 740,1 рублей в месяц).

Приобретение жилья в собственность осуществляется населением за счет собственных и заемных денежных средств. Развитию ипотечного кредитования в Хабаровском крае способствует реализация регионального проекта «Ипотека».

Еще один показатель эффективности реализации Госпрограммы «Развитие жилищного строительства в Хабаров-

Таблица 4

Динамика коэффициента доступности жилья в Хабаровском крае

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	36565,3	37097,8	39083,7	41459,0	41740,1
Величина прожиточного минимума, руб. в месяц	13018	12954	13295	14328	15307
Средняя цена 1 м ² жилья на первичном рынке, руб.	60859,6	60343,4	67962,4	72031,2	88590,8
Средняя цена 1 м ² жилья на вторичном рынке, руб.	59387,2	60535,9	64575,1	71791,0	81713,5
КДЖ по методике ГП Хабаровского края	2,5	2,4	2,5	2,6	3,1
КДЖ _М на первичном рынке жилья	3,9	3,7	4,0	4,0	5,0
КДЖ _М на вторичном рынке жилья	3,8	3,8	3,8	4,0	4,6

Источник: Составлено и рассчитано автором по: Хабаровский край. Статистический ежегодник. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66942> (дата обращения 14.02.2022).

¹¹ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения 14.02.2022).

ском крае» – доля семей, имеющих возможность приобрести жилье с помощью собственных и заемных средств, рассчитывается по данным Росстата и его территориальных органов о распределении домохозяйств по величине среднемесячного дохода, путем сравнения его с величиной минимального совокупного дохода (П), необходимого семье из трех человек для приобретения квартиры нормативной площадью 54 м² и рассчитываемого по формуле¹¹:

$$П = \frac{\frac{LTV}{100\%} \times P \times 54 \times \frac{i}{12 \times 100\%}}{1 - \left(1 + \frac{i}{12 \cdot 100\%}\right)^{-t \times 12}} \times \frac{100\%}{PI},$$

где LTV – доля заемных средств в стоимости приобретаемого жилья (%);

P – средняя рыночная стоимость 1 м² жилья, равная средней арифметической из средних цен на первичном и вторичном рынках жилья (рублей в среднем за год);

i – процентная ставка по кредиту (% в год);

t – срок предоставления кредита (лет);

PI – доля платежа по ипотечному жилищному кредиту в доходах семьи (%).

В таблице 5 приведены показатели, характеризующие первые итоги реализации Нацпроекта «Жилье и городская среда» в Хабаровском крае.

Как видно из таблицы 5, запланированное значение КДЖ было достигнуто только в 2018 г. Повышение КДЖ вызвано ростом цены 1 м² жилья, а в 2020 г. еще и снижением реальных располагаемых денежных доходов населения на 4,7%.

План по объему ввода жилья не был выполнен ни разу из-за низких темпов строительства и переноса сроков строительства застройщиками.

Перевыполнение плана по количеству и объему выданных ипотечных кредитов в 2018 г. обусловлено снижением средней ставки процента с 10,5% в 2017 г. до 9,5% в 2018 г., а также реализацией программы «семейной» ипотеки по ставке 6%. Сокращение количества предоставленных кредитов в 2019 г. вызвано ростом цены 1 м² жилья и уменьшением количества рефинансированных кредитов. Средняя

Таблица 5

Показатели реализации Госпрограммы «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае» в 2018–2020 гг.

Показатель	2018		2019		2020	
	план	факт	план	факт	план	факт
Коэффициент доступности жилья	2,5	2,5	2,5	2,6	2,8	3,3
Объем ввода жилья, тыс. м ²	293,0	273,8	300,0	294,5	271,0	229,3
Реализация РП «Жилье»						
Ввод жилья в рамках мероприятия по стимулированию программ развития жилищного строительства субъектов РФ	–	–	–	–	33,9	22,6
Реализация РП «Ипотека»						
Количество предоставленных ипотечных кредитов на первичном рынке, тыс. ед.	–	–	1,8	1,9	1,9	3,6
Объем выданных ипотечных кредитов в крае, млн руб.	23 600	31 087	28 000	28 924	30 000	47 321
Количество предоставленных ипотечных кредитов в крае, шт.	11 800	14 045	12 600	11 865	12 800	16 811
Доля семей, имеющих возможность приобрести жилье с помощью собственных и заемных средств, %	56,0	44,5	49,5	49,5	49,1	54,4

Источник: Отчеты о ходе реализации государственной программы «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае» в 2018, 2019 и 2020 гг. URL: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Proekty/Gosudarstvennye-celevye-programmy/592> (дата обращения 14.02.2022).

процентная ставка по ипотечным кредитам за 2019 г. составила 9,94%. В рамках программы «Семейная ипотека» было выдано 145 ипотечных кредитов (общим объемом 418,0 млн рублей) по ставке 6% и 63 кредита – по ставке 5% (155,0 млн рублей). С декабря 2019 г. в крае реализуется программа «Дальневосточная ипотека». По этой программе 47 семей получили ипотечный кредит на общую сумму 184,6 млн рублей для приобретения жилья на первичном рынке по ставке 2%.

Благодаря реализации программы «Дальневосточная ипотека» за 2020 г. в крае было выдано 2 156 ипотечных кредитов на сумму 8,0 млрд рублей. Средняя сумма кредита составила 3,7 млн рублей.

В целом для Хабаровского края характерен незначительный объем кредитования строящегося жилья; в общем объеме выданных ипотечных кредитов доля кредитов на строительство жилья выросла с 14,5% в 2018 г. до 21,4% в 2020 г.

Выводы и предложения

По результатам оценки эффективности реализации госпрограмм, проведенной министерством экономического развития Хабаровского края, Госпрограмма «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае» по итогам 2018-2022 гг. признана недостаточно эффективной, так как по ряду показателей не были достигнуты запланированные значения.

Недостаточные объемы строительства и ввода жилья в эксплуатацию затрудняют реализацию программы «Дальневосточная ипотека», по условиям которой льготный ипотечный кредит по ставке 2% жители городов и городских поселений

могут получить только на приобретение квартиры на первичном рынке (в строящихся домах или новостройках) и на индивидуальное жилищное строительство. Основная часть жилья строится в городах Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. Желание воспользоваться правом на льготный ипотечный кредит побуждает молодые семьи к переезду в эти города. В результате внутрирегиональной миграции сокращается численность постоянного населения малых городов Хабаровского края. Поэтому на законодательном уровне следует рассмотреть возможности предоставления ипотечного кредита по ставке 2% на жилье, приобретаемое на вторичном рынке для жителей малых городов края.

Значительная часть населения Хабаровского края продолжает испытывать трудности с приобретением жилья. Повышение цен на жилье способствует увеличению времени, необходимого для накопления денежных средств на первоначальный взнос для получения ипотечного кредита.

Лица с доходами ниже прожиточного минимума могут улучшить свои жилищные условия только по договору социального найма жилья. Однако нацпроектом не предусмотрены меры для повышения уровня обеспеченности жильем населения с низкими доходами. Поэтому в федеральные и региональные проекты необходимо вносить мероприятия по строительству социального жилья как основного инструмента обеспечения жильем граждан, чьи доходы недостаточны для приобретения жилья за счет собственных и заемных средств.

Список источников:

1. Ахмадеева М. М., Андреева Д. Н. Финансовая доступность жилья на первичном рынке: методические проблемы определения и новации в их решении // Инновационное развитие экономики. 2017. № 2 (38). С. 17–31.
2. Голубова О. С. Оценка доступности жилья на основании методики стоимости жизненного цикла // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2021. Т. 17, № 4. С. 24–31. DOI: 10.22213/2618-97632021-4-24-31.
3. Грушина О. В. Доступность жилья как особая характеристика экономической системы государства // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2011. № 6 (80). С. 140–146.
4. Кириченко И. А. Реализация национальных проектов Российской Федера-

ции в условиях 2020 года // Развитие и безопасность. 2020. № 4 (8). С. 68–77. DOI 10.46960/2713-2633_2020_4_68.

5. Леонова Л. Б., Засухина В. С. Критерии доступности жилья в России // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 12(459). С. 111–124.

6. Минченко М. М., Ноздрин Н. Н. О методах оценки доступности жилья для населения: сравнительный анализ // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2013. Т. 11. С. 48–70.

7. Мустафина Л. Р. Определение доступности жилья для населения: методические аспекты // Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49). С. 185–188.

8. Пухова В. В., Кашина Е. В., Саенко И. А., Крелина Е. В. Исследования уровня доступности жилья для населения города Красноярск // Наука и бизнес: пути развития. 2021. № 10 (124). С. 84–92.

9. Рабцевич О. В., Уварова А. А. Доступность жилья в регионах России: анализ и интегральная оценка // Экономика строительства и природопользования. 2020. № 4 (77). С. 39–49.

10. Руди Л. Ю., Тропникова Т. А. Доступность жилья для населения Новосибирской области: методические подходы // Вестник НГУЭУ. 2012. № 2. С. 158–167.

11. Смирнова Д. О., Чуйков О. Е., Абрамов А. П. Национальные проекты как инструмент государственной социальной политики в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. № 10(2). С. 165–174.

12. Черепович А. В. Современные методы измерения доступности жилья // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 7(145). С. 39–49.

References:

1. Ahmadeeva M. M., Andreeva D. N. Financial accessibility of housing in the primary market: methodological problems of definition and innovations in their solution *Innovacionnoe razvitie ekonomiki* [Innovative development of the economy], 2017, no. 2 (38), pp. 17–31. (In Russian).

2. Holubava O. S. Assessment of accessibility of housing based on life cycle cost methodology *Social'noekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika* [Socio-economic management: theory and practice], 2021, vol. 17, no. 4, pp. 24–31. DOI: 10.22213/2618-97632021-4-24-31. (In Russian).

3. Grushina O. V. Housing affordability as feature of state's economic system *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [Izvestiya of Irkutsk state economics academy], 2011, no. 6 (80), pp. 140–146. (In Russian).

4. Kirichenko I. A. Implementation of national projects of the Russian Federation in the conditions of 2020 *Razvitiye i bezopasnost'* [Development and security], 2020, no № 4 (8), pp. 68–77. DOI 10.46960/2713-2633_2020_4_68. (In Russian).

5. Leonova L. B., Zasukhina V. S. Criteria for affordable housing in Russia *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 2016, no 12, pp. 111–124. (In Russian).

6. Minchenko M. M., Nozdrina N. N. Methods for estimation of housing affordability for the population: a comparative analysis *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific articles: Institute of economic forecasting Russian academy of sciences], 2013, T. 11, pp. 48–70. (In Russian).

7. Mustafina L. R. Determination of housing affordability for the population: methodological aspects *Problemy sovremennoj jekonomiki* [Problems of modern economy], 2014, no. 1 (49), pp. 185–188. (In Russian).

8. Pukhova V. V., Kashina E. V., Saenko I. A., Krelina E. V. The research into housing affordability for Krasnoyarsk population *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and business: Ways of Development], 2021, no. 10 (124), pp. 84–92. (In Russian).

9. Rabtsevich O. V., Uvarova A. A. Housing affordability in Russian regions: analysis

and aggregate assessment *Ekonomika stroitel'stva i prirodopol'zovaniya* [Construction economic and environmental management], 2020, no 4 (77), pp. 39–49. (In Russian).

10. Rudi L. Yu., Tropnikova T. A. [Accommodation procurability in No-voosibirsk region: methodic approaches *Vestnik NGUEU* [Bulletin of the No-voosibirsk State University of economics and management], 2012, no 2, pp. 158–167. (In Russian).

11. Smirnova D. O., Chuikov O. E., Abramov A. P. National projects as a tool of state policy in the Russian Federation of management *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Proceedings of the South-west State University. Series: Economics, Sociology and Management], 2020, no 10 (2). pp. 165–174. (In Russian).

12. Cherepovich A. V. Modern methods for estimation of housing affordability *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial Analytics: Problems and Solutions], 2013, no 7 (145), pp. 39–48. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 22.02.2022; одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 14.03.2022.

The article was submitted 22.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 14.03.2022.

Информация об авторе

Г. Н. Строева – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the author

G. N. Stroeveva – Candidate of Sociology, associate professor, associate professor of the economic theory and national economy chair, The Pacific State University.

Научная статья

УДК 314.15:314.3(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-60-75

Оценка результативности демографической политики по снижению смертности (на примере Дальневосточного федерального округа)

Марина Алексеевна Буланова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия, bulanova-ma@ranepa.ru

Аннотация. В Российской Федерации сохранение населения является одной из основных стратегических задач. На сохранность населения влияют два демографических процесса – рождаемость и смертность.

В настоящей статье автором рассматривается оценка результативности демографической политики по снижению смертности. Акцент сделан на сравнении целевых показателей, установленных федеральными проектами, с фактическими показателями смертности на примере Дальневосточного федерального округа. Оценка проводилась за период трех лет по следующим показателям: смертность населения в трудоспособном возрасте, смертность населения от болезней системы кровообращения и новообразований.

Результативность демографической политики по снижению смертности низкая, так как целевые показатели отстают от фактических значений по смертности населения в трудоспособном возрасте и смертности от болезней системы кровообращения. Ожидаемая продолжительность жизни населения, как итоговый показатель снижения смертности, не показывает роста во всех субъектах ДФО, определенное влияние на снижение данного показателя оказывает пандемия COVID-19.

По мнению автора, требуется корректировка мероприятий предусмотренных федеральными проектами для достижения целевых показателей, а также переоценка целевых показателей с учетом сложившейся ситуации в субъектах РФ.

Ключевые слова: результативность демографической политики, смертность населения в трудоспособном возрасте, ожидаемая продолжительность жизни, Дальневосточный федеральный округ

Для цитирования: Буланова М. А. Оценка результативности демографической политики по снижению смертности (на примере Дальневосточного федерального округа) // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 60–75. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-60-75>

Assessment of the impact of demographic policy to reduce mortality (using the example of the Far-Eastern federal district)

Marina A. Bulanova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia, bulanova-ma@ranepa.ru

Abstract. In the Russian Federation preservation of the population is one of the main strategic tasks. Two demographic processes affect the safety of the population - fertility

and mortality.

In this article, the author considers assessment of the impact of demographic policy on the reducing mortality. Emphasis is placed on comparing the targets set by the federal projects with the actual mortality rates on the example of the Far-Eastern federal district. The assessment was carried out over the period of three years, two years of which the federal projects are implemented on the following indicators: mortality of the population of working age, mortality of the population from diseases of the circulatory system and neoplasms.

The impact of population policies to reduce mortality is low, as the targets lag behind the actual values in terms of mortality of the working-age population and mortality from diseases of the circulatory system. Life expectancy of the population, as the final indicator of mortality reduction, does not show growth in all subjects of the Far-Eastern federal district, the COVID-19 pandemic has a certain effect on the decrease in this indicator.

According to the author, it is necessary to adjust the measures provided by the federal projects to achieve the targets, as well as revalue the targets taking into account the current situation in the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: impact of demographic policy, mortality from diseases of the circulatory system, mortality of population of working age, life expectancy

For citation: Bulanova M. A. Assessment of the impact of demographic policy to reduce mortality (using the example of the Far-Eastern federal district) // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 1 (98). Pp. 60–75. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-60-75>

Введение

Сохранение населения в настоящее время – одна из национальных целей. Россия является самой большой по площади страной и занимает 17,1 млн кв. км, но по численности населения стоит на 9 месте в мире [Аганбегян, 2021]. Дальневосточный федеральный округ (далее – ДФО) – самый большой по площади округ, занимающий 41% территории России с численностью населения 5,6%. Задача увеличения численности населения страны и ДФО, в частности, определена в основных концептуальных документах, таких как Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 г.¹, в Указах Президента Российской Федерации № 204² от 07.05.2018 г., № 474³

от 20.07.2020 г. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию в 2021 г. определено, что сбережение населения является высшим национальным приоритетом для того, чтобы выйти на устойчивый рост численности населения⁴.

Численность населения России зависит от половозрастной структуры населения и динамики двух демографических процессов: рождаемости и смертности. Определенный вклад в формирование численности населения вносит миграция.

Численность населения России на протяжении последних 20 лет убывает, тенденции нестабильные, и убыль чередуется с приростом населения. Данные тенденции отражены в таблице 1.

¹ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/7a46cb13de731db3333fcd77a4f7887e468287e (дата обращения 12.11.2021 г.)

² Указ Президента РФ от 7.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/557309575?marker=7D20K>. (дата обращения 10.11.2021 г.)

³ Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/565341150> (дата обращения 10.11.2021 г.)

⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию (2021 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения 12.11.2021 г.)

Таблица 1

Численность и прирост населения России за 2000–2020 гг., тыс. человек

Годы	Численность населения, тыс. чел	Общий прирост (убыль) населения
2000	146890,1	-649,3
2001	146303,6	-586,5
2002	145649,3	-654,3
2003	144963,6	-685,7
2004	144333,6	-630,0
2005	143801,0	-532,6
2006	143236,6	-564,4
2007	142862,7	-373,9
2008	142747,5	-115,2
2009	142737,2	-10,30
2010	142833,5	96,30
2011	142865,4	31,90
2012	143056,4	191,0
2013	143347,1	290,7
2014	143666,9	319,8
2015	146267,3	2600,4
2016	146544,7	277,4
2017	146804,4	259,7
2018	146880,4	76,00
2019	146780,7	-99,70
2020	146459,8*	-320,9

* Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283> (дата обращения 12.11.2021 г.).

Источник: Демографический ежегодник России 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения 10.11.2021 г.)

С 2000 г. по 2010 г. наблюдается убыль населения, показатели убыли стабильны в пределах 650–550 тыс. человек до 2007 г., с 2007 г. убыль населения уменьшается, и в 2010 году впервые за десять лет вектор меняется, годовой прирост населения составляет 96,3 тыс. человек. Прирост населения продолжается вплоть до 2019 г. и наибольшее значение достигает 2015 г. С 2019 г. убыль населения начинает расти.

Численность населения ДФО также сокращается, ежегодная абсолютная убыль населения в 2016 г. составляет 16 тыс. человек, снижается в 2017 г. на 2 тыс. человек, далее продолжает расти, в 2018 г. ежегодная убыль составляет 23 тыс. человек, в 2019 г. – 34 тыс. человек, в 2020 г. – 42 тыс. человек. То есть наблюдается ускорение роста ежегодной убыли населения ДФО. Аналогичная ситуация с ежегодной убылью населения наблюдается в

большинстве субъектов ДФО (табл. 2).

Анализ численности населения субъектов РФ по ДФО показывает, что в целом по федеральному округу население уменьшается. Только в двух субъектах (Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия) наблюдается прирост численности населения, в Чукотском автономном округе на протяжении последних пяти лет численность населения не изменилась. В остальных субъектах РФ по ДФО прослеживается постоянная убыль населения. Среди всех субъектов ДФО выделяется Республика Саха (Якутия), так как на протяжении всего анализируемого периода прирост населения составляет 15 тыс. человек. В Республике Бурятия прирост не так значителен, всего 8 тыс. человек. Относительно стабильная численность населения в Сахалинской области. В Приморском крае численность населения уменьшилась на 37 тыс. человек,

в Амурской области – на 24 тыс. человек, в Хабаровском крае – на 22 тыс. человек, в Забайкальском крае – на 17 тыс. человек, в ЕАО – на 12 тыс. человек, в Магаданской области – на 8 тыс. человек.

Уменьшение численности населения происходит в связи со снижением уровня рождаемости и ростом смертности. Для изменения негативных тенденций по основным демографическим процессам органами государственной власти РФ разработаны и реализуются национальные проекты «Демография» и «Здравоохранение». Целью статьи является оценка результативности демографической политики по снижению смертности в Дальневосточном федеральном округе в результате реализации национальных

проектов «Демография» и «Здравоохранение».

Материалы и методы

В процессе исследования результативности демографической политики используется метод системного анализа, с помощью которого были проанализированы целевые и фактические значения показателей смертности населения (смертность населения в трудоспособном возрасте, смертность населения от болезней кровообращения и новообразований), ожидаемая продолжительность жизни как результат снижения смертности. Для анализа использовались данные информационно-аналитического бюллетеня «Естественное движение населения», «Демографический ежегодник».

Таблица 2

Численность и ежегодный прирост (убыль) населения субъектов РФ по ДФО за 2015–2020 гг., тыс. человек

Субъекты ДФО	2015	2016	АП ¹	2017	АП ²	2018	АП ³	2019	АП ⁴	2020	АП ⁵
Дальневосточный федеральный округ	8276	8260	-16	8246	-14	8223	-23	8189	-34	8147	-42
Республика Бурятия	978	982	4	984	2	985	1	983	-2	986	3
Республика Саха (Якутия)	957	960	3	963	3	964	1	967	3	972	5
Забайкальский край	1087	1083	-4	1079	-4	1073	-6	1066	-7	1060	-6
Камчатский край	317	316	-1	315	-1	316	1	315	-1	313	-2
Приморский край	1933	1929	-4	1923	-6	1913	-10	1902	-11	1896	-6
Хабаровский край	1338	1334	-4	1333	-1	1328	-5	1321	-7	1316	-5
Амурская область	810	806	-4	802	-4	798	-4	794	-4	786	-8
Магаданская область	148	147	-1	146	-1	144	-2	141	-3	140	-1
Сахалинская область	488	487	-1	487	0	490	3	490	0	488	-2
Еврейская автономная область	169	166	-3	164	-2	162	-2	160	-2	157	-3
Чукотский автономный округ	51	50	-1	50	0	50	0	50	0	50	0

Источник: Приложение к Демографическому ежегоднику России (информация в разрезе субъектов РФ). 2017: URL: https://gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm (дата обращения 12.11.2021 г.) Приложение к Демографическому ежегоднику России (информация в разрезе субъектов РФ). 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения 12.11.2021 г.). Приложение к Демографическому ежегоднику России (информация в разрезе субъектов РФ). 2021: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 12.11.2021 г.).

АП¹ - абсолютный прирост (убыль) населения (разность численности населения за 2016 г. и 2015 г.); АП² - абсолютный прирост (убыль) населения (разность численности населения за 2017 г. и 2016 г.); АП³ - абсолютный прирост (убыль) населения (разность численности населения за 2018 г. и 2017 г.); АП⁴ - абсолютный прирост (убыль) населения (разность численности населения за 2019 г. и 2018 г.); АП⁵ - абсолютный прирост (убыль) населения (разность численности населения за 2020 г. и 2019 г.).

Результаты исследования

Задачи национальных проектов «Демография» и «Здравоохранение» по снижению смертности.

Результативность демографической политики по сокращению смертности можно проанализировать по оценке уровня смертности и возможности достижения запланированных Указом Президента РФ № 204 и Указом Президента РФ №474 результатов.

В соответствии с Указом Президента РФ № 204 к 2024 г. необходимо достигнуть следующих результатов по сокращению смертности (табл. 3).

Для достижения целевых показателей разработаны национальные проекты «Демография»⁵ и «Здравоохранение»⁶, мероприятия которых направлены на сокращения смертности. В рамках национального проекта «Демография» федеральные проекты «Спорт – норма жизни»⁷, «Укрепление общественного здоровья»⁸, «Старшее поколение»⁹ ориентированы на сохранение здоровья и снижение смертности. Все федеральные проекты в рамках национального проекта «Здравоохранение»¹⁰ направлены на снижение смертности и повышение продолжительности жизни. В рамках федерального проекта «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи»¹¹ предполагается

развитие сети первичной звена системы здравоохранения, то есть строительство фельдшерско-акушерских, фельдшерских пунктов и лечебных амбулаторий, развитие санитарной авиации, приобретение мобильных медицинских комплексов, развитие новой модели медицинской организации. При реализации федерального проекта «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями»¹² разрабатываются и реализуются региональные программы по борьбе с сердечно-сосудистыми заболеваниями, создаются региональные сосудистые центры, которые обеспечиваются медицинскими кадрами, и предполагается проведение профилактических мероприятий. Федеральный проект «Борьба с онкологическими заболеваниями»¹³ предполагает разработку и реализацию региональных программ, создание центров амбулаторной онкологической помощи, переоснащение региональных медицинских организаций, проведение информационно-коммуникационных кампаний, которые ориентированы на профилактические осмотры для раннего выявления заболеваний. В ходе реализации федерального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям»¹⁴ предусмотрено создание симуляционных

⁵ Паспорт национального проекта «Демография». URL: https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/f4/a3/%D0%9D%D0%9F_%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения 12.11.2021 г.).

⁶ Паспорт национального проекта «Здравоохранение». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319209/ (дата обращения 12.11.2021 г.).

⁷ Паспорт федерального проекта «Спорт – норма жизни» <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1175-src-1631197597.5877.pdf> (дата обращения 12.11.2021 г.).

⁸ Паспорт федерального проекта «Укрепление общественного здоровья». URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1174-src-1631197559.3506.pdf> (дата обращения 12.11.2021 г.).

⁹ Паспорт федерального проекта «Старшее поколение». URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1173-src-1631197511.7038.pdf> (дата обращения 12.11.2021 г.).

¹⁰ Паспорт национального проекта «Здравоохранение». URL: <http://static.government.ru/media/files/gWYJ4OsAhPOweWaJk1prKDEpregEcduI.pdf> (дата обращения 12.11.2021 г.).

¹¹ Федеральный проект «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи». URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/046/711/original/FP_Pervichnaya_mediko-sanitarnaya_pomoshh'.pdf?1565344598 (дата обращения 12.11.2021 г.).

¹² Федеральный проект «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями». URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/046/710/original/FP_Bor'ba_s_serdechno-sosudistymi_zabolevaniyami.pdf?1565344425 (дата обращения 12.11.2021 г.).

¹³ Федеральный проект «Борьба с онкологическими заболеваниями». URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/058/512/original/Bor'ba_s_onkologicheskimi_zabolevaniyami.pdf?1639050118 (дата обращения 12.11.2021 г.).

¹⁴ Федеральный проект «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям». URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/046/707/original/FP_Razvitie_detskogo_zdravoohraneniya.pdf?1565343919 (дата обращения 12.11.2021 г.).

Таблица 3

Целевые ориентиры по сокращению смертности в РФ на основе Указа Президента РФ № 204

Показатель	Целевое значение к 2024 г.
Смертность населения трудоспособного возраста	до 350 случаев на 100 тыс. населения
Смертность от болезней системы кровообращения	до 450 случаев на 100 тыс. населения
Смертность от новообразований, в том числе от злокачественных	до 185 случаев на 100 тыс. населения

Источник: Указ Президента РФ №204 от 7.05.2018 г. «О национальных целях и стратегической задаче Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/557309575?marker=7D20K3> (дата обращения 10.11.2021 г.).

центров для обучения специалистов в области перинатологии, неонатологии и педиатрии, проведение профилактических осмотров, строительство детских больниц. Федеральный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами»¹⁵ предусматривает проведение процедур аккредитации, непрерывного повышения квалификации посредством создания симуляционных центров, разработку интерактивных образовательных моделей для портала. Федеральный проект «Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий»¹⁶ предусматривает использование данными центрами для консультаций телемедицинских технологий. Федеральный проект «Развитие экспорта медицинских услуг»¹⁷ направлен на проведение коммуникационных мероприятий для привлечения иностранных граждан в систему здравоохранения РФ. В ходе реализации федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информацион-

ной системы здравоохранения (ЕГИСЗ) создается единая государственная информационная система в здравоохранении, которая будет взаимодействовать с подобными системами субъектов РФ и порталом государственных услуг.

Реализация национальных проектов началась в 2019 г.

Сравнительная оценка уровня смертности населения в трудоспособном возрасте в ДФО

Оценка результативности мер демографической политики осуществляется на основе соотнесения достижения запланированных результатов Указами Президента РФ № 204, № 474 и Концепцией демографической политики на период до 2025 г. с реальными результатами по итогам реализации национальных проектов и мер, указанных в Концепции.

Смертность населения в трудоспособном возрасте в России остается очень высокой, что непосредственно влияет на величину ожидаемой продолжительности жизни. Для сравнения смертность населения в трудоспособном возрасте на 100 тыс. населения в России в 3,4 раза

¹⁵ Федеральный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами». URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/046/713/original/FP_Obespechenie_medicinskix_organizacij_sistemy_zdravooxraneniya_kvalificirovannymi_kadrami.pdf?1565345000 (дата обращения 12.11.2021 г.).

¹⁶ Федеральный проект «Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий». URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/046/714/original/FP_Razvitie_seti_nacional'nyx_medicinskix_issledovatel'skix_centrov_i_vnedrenie_innovacionnyx_medicinskix_texnologij.pdf?1565345144 (дата обращения 12.11.2021 г.).

¹⁷ Федеральный проект «Развитие экспорта медицинских услуг». URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/046/708/original/FP_Razvitie_eksporta_medicinskix_uslug.pdf?1565343994 (дата обращения 12.11.2021 г.).

выше, чем в Западной Европе [Аганбегян, 2017].

В течение десяти лет с 2010 г. по 2019 г. данный показатель в целом по России и по ДФО показывает тенденцию к снижению (табл. 4). Однако смертность населения в трудоспособном возрасте по ДФО выше, чем в целом по России: в 2015 г. – на 21%, в 2020 г. – на 19%. Если рассматривать в разрезе субъектов ДФО, то самая высокая смертность населения в трудоспособном возрасте в ЧАО (в 2015 г. превышала смертность в целом по России на 58,4%, в 2020 г. – на 60%), в Амурской области (в 2015 г. превышала смертность в целом по России на 34,5%, в 2020 г. – на 41,2%), в Магаданской области (в 2015 г. превышала смертность в целом по России на 33,5%, в 2020 г. – на 33,5%), в ЕАО (в 2015 г. превышала смертность в целом по России на 62%, в 2020 г. – на 31%).

По национальному проекту «Здравоохранение» показатель смертности в трудоспособном возрасте в 2018 г. должен был иметь значение 455, в 2019 г. – 437, в 2020 г. – 419 смертей на 100 тыс. человек. В целом по России запланированные значения не были достигнуты в исследуемый период. Во всех субъектах ДФО смертность населения в трудоспособном возрасте выше запланированных значе-

ний более чем в 1,5–2 раза (табл. 5).

Таким образом, анализ показывает высокий уровень смертности населения в трудоспособном возрасте в субъектах РФ по ДФО [Грицко, 2020]. Отклонение от запланированного в национальном проекте «Здравоохранение» значения уровня смертности населения в трудоспособном возрасте в целом по России незначительное, только в 2020 г. в условиях пандемии отклонение составило 24,5%, что не скажешь о величине отклонения в субъектах ДФО. В целом в ДФО величина отклонения росла в течение исследуемого периода, в 2018 г. смертность была выше запланированной на 30%, в 2019 г. – на 36%, в 2020 г. – на 48%. В два раза выше планового уровня смертности в трудоспособном возрасте в ЧАО в 2018 г., в 2019 г. величина отклонения снизилась и достигла 80%, в 2020 г. смертность в трудоспособном возрасте вновь выросла в два раза. Республики Бурятия и Саха (Якутия) можно отнести к группе субъектов РФ по ДФО со средним уровнем смертности в трудоспособном возрасте по итогам 2020 г. В 2018 г. и 2019 г. данный показатель в Республике Саха (Якутия) был низким, со значением 3,0% и 6,5%, соответственно. В группу с очень высокой смертностью в трудоспособном возрасте за анализируемый период (2018–2020 гг.)

Таблица 4

Динамика смертности населения трудоспособного возраста в РФ и субъектах РФ по ДФО за 2005–2020 гг., на 100 тыс. человек

РФ и субъекты РФ по ДФО	2015	2016	2017	2018	2019	2020
РФ	546,7	525,3	484,5	482,2	470,0	521,6
ДФО	659,5	641,5	589,3	589,7	593,0	620,6
Республика Бурятия	639,8	611,9	546,2	547,1	560,0	547,9
Республика Саха (Якутия)	552,8	532,2	516,7	468,8	465,2	518,4
Забайкальский край	698,4	649,4	563,3	604,3	628,4	636,4
Камчатский край	649,0	672,3	577,3	609,6	572,3	617,4
Приморский край	633,3	615,9	584,3	595,9	589,2	618,6
Хабаровский край	648,8	645,4	603,3	600,2	607,1	647,6
Амурская область	753,5	715,7	630,9	654,6	681,7	736,9
Магаданская область	730,0	699,1	678,2	667,8	698,6	696,4
Сахалинская область	740,5	720,5	601,7	631,8	610,1	618,9
ЕАО	885,2	798,1	595,5	641,4	688,7	682,3
ЧАО	865,8	827,0	822,7	954,6	801,3	836,8

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.

Таблица 5

**Превышение показателей смертности в трудоспособном возрасте от
запланированных национальным проектом «Здравоохранение»,
на 100 тыс. человек**

РФ и субъекты РФ по ДФО	2018		2019		2020	
	факт	К роста* (убыли),%	факт	К роста* (убыли),%	факт	К роста* (убыли),%
РФ	482,2	6,00	470	7,60	521,6	24,5
ДФО	589,7	29,6	593	35,7	620,6	48,1
Республика Бурятия	547,1	20,2	560	29,4	547,9	30,8
Республика Саха (Якутия)	468,8	3,03	465,2	6,50	518,4	23,7
Забайкальский край	604,3	32,8	628,4	43,8	636,4	51,9
Камчатский край	609,6	34,0	572,3	31,0	617,4	47,4
Приморский край	595,9	31,0	589,2	34,8	618,6	47,6
Хабаровский край	600,2	32,0	607,1	39,0	647,6	54,6
Амурская область	654,6	43,9	681,7	56,0	736,9	75,9
Магаданская область	667,8	46,8	698,6	59,8	696,4	66,2
Сахалинская область	631,8	38,9	610,1	39,6	618,9	47,7
ЕАО	641,4	41,0	688,7	57,6	682,3	62,8
ЧАО	954,6	109,8	801,3	83,4	836,8	99,7

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с

К роста* (убыли) рассчитывается как отношение фактических значений к запланированным.

можно включить ЧАО (109,8%; 83,4%; 99,7%), т. е. смертность в данном субъекте в два раза выше запланированных в национальном проекте значений. В данную группу в 2020 г. вошли Амурская, Магаданская области и ЕАО с показателями 75,9%, 66,2% и 62,8% соответственно. В 2018–2019 гг. данные субъекты входили в группу с высоким значением показателя. В группу с высоким уровнем смертности в трудоспособном возрасте входят Хабаровский, Приморский, Забайкальский, Камчатский края и Сахалинская область, значения показателя смертности в трудоспособном возрасте превышает запланированный уровень в пределах от 30% до 60%. Следует отметить, что во всех субъектах РФ по ДФО с 2018 г. отмечен рост смертности населения в трудоспособном возрасте. Для более детального изучения смертности населения в трудоспособном возрасте необходимо проанализировать причины смертности. По данным

Федеральной службы государственной статистики РФ основными причинами смертности населения в трудоспособном возрасте являются смертность от болезней системы кровообращения, новообразований и внешних причин. В целом по ДФО в 2018 г. на первом месте по причинам смертности населения в трудоспособном возрасте стоит смертность от внешних причин, в нескольких субъектах ДФО аналогичная картина (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Амурская область, Сахалинская область, ЧАО). В остальных субъектах ДФО в 2018 г. первое место по причинам смертности населения в трудоспособном возрасте занимает смертность от болезней системы кровообращения (табл. 6).

В 2019 г. в целом по ДФО на первое место выходит смертность населения в трудоспособном возрасте от болезней системы кровообращения. Такая же тенденция прослеживается в ряде субъ-

ектов ДФО (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, ЕАО, ЧАО). В остальных субъектах ДФО на первом месте стоит смертность трудоспособного населения от внешних причин (Республика

Таблица 6

**Причины смертности населения в трудоспособном возрасте
за 2018–2020 гг., на 100 тыс. человек**

2018 г.						
Регион/Наименование причин	БСК*	НО*	ВП*	БОД*	БП*	ИПБ*
РФ	147,0	74,0	116,6	18,0	44,3	35,2
ДФО	173,6	79,5	176,3	26,2	54,5	31,8
Республика Бурятия	132,7	78,3	188,2	22,4	48,7	32,9
Республика Саха (Якутия)	153,2	59,0	162,7	9,3	32,1	15,4
Забайкальский край	162,8	83,6	214,3	28,8	37,4	26,8
Камчатский край	202,0	70,5	161,5	28,4	39,4	18,9
Приморский край	183,8	86,5	139,8	30,7	62,0	52,4
Хабаровский край	208,4	74,9	157,7	28,3	69,7	29,7
Амурская область	158,3	90,7	221,8	32,6	58,6	25,4
Магаданская область	234,1	70,1	174,7	34,5	48,7	9,5
Сахалинская область	143,3	83,8	206,5	23,8	80,9	18,4
ЕАО	219,4	95,8	184,8	25,6	50,1	40,1
ЧАО	270,4	94,5	361,6	39,1	81,5	55,4
2019 г.						
Наименование причин	БСК	НО	ВП	БОД	БП	ИПБ
РФ	141,8	71,3	110,7	17,2	45,9	33,6
ДФО	175,6	80,0	169,9	28,7	60,7	29,0
Республика Бурятия	139,4	78,9	187,7	22,9	55,9	25,7
Республика Саха (Якутия)	154,3	59,6	146,7	14,3	38,7	16,9
Забайкальский край	173,5	72,7	212,7	36,6	52,6	23,3
Камчатский край	215,7	71,5	121,2	18,7	43,8	16,6
Приморский край	190,4	91,5	132,9	32,5	59,3	43,8
Хабаровский край	204,3	74,1	154,7	31,6	74,8	29,0
Амурская область	169,9	94,9	225,6	26,8	70,1	28,8
Магаданская область	171,0	87,3	242,6	46,1	80,0	6,10
Сахалинская область	111,5	85,3	188,4	27,0	92,9	24,4
ЕАО	245,8	90,6	185,8	47,6	56,6	31,7
ЧАО	267,1	94,5	237,8	45,6	52,1	71,7
2020 г.						
РФ	167,9	75,9	113,6	24,8	53,9	30,8
ДФО	197,7	81,8	171,2	33,5	68,3	26,7
Республика Бурятия	150,2	78,8	167,4	20,9	62,6	22,5
Республика Саха (Якутия)	186,6	54,6	164,9	18,0	41,1	10,9
Забайкальский край	196,0	82,6	194,5	35,3	57,6	28,1
Камчатский край	234,1	56,3	148,3	30,5	58,4	20,5
Приморский край	212,9	93,8	140,9	35,3	71,8	39,1
Хабаровский край	227,1	83,2	156,7	41,9	73,4	27,8
Амурская область	186,9	94,2	239,1	45,8	82,7	23,3
Магаданская область	252,8	68,3	195,3	43,1	75,5	9,6
Сахалинская область	124,7	90,6	188,4	30,6	113,9	21,2
ЕАО	267,0	87,5	153,7	42,6	67,3	38,1
ЧАО	258,8	76,7	300,4	54,3	51,1	47,9

Примечание: БСК – болезни системы кровообращения; НО – новообразования; ВП – внешние причины; БОД – болезни органов дыхания; БП – болезни пищеварения; ИПБ – инфекционные и паразитарные болезни.

Источник: составлено по «Демографический ежегодник России» за 2021 г., 2019 г. и приложению к Демографическому ежегоднику России за 2021 г. 2019 г. URL: https://dks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 12.01.2022).

Бурятия, Забайкальский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область). В 2020 г. в двух субъектах ДФО основная причина смертности трудоспособного населения изменилась, смертность от внешних причин вышла на первое место в ЧАО, в Магаданской области на первое место переместилась смертность от болезней кровообращения. Третье место занимает смертность от новообразований у населения в трудоспособном возрасте.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными причинами смертности населения в трудоспособном возрасте являются болезни системы кровообращения, новообразования и внешние причины.

Сравнительный анализ причин смертности населения в субъектах ДФО

Целевое значение смертности населения от болезней системы кровообращения к 2024 г. должно составлять 450 смертей на 100 тыс. населения.

В таблице 7 представлены промежуточные целевые показатели смертности от болезней системы кровообращения, указанные в национальном проекте «Здравоохранение», которые должны быть достигнуты к 2024 г.

В ряде субъектов РФ по ДФО смертность населения от болезней системы кровообращения ниже, чем в целом по России. В Республиках Бурятия и Саха (Якутия) на протяжении анализируемого периода смертность от данной причины ниже примерно в полтора раза. В Сахалинской области смертность населения от болезней системы кровообращения постоянно снижается и к 2020 г. достигла значения ниже целевого показателя на

35%. В ЧАО величина смертности находится ниже целевого показателя с 2016 г., а по итогам 2020 г. – ниже целевого значения на 6%. Во всех остальных субъектах РФ по ДФО смертность от болезней системы кровообращения выше целевого показателя. Самая неблагоприятная ситуация со смертностью от болезней системы кровообращения в ЕАО, в 2020 г. показатель смертности от данной причины в два раза выше запланированного, и снижение до 450 смертей на 100 тыс. человек к 2024 г. маловероятно. В Приморском крае данный показатель по итогам 2020 г. выше запланированного на 69%, и в течение пяти лет наблюдается тенденция к росту. Хабаровский, Камчатский края и Амурская область по показателю смертности от болезней системы кровообращения существенно отличаются от показателя по России в целом и выше запланированных целевых показателей на 30%, 16%, 22% соответственно. На территориях всех субъектов РФ реализуются программа «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» и региональный проект «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», состав мероприятий аналогичен федеральному проекту, но показывает разные результаты. Можно предположить, что причина не только в качестве медицинской помощи, а также в уровне самосохранительного поведения самого населения [Дмитриева, 2019]. Ответственность за снижение смертности от болезней системы кровообращения в краткосрочной перспективе несет система здравоохранения, в средне- и долгосрочной – эффективная политика по оздоровлению образа жизни людей [Рязанцев, Иванова, Архангельский, 2021].

Следующей основной причиной смер-

Таблица 7

Целевые показатели смертности от болезней системы кровообращения, на 100 тыс. человек

Целевой показатель	Период, год							
	базовый	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Снижение смертности от болезней системы кровообращения	587,6 3	565	545	525	505	485	465	450

Источник: Паспорт национального проекта «Здравоохранения» URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319209 (дата обращения 01.12.2021).

ности в целом по России и в субъектах ДФО является смертность от новообразований. К 2024 г. целевой ориентир – 185 смертей на 100 тыс. человек. Проанализируем динамику смертей в целом по России и субъектам ДФО и определим вероятность достижения запланированного результата. Для сокращения смертности от новообразований реализуется федеральный проект «Борьба с онкологическими заболеваниями», в каждом субъекте РФ реализуется региональный проект с аналогичным названием и региональная программа.

В федеральном проекте представлены целевые показатели смертности от ново-

образований, которые должны быть достигнуты в России (табл. 9).

В рамках федерального проекта предусмотрена разработка региональных программ «Борьба с онкологическими заболеваниями», дополнительное финансовое обеспечение оказания медицинской помощи больным с онкологическими заболеваниями, кадровое обеспечение онкологической службы, строительство онкологических диспансеров, создание референс-центров иммуногистохимических, патоморфологических и лучевых методов исследований, проведение информационно-коммуникационной кампании, направленной на раннее вы-

Таблица 8

Коэффициент смертности населения от болезней системы кровообращения в субъектах ДФО, на 100 тыс. человек

Субъекты РФ по ДФО	2015	2016	2017	2018	2019	2020
РФ	635,3	616,4	587,6	583,1	573,2	640,8
ДФО	589,7	576,6	534,7	525,4	550,2	602,1
Республика Саха (Якутия)	386,7	368,7	364,2	353,9	357,1	404,9
Республика Бурятия	472,9	471,9	437,7	445,9	462,2	481,6
Забайкальский край	563,6	473,8	473,4	510,8	528,9	576,9
Камчатский край	609,1	589,4	576,9	562,6	573,2	609,6
Приморский край	641,6	649,8	623,9	640,7	669,7	759,0
Хабаровский край	661,7	646,2	643,1	617,0	646,4	684,0
Амурская область	522,2	496,2	426,6	460,0	572,2	641,8
Магаданская область	543,5	489,2	497,1	497,0	486,9	544,4
Сахалинская область	629,1	588,3	320,2	374,8	332,6	333,9
ЕАО	828,7	833,7	774,3	779,1	808,9	911,0
ЧАО	476,7	406,1	395,3	440,3	388,2	424,8

Источник: Информационно-аналитический бюллетень «Естественное движение населения Российской Федерации». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения 15.12.2021).

Таблица 9

Целевые показатели смертности от новообразований, на 100 тыс. человек

Целевой показатель	Период, год						
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Снижение смертности от новообразований, в том числе от злокачественных	199,9	199,5	197,0	193,5	189,5	187	185

Источник: Паспорт национального проекта «Здравоохранение». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319209/8053974194d5902adc683b1c48d47662ba24006a (дата обращения 12.11.2021).

явление онкологических заболеваний и повышение приверженности к лечению, переоснащение и переоборудование медицинских организаций, организация центров амбулаторной онкологической помощи. Аналогичные мероприятия предусмотрены в региональных проектах «Борьба с онкологическими заболеваниями».

Результативность предпринятых мер проанализируем по показателям смертности от новообразований по России в целом и по субъектам РФ по ДФО (табл. 10).

В Республике Бурятия, Камчатском крае, ЧАО, ЕАО показатели смертности от новообразований ниже запланированных и показывают тенденцию к дальнейшему снижению. В ЧАО смертность от новообразований ниже целевого значения в 2020 г на 40%, в Республике Бурятия – на 33,2%, в Камчатском крае – на 19,9%. В Республике Саха (Якутия) и Забайкальском крае показатели смертности от новообразований ниже запланированных, но показывают тенденцию к росту. В Республике Саха (Якутия) показатель смертности от новообразований в 2020 г. ниже на 3,7%, в Забайкальском крае – на 0,9%. В остальных субъектах ДФО и в целом по

России смертность от новообразований выше запланированного показателя. В целом по России смертность от новообразований выше на 2,5%, в целом по ДФО – на 2,0%, Приморском крае – на 18,8%, Хабаровском крае – на 2,0%, Сахалинской области – на 20,6%, Амурской области – на 17,9%, Магаданской области – на 2,2%. Так как 2020 г. – нетипичный для исследования в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, которая способствовала повышению смертности от всех причин, проанализируем 2019 г. и соотнесем с показателями федерального проекта. В 2019 г. в Республиках Бурятия и Саха (Якутия), ЧАО, Камчатском и Забайкальском краях и Магаданской области смертность от новообразований была ниже запланированной в федеральном проекте; в Хабаровском крае – выше запланированного на 1,5%, Приморском крае – выше на 23,6%, Амурской области – выше на 15,2%, Сахалинской области – выше на 24,8%, ЕАО – выше на 13,7%. В целом по ДФО показатель превышал запланированный уровень на 2,8%. Таким образом, сравнительный анализ показал, что пандемия COVID-19 не внесла существенных изменений в динамику смерт-

Таблица 10

**Коэффициент смертности населения субъектов РФ по ДФО
от новообразований, на 100 тыс. человек**

Субъекты РФ по ДФО	2015	2016	2017	2018	2019	2020
РФ	205,1	204,3	200,6	203,0	203,5	202,0
ДФО	200,5	200,2	198,8	201,0	205,2	201,0
Республика Саха (Якутия)	172,8	178,0	183,4	191,1	185,8	189,6
Республика Бурятия	130,1	134,6	136,5	139,8	140,1	131,6
Забайкальский край	184,7	187,6	189,1	202,0	183,2	195,2
Камчатский край	183,1	182,3	172,0	163,4	174,3	157,8
Приморский край	229,3	232,6	231,1	235,9	246,7	234,0
Хабаровский край	203,5	187,1	191,5	191,7	202,5	200,9
Амурская область	202,8	203,1	197,5	204,6	229,9	232,2
Магаданская область	205,8	200,1	208,5	195,6	199,0	201,3
Сахалинская область	229,6	237,0	234,7	241,3	248,9	237,6
ЕАО	205,1	233,1	209,1	234,2	226,9	187,4
ЧАО	115,2	156,0	133,1	167,7	134,1	118,2

Источник: Информационно-аналитический бюллетень «Естественное движение населения Российской Федерации». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения 14.11.2021)

ности от новообразований.

Сравнительный анализ ожидаемой продолжительности жизни населения

Результатом снижения смертности населения является повышение ожидаемой продолжительности предстоящей жизни при рождении. Это информативный показатель, который складывается из множества составляющих, в частности, уровня жизни, качества системы здравоохранения и самосохранительного поведения населения [Буланова, 2017]. По Указу Президента РФ № 474 от 21.07.2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определен результат демографической политики к 2030 г., который заключается в повышении ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет.

Во всех субъектах РФ по ДФО ожидаемая продолжительность жизни ниже, чем в целом по России. Республика Саха (Якутия) – единственный субъект РФ по ДФО, который приблизился к показателю ожидаемой продолжительности жизни в целом по России. В 2018 г. ожидаемая продолжительность жизни в Республике Саха (Якутия) составила 72,72 года, в целом по России – 72,91 года, в 2019 г. – 70,00 года и 73,34 года соответственно. В остальных субъектах ДФО ожидаемая продолжительность жизни ниже, чем в целом по России на протяжении всего исследуемого периода (табл. 11). За десять лет ожидаемая продолжительность жизни выросла в целом по России на 1,71 года.

Самым отстающим субъектом по величине ожидаемой продолжительности жизни является ЧАО, в 2011 г. разница по сравнению со значением в целом по России составила 8,25 лет, в 2015 г. – 7,23 года, в 2019 г. – 5,25 лет [Демографическая ситуация..., 2019]. В течение десяти лет ожидаемая продолжительность жизни населения ЧАО выросла на 3 года. Субъектами РФ с низкой ожидаемой продолжительностью жизни населения являются Амурская область и ЕАО. В Амурской области величина ожидаемой продолжительности жизни выросла за десять лет на 2,56 года, в ЕАО – на 4,15 года. Отставание от показателей

России в целом в 2020 г. по ожидаемой продолжительности жизни населения в Амурской области составляет 4,16 года, в ЕАО – 4,04 года. Величина ожидаемой продолжительности жизни населения Хабаровского края за десять лет увеличилась на 2,61 года, Забайкальского края – на 2,48 года. Отставание от показателя в целом по России в Хабаровском крае составляет 2,93 года и 3,31 года – в Забайкальском крае. В Камчатском крае ожидаемая продолжительность жизни населения выросла за исследуемый период на 2,7 года, Магаданской области – на 3,05 года, Сахалинской области – на 4,05 года, Приморском крае – на 2,38 года. Отставание находится в пределах от 1,81 года до 2,5 лет от ожидаемой продолжительности жизни населения в целом по России. Поэтому автор считает, что достижение запланированного показателя (который должен быть выше на десять лет) для субъектов ДФО не представляется возможным. Это доказывается темпами роста данного показателя за предыдущие десять лет.

В 2020 г. по стране в целом произошло снижение ожидаемой продолжительности жизни, это связано в первую очередь с увеличением смертности в связи с распространением пандемии COVID-19: снижение в целом по России составляет 1,8 года, в субъектах ДФО в среднем снижение примерно около 1 года (в Республике Саха (Якутия) – 1,9 года, Забайкальском крае – 0,65 года, Камчатском крае – 1,3 года, Приморском крае – 1 год, Хабаровском крае – 1,44 года, Амурской области – 1,28 года, Магаданской области – 0,62 года, Сахалинской области – 0,55 года, ЕАО – 0,58 года, ЧАО – 2,27, Республике Бурятия – 0,48 года).

Заключение

На сохранность населения влияют два демографических процесса – рождаемость и смертность. Эффективно влиять на снижение смертности возможно мерами демографической политики.

По итогам проведенного исследования можно утверждать, что результативность демографической политики по снижению смертности недостаточная. Целевые показатели по снижению

Таблица 11

**Ожидаемая продолжительность жизни населения России и субъектов
ДФО, за 2011–2020 гг., лет**

Субъекты РФ по ДФО	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020*
Российская Федерация	69,83	70,24	70,76	70,93	71,39	71,87	72,7	72,91	73,34	71,54
ДФО	66,36	67,00	67,81	68,21	68,68	69,22	70,09	70,2	70,22	69,15
Республика Бурятия	66,09	66,79	67,67	68,54	69,15	69,61	70,69	70,84	70,77	70,29
Республика Саха (Якутия)	67,67	67,93	69,13	69,81	70,29	70,84	71,68	72,72	73,00	71,10
Забайкальский край	65,75	66,24	67,11	67,38	67,34	68,33	69,64	68,99	68,88	68,23
Камчатский край	66,57	67,29	67,98	68,06	68,56	68,66	70,06	70,09	70,57	69,27
Приморский край	67,17	67,79	68,19	68,74	69,21	69,66	70,36	70,48	70,54	69,55
Хабаровский край	66,00	67,13	67,92	68,01	68,72	69,13	69,74	70,19	70,05	68,61
Амурская область	64,82	65,12	66,38	67,00	67,27	68,28	69,06	69,11	68,66	67,38
Магаданская область	65,99	66,15	67,12	67,19	68,11	69,00	69,37	69,62	69,66	69,04
Сахалинская область	65,68	66,63	67,70	67,89	67,99	68,66	70,19	69,92	70,28	69,73
Еврейская автономная область	63,35	64,14	64,94	65,2	65,04	65,88	68,83	68,6	68,08	67,50
Чукотский автономный округ	61,58	60,79	62,11	62,32	64,16	64,42	66,1	63,58	68,09	65,82

Источник: Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 80.

*Данные за 2020 года представлены с сайтов территориальных органов федеральной службы государственной статистики.

смертности, которые были запланированы национальным проектом «Здравоохранение», в анализируемом периоде не были достигнуты.

Смертность населения в трудоспособном возрасте во всех субъектах ДФО выше запланированных в 1,5-2 раза. Основными причинами смертности населения в целом и населения в трудоспособном возрасте России и субъектов ДФО являются болезни системы кровообращения, новообразования и внешние причины. Реализация региональных программ «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», «Борьба с онкологическими заболеваниями» и региональных проектов «Борьба с сердечно-

сосудистыми заболеваниями», «Борьба с онкологическими заболеваниями» пока не принесли ожидаемых результатов по снижению смертности населения.

В связи с этим ожидаемая продолжительность жизни населения в субъектах ДФО показывает значительное отставание от среднероссийских значений (в пределах 2–5 лет в зависимости от субъекта ДФО).

По мнению автора, требуется корректировка мероприятий, предусмотренных федеральными проектами для достижения целевых показателей, а также переоценка целевых показателей с учетом сложившейся ситуации в субъектах РФ.

Список источников:

1. Аганбегян А. Г. Как восстановить сохранность народа России // Народонаселение. 2021. Том 24. №2. С. 4–18. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2>.
2. Аганбегян А. Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России // Народонаселение. 2017. Том 20. № 3. С. 4–23.
3. Буланова М. А. Демографическая политика в Российской Федерации: целевые установки и их достижение // Власть и управление на Востоке России. 2017. №4 (81). С.82–96. DOI 10.22394/1818-4049-2017-81-4-82-96.
4. Грицко М. А., Поливаева О. Г. Демографический потенциал Дальнего Востока: ожидания и реальность // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 48–59. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-48-59.
5. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э. н. С.В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2019. 79 с. Режим доступа: <http://испи.рф/wpcontent/uploads/2019/06/Нацдоклад23мая2019итог.pdf>.
6. Демографический ежегодник России. 2021: Стат.сб./ Д 31 Росстат. М., 2021. С. 182.
7. Дмитриева Ю. В. Самосохранительное поведение как условие сокращения смертности и увеличения продолжительности жизни // Народонаселение. 2019. Том 22. № 3. С. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00029>
8. Рязанцев С. В., Иванова А. Е., Архангельский В.Н. Демографическая ситуация в Тюменской области и вклад пандемии Covid-19 в ее трансформацию // Человеческий капитал. 2021. № 9 (153). С. 81–92. DOI: 10.25629/НС.2021.09.08.

References:

1. Aganbegyan A. G. How to restore the safety of the people of Russia *Narodonaseleniye* [Population], 2021, vol. 24, no. 2, pp. 4–18. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2>. (In Russian).
2. Aganbegyan A. G. Demographic drama on the way of perspective development of Russia *Narodonaseleniye* [Population], 2017, vol. 20, no. 3, pp. 4–23. (In Russian).
3. Bulanova M. A. Demographic policy in the Russian Federation: target settings and their achievement *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2017, no. 4 (81), pp.82–96. DOI 10.22394/1818-4049-2017-81-4-82-96. (In Russian).
4. Gritsko M. A., Polivaeva O. G. Demographic potential of the Far East: expectations and reality *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2020, no. 4 (93), pp. 48–59. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-48-59. (In Russian).
5. Demographic Situation in Russia: New Challenges and Ways of Optimization: National Demographic Report / Ed. corresponding member RAS, Doctor of Science n. S.V. Ryazantsev. M.: Ekon-Inform, 2019. 79 p. Access mode: <http://испи.рф/wpcontent/uploads/2019/06/National report May 23, 2019 summary.pdf>. (In Russian).
6. Demographic Yearbook of Russia. 2021: Stat.sb. / D 31 Rosstat. M., 2021. S. 182. (In Russian).
7. Dmitrieva Yu. V. Self-preserving behavior as a condition for reducing mortality and increasing life expectancy *Narodonaseleniye* [Population], 2019, vol. 22, no. 3, pp. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00029> (In Russian).
8. Ryazantsev S.V., Ivanova A.E., Arkhangelsky V.N. The demographic situation in the Tyumen region and the contribution of the Covid-19 pandemic to its transformation *Chelovecheskiy kapital* [Human capital], 2021, no. 9 (153), pp. 81–92. DOI: 10.25629/

НС.2021.09.08. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 04.02.22.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 04.02.22.

Информация об авторе

М. А. Буланова – канд. социол. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

M. A. Bulanova – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of state and municipal administration and service law, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 377.121.7

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-76-90

Сетевое взаимодействие организаций среднего профессионального образования региона: возможности и перспективы

Николай Михайлович Байков¹, Михаил Владимирович Воронкин^{1,2}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² Хабаровский колледж водного транспорта и промышленности, Хабаровск, Россия

¹ baykov-nm@ranepa.ru

² rabina525@mail.ru

Аннотация. Сетевое взаимодействие образовательных организаций, закрепленное законодательством Российской Федерации, является высокоэффективной социально-управленческой технологией повышения эффективности подготовки специалистов средних профессиональных образовательных организаций, востребованных на региональном рынке труда Хабаровского края. Однако в силу объективных условий и субъективных факторов его организация в регионе не дает пока синергетического эффекта, позволяющего реализовать новые возможности развития от интеграции образовательных организаций и субъектов сетевого взаимодействия. Результаты социологического опроса руководителей техникумов (колледжей) и педагогических работников Хабаровского края, представленные авторами в статье, свидетельствуют о проблемах сетевого взаимодействия при реализации образовательных программ. Они обусловлены как состоянием устаревшей материально-технической базы образовательных организаций, несовершенством регионального нормативного правового регулирования реализации образовательных программ в сетевой форме, недостаточным кадровым обеспечением, так и ограниченностью социально-управленческих коммуникаций, противоречивым отношением субъектов взаимодействия к возможностям его реализации в современных условиях. По итогам анализа организации сетевого взаимодействия организаций среднего профессионального образования предложены рекомендации по его ресурсному сопровождению.

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, система среднего профессионального образования, руководители техникумов (колледжей), педагогические работники, образовательное пространство, результаты социологических исследований, Хабаровский край

Для цитирования: Байков Н. М., Воронкин М. В. Сетевое взаимодействие организаций среднего профессионального образования региона: возможности и перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 76–90. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-76-90>

Networking of secondary vocational education organizations in the region: opportunities and prospects

Nikolay M. Baykov¹, Mikhail V. Voronkin^{1,2}

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia

²The Khabarovsk College of water transport and industry, Khabarovsk, Russia

¹ baykov-nm@ranepa.ru

² rabina525@mail.ru

Abstract. *The network of educational organizations, enshrined in the legislation of the Russian Federation, is a highly effective socio-managerial technology for increasing the effectiveness of training specialists of secondary professional educational organizations in demand in the regional labor market of the Khabarovsk territory. However, due to the objective conditions and subjective factors, its organization in the region does not yet give a synergistic effect, allowing to realize new development opportunities from the integration of educational organizations and subjects of the network interaction. The results of sociological survey of the heads of technical schools (colleges) and pedagogical workers of the Khabarovsk territory, presented by the authors in the article, indicate the problems of network interaction in the implementation of educational programs. They are due to both, the state of the outdated material and technical base of educational organizations, the imperfection of regional normative legal regulation of implementation of educational programs in a network form, insufficient personnel support, and the limited socio-managerial communications, the contradictory attitude of the subjects of interaction to the possibilities of its implementation in modern conditions. Based on the analysis of organization of the network interaction of organizations of secondary vocational education, recommendations on its resource support are proposed.*

Keywords: *network interaction, system of secondary vocational education, heads of technical schools (colleges), pedagogical workers, educational space, results of sociological research, the Khabarovsk territory*

For citation: Baykov N. M., Voronkin M. V. Networking of secondary vocational education organizations in the region: opportunities and prospects // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 1 (98). Pp. 76–90. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-76-90>

Введение

Хабаровский край позиционируется как один из центров промышленного и транспортного развития Дальнего Востока России, что актуализирует потребность в повышении эффективности подготовки специалистов среднего звена и рабочих профессий. Это обусловлено тем, что «структура и динамика объемов подготовки кадров в сфере профессионального образования не вполне со-

ответствуют стратегическим задачам социально-экономического развития края и перспективам развития регионального рынка труда. Недостаточно высока инновационная активность педагогического и управленческого корпуса, научных кадров образовательных организаций края. Количество инновационных педагогических продуктов, обеспечивающих конкурентоспособность краевой системы образования, чрезвычайно мало»¹.

¹ Государственная программа Хабаровского края «Развитие образования в Хабаровском крае» Утверждена Постановлением Правительства Хабаровского края от 5 июня 2012 г. № 177-пр. – URL: https://docs.google.com/document/d/18CgtDDUz2Qthdj2qY3SzXNANerGRfid_mvqIOOFw2A/edit.

Для решения этих проблем одним из современных инновационных решений в региональной системе образовательных организаций среднего профессионального образования является развитие сетевого взаимодействия образующих ее техникумов (колледжей). Основу их взаимодействия по реализации образовательных программ в сетевой форме определяет Закон «Об образовании Российской Федерации» (ст. 15). В соответствии с определенными им нормами под сетевой формой реализации образовательных программ понимается организация обучения с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций².

В развитие федерального законодательства разработаны нормативные правовые документы, определяющие порядок организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ, методические рекомендации и другие локальные правовые акты для системы среднего профессионального образования на региональном уровне³. Кроме того, в последнее время процесс реализации образовательных программ в сетевой форме отрегулирован принятием новых нормативных правовых актов федерального уровня, которые упрощают систему их лицензирования⁴.

Однако социальная практика организации сетевого взаимодействия в системе среднего профессионального образования (далее – СПО) Хабаровского края пока находится на стадии своего институирования, характеризуется рядом противоречий, обусловленных как объектив-

ными, так и субъективными факторами.

В этой связи можно согласиться с тем, что «научная задача исследования заключается в разрешении противоречия между необходимостью повышения качества подготовки студентов профессиональных образовательных организаций на основе сетевого взаимодействия последних с предприятиями и недостаточной теоретической, методологической, методической и нормативно-правовой разработанностью данной проблемы» [Лизунов, 2018].

Методология исследования

Категория «взаимодействие» является одной из центральных в социологическом измерении общественных явлений и процессов. Методология познания группового взаимодействия восходит к концу XIX в. – началу XX в., к теоретическому подходу формальной социологии Г. Зиммеля. Он актуализирован на оценках универсальных повторяющихся социальных «формах», в которые заключено изменяющееся «содержание» последовательного взаимодействия (интеракции). Его обращение к оценкам этих «форм», именуемых им «социациями», должно быть как к «геометрии социальной жизни». «То, что мы называем формой, – писал Г. Зиммель, – с точки зрения исполняемых ею функций есть унификация материала: она преодолевает изолированность частей, его составляющих. Целостность как единство этих частей... противостоит всякому другому материалу, не обладающему формой или оформленному иначе» [Мумладзе, 2015].

Применительно к теме «сетевое взаимодействие образовательных организаций» противопоставление формы и содержания следовало бы понимать как противопоставление «материи» соци-

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/499cc91fbc852d6839d4de3b173bb4953a33419c/

³ Приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 05.08.2020 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ» (вместе с «Порядком организации и осуществления образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ»). URL: <http://www.consultant.ru>

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 30.11.2021 № 2124 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 г. № 1490 и постановление Правительства Российской Федерации от 28 июля 2021 г. № 1270». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111300132>

ального взаимодействия – целей, стремлений, потребностей его субъектов – и наиболее часто повторяющихся, характерных для всех действий, событий и явлений структур взаимодействия.

В последующие годы XX века методология социального взаимодействия получила развитие в трудах Т. Парсонса, Р. Мертона, Дж. Хоманса [Парсонс, 1993. С. 94–122; Мертон, 2006; Хоманс, 1984. С. 82–91] и других зарубежных социологов. Социокультурное опосредование взаимодействия привело к образованию различных моделей, которые концентрируются в теоретических направлениях символического интеракционизма и теорий обмена. В рамках данной статьи не ставится задача их обзора, лишь отметим, что они акцентируют внимание на коммуникативных и институциональных последствиях взаимодействия и могут в той или иной степени служить методологическим инструментом познания возможностей реализации образовательных программ в сетевой форме взаимодействия.

На наш взгляд, целесообразнее обратиться к социологическим подходам П. Сорокина, который рассматривает «взаимодействие как простейшее социальное явление», выражающее характер и содержание отношений между людьми и социальными группами – постоянными носителями качественно различных видов деятельности. Явление взаимодействия он рассматривает как коллективное единство или реальную совокупность, которые могут рассматриваться как функция существования и состояния другого или других индивидов [Сорокин, 1993].

С этих позиций феномен «сетевое взаимодействие» активно изучается отечественными исследователями и практиками системы российского образования с начала его модернизации и законодательного закрепления регулирования сетевой формы реализации образовательных программ. Спектр обсуждаемых направлений отражает интересы авторов от актуализации сетевого взаимодействия до разработки его моделей на разных уровнях системы образования. Их краткий обзор позволяет определить многогранность данного явления и значимость для реали-

зации его возможностей и перспектив в системе среднего профессионального образования Хабаровского края.

Доминантой научно-практического дискурса о сетевом взаимодействии в системе среднего профессионального образования служит актуализация на «открытие окна новых возможностей» при объединении ресурсов образовательных организаций. При этом акцентируется, что «сетевое взаимодействие также порождает новые формы работы и форматы взаимодействия (сетевые проекты и программы, условия обмена образовательными результатами, сетевые объединения)» [Слепцова, 2021. С. 346–365].

Другие авторы (А. А. Симонова, М. Ю. Дворникова и др.) стремятся разобраться в различных подходах к определению понятия «взаимодействие» в философии, психологии, социологии, педагогике, анализируют понятия «сетевая организация», «сетевое и несетевое взаимодействие» [Симонова, Дворникова, 2018].

Один из инициаторов инновационного образования в стране А. И. Адамский определяет «сетевое взаимодействие как систему связей, позволяющих разработать, апробировать и предложить профессиональному сообществу и обществу в целом инновационные модели содержания образования, экономики образования, управления системой образования и образовательной политики. При этом такая система связей в настоящее время представляется исключительно модельной, так как образовательные институты, входящие в нее, одновременно являются частью ведомственной вертикали» [Адамский, 2002].

С точки зрения практической реализации сетевого взаимодействия в системе среднего профессионального образования, заслуживают интереса публикации практиков образовательной деятельности. Так, например, Ю. Ю. Калайтановой продемонстрированы возможности реализации сетевой модели в Ставропольском крае, где на базе Ставропольского регионального многопрофильного колледжа создан и действует профильный Ресурсный центр профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации по

направлениям «Машиностроение», «Металлообработка», «Автомобильный транспорт» и «Электроэнергетика». Он является элементом сетевого взаимодействия непрерывного профессионального образования в регионе, в котором концентрируются ресурсы, необходимые для подготовки высококвалифицированных специалистов и рабочих, обладающих профессиональными компетенциями, востребованными рынком труда [Калайтанова, 2021].

Социальное взаимодействие как вид устойчивой и стабильной связи между субъектами представляет интегрированность действий, функциональную координацию их следствий, т. е. систему действий. Алгоритм его социологического измерения включает: количественный анализ субъектов взаимодействия, предметную область и механизмы, т. е. своего рода «правила игры». В процессе взаимодействия происходит взаимное согласование совместных действий участвующих в нем субъектов на основе разделения и кооперации, согласованности и распределения функций. В любом взаимодействии это способствует повышению эффективности взаимодействия.

Основными признаками взаимодействия выделяют: «а) предметность – наличие внешней по отношению к взаимодействующим индивидам или группам цели, осуществление которой по различным причинам предполагает необходимость объединения усилий; б) ситуативность – достаточно жесткая регламентация конкретными условиями той ситуации, в которой протекает процесс взаимодействия; в) эксплицирование – доступность для стороннего наблюдателя внешней выраженности процесса взаимодействия; г) рефлексивная многозначность – возможность для взаимодействия быть проявлением как особенных субъективных намерений, так и неосознаваемым или осознаваемым следствием совместного участия людей в межиндивидуальных или групповых видах деятельности» [Социология..., 2009].

Процесс взаимодействия имеет объективную сторону социальных связей, которые не зависят от отдельных личностей или групп, но опосредуют и регулируют его содержание и характер. Применительно к

системе взаимодействия образовательных организаций среднего профессионального образования – это, например, содержание совместного труда обучающихся и работников на предприятии.

Систему профессионального образования Хабаровского края образует сеть из 45 организаций с контингентом около 77,4 тыс. обучающихся. Она включает 29 профессиональных образовательных организаций, в т. ч. по программам подготовки специалистов среднего звена – 24,7 тыс. чел. и квалифицированных рабочих и служащих – 7,1 тыс. чел. В 16 профессиональных образовательных организациях по программам высшего образования обучается 40,7 тыс. человек, среднего профобразования – 4,8 тыс. человек. В профессиональных образовательных организациях работает 9,1 тыс. человек, а в научно-образовательном секторе занято 2,2 тыс. работников, в т. ч. 265 докторов и 1242 кандидата наук. В системе СПО работают 1,8 тыс. педагогов, из них в возрасте до 35 лет – 22% [Развитие..., 2022].

Субъективную составляющую процесса сетевого взаимодействия представляет осознанное отношение субъектов друг к другу, основанное на взаимных потребностях и ожиданиях от их действий. В этом процессе осуществляется анализ запросов партнеров; обмен опытом совместной реализации образовательных проектов и социальных инициатив; доступности услуг; расширение круга коммуникаций обучающихся с потенциальными работодателями, позволяющих им получить социальный опыт. В свою очередь, это способствует формированию мировоззрения обучающейся молодежи и позволяет совершенствовать управление техникумом (колледжем).

В этой связи важной исследовательской задачей является социологическая диагностика социальных взаимодействий как части сознания и деятельности субъектов управления образовательными организациями СПО и основы для их моделирования в социальной практике.

Основные результаты исследования

Оценки состояния и перспектив развития сетевого взаимодействия образова-

тельных учреждений СПО Хабаровского края были получены авторами по итогам социологического опроса руководителей организаций и их заместителей⁵. Результаты отразили как экспертное мнение, так и представления опрошенных о подготовке кадров среднего звена и рабочих профессий с использованием возможностей сетевых форм реализации образовательных программ для обучающихся в техникумах (колледжах). По данным опрошенных руководителей, более половины образовательных учреждений, в которых они работают, имеют количественный состав обучающихся от 500 до 1000 человек (58,3%); менее 500 человек (22,9%) и более 1000 человек (18,8%).

Обобщенный социально-демографический портрет руководителей техникумов (колледжей) как системообразующих субъектов взаимодействия представлен следующими характеристиками:

- должностное распределение руководителей и их заместителей представлено в равной мере (90%), остальные опрошенные – линейные руководители (декан, начальник центра, заведующий практикой и др.) (10%);

- руководящие должности в большей мере замещают женщины (73%), чем мужчины (28%);

- в возрастном распределении каждый второй – от 50 лет и старше, четверо из десяти – 41–50 лет, один из десяти – от 31 до 40 лет, молодежь до 30 лет отсутствует;

- высшее образование имеют подавляющее большинство руководителей (83%), а восьмая часть – ученую степень (12%);

- стаж работы от 10 лет и больше в системе среднего профессионального образования на нынешней административной должности имеют более половины опрошенных (57%), третья часть – до 5 лет (33%) и один из десяти опрошенных – от 6 до 10 лет (10%).

Доминирующими зонами беспокойства каждого третьего их четырех ру-

ководителей является «большая рабочая нагрузка» (70,5%), половины – «отсутствие свободного времени для отдыха и личностного развития» (54,5%). При этом «низкая зарплата» беспокоит примерно лишь пятую часть опрошенных (18,2%). Среди других вариантов личной тревожности опрошенных, написанных руководителями самостоятельно (18,4%), немало критических оценок: «работа на министерство, а не на свое учреждение»; «отсутствие должного финансирования»; «множество внеучебных поручений и отчетов, большая нагрузка на педагогический коллектив»; «количество мероприятий зачастую поглощает их качество»; «неимоверно большое количество различных запросов, на которые необходимо отвечать в очень короткие сроки»; «выполнение функций, не связанных с повышением качества образования, сбор информации, которой запрашивающие органы не умеют пользоваться».

У подавляющего большинства опрошенных не вызывает личного беспокойства отношение педагогов и мастеров к администрации техникума (колледжа), отсутствие возможностей карьерного роста и возможностей для повышения квалификации. Эти позиции отметили лишь 2–4% опрошенных.

Оценки общего состояния региональной системы среднего профобразования

Анализ оценок руководителями образовательных организаций состояния системы среднего профобразования края и направлений подготовки обучающихся свидетельствует о достаточно критическом настрое значительной части опрошенных. Эти данные коррелируют с результатами опроса педагогических работников техникумов (колледжей) Хабаровского края (2018 г.) и демонстрируют тенденцию сохранения таких представлений о развитии современной системы среднего профессионального образования

⁵ Экспертный опрос руководителей (заместителей) средних профессиональных образовательных организаций (СПО) Хабаровского края по оценке состояния и перспектив развития сетевого взаимодействия в реализации образовательных программ. Опрошено 48 чел., представляющих все образовательные организации СПО, декабрь 2021 года. Организатор полевых исследований – аспирант Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС М. В. Воронкин, научный руководитель – д-р социол. наук, профессор Н. М. Байков (далее по тексту – «Опрос руководителей СПО Хабаровского края – 2021»).

в общественном мнении. Так, только половина опрошенных в разные годы оценивают ситуацию как более или менее нормальную, а третья часть – отмечают наличие серьезных проблем (табл. 1)⁶.

По оценкам руководителей образовательных организаций, ТОП-5 «ключевых» направлений подготовки (специальностей), по которым у них обучается не менее 30% студентов, образуют:

- 1) «Информатика, вычислительная техника и электроника» (36,4%);
- 2) «Экономика, юриспруденция, управление» (27,3%);
- 3) «Сервис, туризм, реклама, СМИ и информационно-библиотечное дело» (22,7%);
- 4) «Образование и педагогические науки» (18,2%);
- 5) «Архитектура и строительство» (13,6%).

Четвертая часть опрошенных самостоятельно дополнила ответы другими направлениями подготовки («Технические специальности»; «Поварское и кондитерское дело»; «Лесное и лесопарковое хозяйство»; «Машиностроение, производство»; «Сфера услуг»; «Горное дело»; «Прикладная геология»; «Горнодобывающая

промышленность»; «Техника и технологии наземного транспорта») (23,3%).

По одной десятой опрошенных руководителей отметили такие направления обучения, как «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» и «Естественные науки» (9,1%) и менее десятой части – «Здравоохранение и медицинские науки» (2,3%).

Представления опрошенных руководителей, равно как и педагогических работников, о связи образования в техникуме (колледже) с будущей профессией отражают доминирующую тенденцию о намерениях обучающихся в будущем совмещать работу и специальность. Только третья часть опрошенных считают, что обучающиеся полностью ориентируются на полученную специальность (табл. 2).

Ведущей тенденцией в системе среднего профессионального образования Хабаровского края, по мнению каждого третьего опрошенного руководителя, является процесс «укрупнения техникумов/колледжей путем объединения», который отражает организационно-управленческую оптимизацию сети образовательных организаций последних лет (29,2%). Как правило, эти процессы

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы в целом оценили развитие современной системы профессионального образования в Хабаровском крае?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Руководители 2021 г.	Педагогические работники 2018 г.
Дела идут хорошо	13,3	9,2
Ситуация более или менее нормальная	48,9	50,6
Есть серьезные проблемы	31,3	33,9
Ситуация кризисная	4,2	3,2
Затрудняюсь ответить	2,3	3,1

Источник: составлено авторами по данным социологических опросов «Опрос руководителей СПО Хабаровского края – 2021» и «Экспертный опрос педагогических работников СПО Хабаровского края – 2018».

⁶ Экспертный опрос педагогических работников (педагоги и мастера производственного обучения) техникумов (колледжей) Хабаровского края (n=319). Опрос проводился с помощью анкеты, состоящей из 31 вопроса, объединенных смысловыми блоками, позволяющими оценить состояние системы профессионального образования в крае и сетевого взаимодействия ее субъектов. В опросе приняли участие педагогические работники 19 из 26 организаций среднего профессионального образования Хабаровского края. Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2018 г. (далее по тексту – «Экспертный опрос педагогических работников СПО Хабаровского края – 2018»).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в какой степени большинство Ваших учащихся связывают получение образования в Вашем техникуме (колледже) с будущей своей профессией?»
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Руководители 2021 г.	Педагогические работники 2018 г.
Полностью ориентируются на свою специальность	35,4	28,7
Рассчитывают на возможность совмещать работу и специальность	56,3	42,4
Будут работать по специальности только в случае крайней необходимости	8,3	9,2
Затрудняюсь ответить	-	19,7

Источник: составлено авторами по данным социологических опросов «Опрос руководителей СПО Хабаровского края – 2021» и «Экспертный опрос педагогических работников СПО Хабаровского края – 2018».

обусловлены комплексом причин модернизации системы подготовки кадров среднего профессионального образования края.

Укрепление материально-технической базы техникумов и колледжей Хабаровского края – один из приоритетов государственной образовательной политики. Например, в 2020 г. в рамках регионального проекта «Молодые профессионалы» национального проекта «Образование» три техникума и колледжа края (Комсомольский-на-Амуре колледж технологий и сервиса, Хабаровский педагогический колледж имени Героя Советского Союза Д. А. Калараша, Хабаровский промышленно-экономический техникум) получили гранты на создание 14 современных мастерских. Согласно плану социального развития центров экономического роста субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, в 2020 г. в двух профессиональных образовательных учреждениях Ванино-Советско-Гаванского промышленного транспортного узла созданы 10 современных мастерских и лабораторий по 6 направлениям подготовки (на общую сумму 50 млн руб., в том числе за счет средств федерального бюджета 49,5 млн руб.) [Развитие..., 2022].

Очевидно, что этих мер недостаточно, чтобы удовлетворять потребности

региона в реализации образовательных программ для обучающихся на современной материально-технической основе. В оценках состояния материально-технической базы образовательных организаций преобладает в той или иной степени неудовлетворенность (52,1%), чем удовлетворенность опрошенных руководителей (47,9%). При этом две трети респондентов в целом выразили удовлетворенность соответствием учебного процесса современным требованиям профподготовки (68,7%) и четверть – неудовлетворенность (27,1%) (табл. 3).

В то же время большинство руководителей техникумов (колледжей) видят преимущества сетевого взаимодействия для реализации образовательных программ в объединении материально-технической базы по профилям подготовки обучающихся (84,2%) (табл. 4). Представления в отношении других вариантов в равной мере распределились между преимуществами повышения показателей эффективности работы образовательной организации (44,7%); обмена преподавателями, мастерами производственного обучения (42,1%), инновационными разработками по профильным направлениям подготовки обучающихся (39,5%) и возможностью иметь дополнительный источник внебюджетных средств для развития образовательной организации (39,5%).

Таблица 3

Оценки состояния материально-технической базы и соответствия учебного процесса в техникуме (колледже) Хабаровского края современным требованиям профессиональной подготовки (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Степень удовлетворенности состоянием материально-технической базы техникума (колледжа)	Степень соответствия учебного процесса в техникуме (колледже) современным требованиям профессиональной подготовки
Полностью удовлетворен	8,3	22,9
Скорее удовлетворен, чем нет	39,6	45,8
Скорее не удовлетворен, чем да	45,8	22,9
Полностью не удовлетворен	6,3	4,2

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса «Опрос руководителей СПО Хабаровского края – 2021».

Таблица 4

Ранжирование ответов на вопрос: «По Вашему мнению, какие преимущества дает сетевое взаимодействие в реализации образовательных программ СПО?» (в % от числа тех, чья организация реализует сетевую форму для освоения образовательных программ среднего профессионального образования)

Варианты ответов	%
1. Объединение материально-технической базы по профилям подготовки обучающихся	84,2
2. Повышение показателей эффективности работы образовательной организации	44,7
3. Обмен преподавателями и мастерами производственного обучения	42,1
4. Обмен инновациями и разработками по профильным направлениям подготовки обучающихся	39,5
5. Дополнительные источники внебюджетных средств для развития образовательной организации	39,5
6. Затрудняюсь ответить	5,3
7. Другое	-

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса «Опрос руководителей СПО Хабаровского края – 2021».

Оценки состояния сетевого взаимодействия

В целом немногим более трети респондентов указали на развитие сетевого взаимодействия между образовательными организациями (37,5%). При этом каждый шестой опрошенный респондент затруднился оценить состояние сетевой формы взаимодействия при реализации образовательных программ (16,7%). Лишь один из десяти руководителей отметил такой его значимый элемент, как развитие частно-государственного партнерства в реализации образовательных программ (10,4%).

По мнению каждого второго опрошен-

ного руководителя техникума (колледжа), реализуемые образовательные программы ориентированы на рынок труда Хабаровского края (47,9%) и около трети – на Дальневосточный федеральный округ (29,2%). Лишь седьмая часть опрошенных отмечает ориентированность образовательной подготовки на потребности города или района, в котором находится техникум (колледж) (14,6%) и менее десятой – на общероссийский рынок труда (8,3%).

В оценках степени интеграции лабораторных комплексов техникумов (колледжей) в производственные процессы ведущих предприятий региона, города,

района мнения их руководителей разделились поровну. Так, одна половина отмечают их полную интегрированность в производство (47,9%), другая – незначительную (45,8%). Менее десятой части руководителей отрицают наличие такой интеграции (6,3%).

В абсолютном большинстве образовательных организаций, где, по мнению опрошенных, лабораторный комплекс интегрирован в производственные процессы предприятий, взаимодействие и сотрудничество осуществляют на основе договоров (соглашений) (95,6%). Они служат нормативной правовой основой легитимности такой интеграции и императивом в осуществлении сетевого взаимодействия. Однако другие сетевые формы отмечаются руководителями в меньшем количестве ответов: выполнение производственных работ и заказы предприятий-партнеров (28,9%); создание учебно-производственных комплексов (24,4%) и научное обеспечение (создание совместных лабораторий, проведение НИОКР и создание научно-исследовательских секторов) (22,2%).

Большинство опрошенных руководителей техникумов (колледжей) (79,2%) утвердительно ответили, что ими реализуется освоение образовательных программ в форме сетевого взаимодей-

ствия с различными организациями: образовательными, научными, медицинскими, культурными, физкультурно-спортивными и др. Лишь шестая часть опрошенных руководителей ответила «нет, но планируется заключить договоры с некоторыми организациями» (16,7%) и отдельные – «не реализуют и не планируют» (4,2%).

Ранжирование ответов руководителей техникумов (колледжей) о субъектах сетевой формы реализации образовательных программ показало, что предпочтение отдается взаимодействию с организациями-работодателями (71,6%) и организациями системы среднего профессионального образования края (60,5%). В меньшей мере – с организациями общего (36,8%), высшего (31,6%), дополнительного образования (28,9%) и научного, медицинского, спортивного профиля (15,8%) (табл. 5). Можно предположить, что такой выбор руководителями техникумов (колледжей) субъектов сетевого взаимодействия с акцентом преимущественно на организации – работодателей и системы СПО, ограничивают возможности этой формы в повышении качества образовательной деятельности (табл. 5).

Представления опрошенных руководителей о том, как выстроена систе-

Таблица 5

Ранжирование ответов на вопрос: «С какими именно организациями Ваша образовательная организация реализует сетевую форму для освоения образовательных программ среднего профессионального образования?»

(в % от числа тех, чья организация реализует сетевую форму для освоения образовательных программ среднего профессионального образования. Сумма ответов превышает 100%, т. к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	%
С организациями-работодателями	71,6
С образовательными организациями среднего профессионального образования	60,5
С образовательными организациями общего образования	36,8
С образовательными организациями высшего образования	31,6
С образовательными организациями дополнительного образования	28,9
С организациями научного, медицинского, физкультурно-спортивного и т.п. профиля	15,8
С другими	-

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса «Опрос руководителей СПО Хабаровского края – 2021».

ма взаимодействия с потенциальными работодателями (профессионального сопровождения) для обучающихся позволяют выделить ее основные элементы. Ряд субъективных оценок руководителей и педагогических работников совпадают, а часть оценок отличается в позитивную сторону (табл. 6). Так, от половины до трех четвертых опрошенных в равной мере отмечают информационно-

ознакомительные формы взаимодействия: информационные встречи, экскурсии, олимпиады, конкурсы, работающий сайт. Не умаляя их значимости в механизме сетевого взаимодействия, отметим, что они носят в основном не системный, а скорее мероприятный, разовый характер.

Практико-ориентированным формам сетевого взаимодействия руководители

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как построена система взаимодействия с потенциальными работодателями (профессионального сопровождения) для обучающихся в Вашем техникуме (колледже)?» (в % от числа тех, чья организация реализует сетевую форму для освоения образовательных программ среднего профессионального образования. Сумма ответов превышает 100%, т. к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	Руководители 2021 г.	Педагогические работники 2018 г.
Проводятся информационные встречи с работодателями	78,9	74,6
Выстроена система практической подготовки на предприятиях, организациях потенциальных работодателей	76,3	49,5
Проводится демонстрационный экзамен по стандартам «WorldSkills»	73,7	*
Проводятся экскурсии для обучающихся на предприятия, организации	71,1	77,8
Представители работодателей ведут учебные (практические) занятия	60,5	22,7
Проводятся мероприятия с участием работодателей, обучающихся и их родителей	52,6	35,7
Устраиваются профессионально ориентированные олимпиады, научные или творческие конкурсы для обучающихся	50,0	46,3
Существует система профессионального наставничества, шефства от работодателей	39,5	33,4
Ведутся открытые страницы в социальных сетях, есть «работающий» сайт	39,5	39,2
Осуществляется обмен преподавателями и мастерами производственного обучения по профилям подготовки между образовательными организациями	28,9	*
Есть программа подготовки в сетевой форме (проведение занятий для студентов на производстве)	28,9	16,7
Существует система профессионального сопровождения выпускников	26,3	30,5
Выстроена система взаимодействия выпускников и обучающихся	18,4	22,7

*Вопросы в опросе не задавались

Источник: составлено авторами по данным социологического опроса «Опрос руководителей СПО Хабаровского края – 2021».

дают более высокие оценки, чем их отмечали ранее опрошенные педагогические работники: практическая подготовка на предприятиях потенциальных работодателей; демонстрационный экзамен по стандартам «WorldSkills»; представители работодателей ведут учебные (практические) занятия; мероприятия с участием работодателей, обучающихся и их родителей. Можно предположить, что они отражают возросшее в последние годы внимание, а также увеличение бюджетной поддержки системы среднего профессионального образования со стороны органов государственной власти Хабаровского края к повышению ее эффективности в подготовке востребованных кадров специалистов и рабочих профессий.

В то же время, по мнению опрошенных руководителей и педагогических работников, производственно-прикладные формы сетевого взаимодействия еще редко используются в практике образовательной деятельности (наличие программы подготовки в сетевой форме, проведение занятий для студентов на производстве); осуществление обмена преподавателями и мастерами производственного обучения по профилям подготовки между образовательными организациями; система профессионального сопровождения выпускников и др.). Очевидно, что в оптимизации производственно-прикладного взаимодействия важная роль принадлежит как руководителям образовательных организаций, так и потенциальным работодателям, которые вместе с органами власти должны формировать заказ на подготовку специалистов среднего звена и рабочих профессий.

Среди тех опрошенных руководителей, кто осуществляет сетевое управленческое взаимодействие, большинство реализуют его преимущественно на основе договоров с предприятиями и организациями (78,4%) и реже – посредством личных контактов с руководителями образовательных организаций, предприятий и организаций (16,2%). При этом опрошенные крайне низко оценивают посредническую роль в сетевом механизме такой общественной структуры, как Совет директоров образовательных учреждений средних профессиональных образований Хабаровского края (5,4%).

Оценивая сетевое взаимодействие организаций среднего профессионального образования и предприятий края, можно констатировать включенность в него многих образовательных организаций и предприятий края. Однако во многом она носит стандартный характер и выстраивается вокруг нескольких базовых направлений взаимодействия: производственная практика обучающихся, участие в проведении государственной итоговой аттестации выпускников и организация типовых профориентационных мероприятий (экскурсии, ярмарки и т. д.). Так, например, в образовательном пространстве региона имеется немало примеров успешного взаимодействия техникумов (колледжей) с производственными предприятиями городов Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска. В то же время результаты исследования свидетельствуют о наличии некоторых «проблемных направлений». Так, многие производственные предприятия, особенно малого и среднего бизнеса, еще слабо включены в образовательный процесс техникумов (колледжей), недостаточно активно участвуют в модернизации их лабораторной базы, не инициируют практическую подготовку обучающихся и т. д.

Представления руководителей образовательных организаций о том, что сетевая форма взаимодействия будет способствовать качественной подготовке кадров для экономики и социальной сферы Хабаровского края разделяет только половина опрошенных (51,4%); третья часть считает возможным, но при создании организационных, финансовых и других условий (37,8%); один из десяти – в определенных формах, но по профессиональным направлениям подготовки (10,8%).

Среди тех руководителей, кто уже реализует сетевое взаимодействие на практике, подавляющее большинство считают приоритетом его развития – объединение всех видов материальных, трудовых, интеллектуальных, финансовых ресурсов (92,2%); по одной половине – возможности развития академической мобильности обучающихся и преподавательского состава (57,9%) и укрепление системы наставничества (55,3%); каждый пятый – развитие науки (18,4%) и менее десятой

части – развитие международных связей (7,9%).

Заслуживают внимания самостоятельные ответы респондентов на открытый вопрос о том, что необходимо сделать для того, чтобы развивать эффективное сетевое взаимодействие в системе СПО Хабаровского края. На этот вопрос ответы дал каждый четвертый руководитель от числа тех, чья организация реализует сетевую форму для освоения образовательных программ среднего профессионального образования. Их анализ позволяет систематизировать и выделить ряд предложений:

- совершенствование законодательства и иной нормативной правовой основы: «Внести изменения в федеральное законодательство в отношении распределения федеральных денежных средств между образовательными организациями»; «Не разработан и не закреплен документами (хотя бы на уровне края) финансовый механизм сетевого взаимодействия между образовательными организациями. Какими документами руководствоваться, из каких источников организация, которая направляет студентов или сотрудников на обучение в рамках сетевого взаимодействия должна оплатить материальные и коммунальные затраты, а также заработную плату работникам организации, ведущей обучение»; «Нормативную базу привести в соответствие с приоритетами развития сетевого межобразовательного взаимодействия»;

- оптимизация информационно-коммуникативных связей: «Важным моментом в развитии эффективной системы сетевого взаимодействия является информационная поддержка действующих и потенциальных участников сетевого взаимодействия»; «Вынести на обсуждение общественности, дать широкое освещение в СМИ»; «Более плотно наладить связь образовательных организаций и промышленных партнеров»;

- повышение эффективности управленческих взаимодействий: «Взаимодействие ради результата, а не для отчёта о заключённых договорах»; «Встречаться очно»; «Нет конкретной модели сетевого взаимодействия»; «Нет системы взаимодействия между вузами и СПО»; «Нужна заинтересованность всех сторон образо-

вательного процесса»; «Разработать комплекс поощрений для стимулирования создания сетевых профессиональных сообществ»; «Сформировать некий банк данных возможностей и потребностей того или иного учреждения по оказанию услуг другим общеобразовательным организациям, условий оказания подобных услуг».

Заключение

Статистический и социологический анализ состояния образовательных организаций среднего профессионального образования Хабаровского края позволяет отмечать их стабильность в реализации образовательных программ и востребованность выпускников на региональном рынке труда. Основные образовательные программы организаций СПО ориентированы на экономику и социальную сферу не только Хабаровского края, но и Дальнего Востока России, а большинство обучающихся ориентированы на совмещение работы и полученной специальности.

Государственная образовательная политика Хабаровского края актуализирована на оптимизацию существующей системы образовательных организаций СПО региона путем их укрупнения и объединения, развитие взаимодействия между всеми субъектами подготовки специалистов среднего звена и рабочих профессий, их востребованность на региональном рынке труда.

Перспективы развития сетевого взаимодействия в реализации образовательных программ руководители СПО связывают с условиями, позволяющими объединять все виды ресурсов (материальных, трудовых, финансовых, интеллектуальных), организовывать обмен преподавателями. Это позволит повысить эффективность работы образовательных организаций и реализовать возможности иметь дополнительный источник внебюджетных средств для развития.

Серьезным фактором, ограничивающим возможности развития сетевого взаимодействия при реализации образовательных программ, является состояние материально-технической базы образовательных организаций, неудовлетворенность которой выражает половина опрошенных руководителей техникумов (колледжей). Необходимым условием

развития сетевых форм реализации образовательных программ руководители техникумов (колледжей) считают совершенствование их законодательного и иного нормативного правового регулирования на уровне Хабаровского края.

Сетевое взаимодействие образовательных организаций СПО по программам подготовки кадров оценивается руководителями как получившие развитие (или планируемые). Однако оно в большей степени реализуется в информационно-ознакомительных и учебных практико-ориентированных, чем в производственно-прикладных формах. Субъектами сетевой формы взаимодействия при реализации образовательных программ в большей мере являются потенциальные работодатели и техникумы (колледжи), в меньшей – организации общего, высшего и дополнительного образования, науки и другие заинтересованные структуры края.

Существующие ограничения разви-

тия сетевых форм реализации образовательных программ среднего профессионального образования обуславливают необходимость разработки и внедрения регионального механизма их нормативного правового регулирования, оптимизации информационно-коммуникативных связей и управленческих взаимодействий. На взгляд авторов, содействие укреплению интеграционных тенденций образовательных организаций, ведущих подготовку кадров под потребности приоритетных проектов социально-экономического развития края, может осуществляться посредством создания регионального ресурсного центра профессионального сопровождения реализации сетевых форм образовательных программ среднего профессионального образования. Его деятельность как сетевой интегрированной структуры будет способствовать развитию кадрового и научного потенциала Хабаровского края и всего Дальнего Востока России.

Список источников:

1. Адамский А. И. Модель сетевого взаимодействия // Управление школой. 2002. № 04 (291). URL: <https://upr.1sept.ru/article.php?ID=200200402>
2. Калайтанова Ю. Ю. Возможности сетевого взаимодействия образовательных организаций в процессе реализации новых ФГОС СПО. 2021. URL: <https://www.informio.ru/publications/id6229/Vozmozhnosti-setevogo-vzaimodeistviya-obrazovatelnyh-organizacii-v-processe-realizacii-novyh-FGOS-SPO>
3. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, и др.; науч. ред. З. В. Коганова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.
4. Мумладзе Р. Г. История зарубежной и отечественной социологии. 2015. URL: <https://culture.wikireading.ru/86224>
5. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS, Весна. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 94–122.
6. Развитие системы профобразования Хабаровского края // Портал образования Хабаровского края. 2022. URL: <https://obr-khv.ru/metodicheskoe-soprovozhdenie/>
7. Симонова А. А., Дворникова М. Ю. Понятие сетевого взаимодействия образовательных организаций // Педагогическое образование в России. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-setevogo-vzaimodeystviya-obrazovatelnyh-organizatsiy>
8. Слепцова М. Е. Сетевое взаимодействие образовательных организаций среднего профессионального образования // Молодой ученый. 2021. № 4 (346). С. 346–365. URL: <https://moluch.ru/archive/346/77897/>
9. Сорокин П. Система социологии. В 2 т. М.: Наука, 1993. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008110406>
10. Социология. 2009. URL: http://cdo.bru.by/course/distan/gumanitarnye/sociologija/Fail/lekcher_2.pdf
11. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. Тесты / Под. ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Изд-во Моск.ун-та. 1984. С. 82–91.

References:

1. Adamsky A. I. Network interaction model *Upravleniye shkoly* School management, 2002, no. 04 (291). URL: <https://upr.1sept.ru/article.php?ID=200200402> (In Russian).
2. Kalitanova Yu. Yu. Possibilities of network interaction of educational organizations in the process of implementing new FSES SPO. 2021. URL: <https://www.informio.ru/publications/id6229/Vozmozhnosti-setevogo-vzaimodeistviya-obrazovatelnyh-organizacii-v-processe-realizacii-novyh-FGOS-SPO> (In Russian).
3. Merton R. K. Social theory and social structure / Per. from English. E. N. Egorova, and others; scientific ed. Z. V. Koganova. M.: AST, Keeper, 2006. 873 p. (In Russian).
4. Mumladze R.G. History of foreign and domestic sociology. 2015. URL: <https://culture.wikireading.ru/86224> (In Russian).
5. Parsons T. The concept of society: components and their relationship // THESIS, Vesna, 1993, vol. 1, is. 2, pp. 94–122. (In Russian).
6. Development of the vocational education system of the Khabarovsk Territory *Portal obrazovaniya Khabarovskogo kraya* [Portal of Education of the Khabarovsk Territory], 2022. URL: <https://obr-khv.ru/metodicheskoe-soprovozhdenie/> (In Russian).
7. Simonova A.A., Dvornikova M. Yu. The concept of network interaction of educational organizations *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-setevogo-vzaimodeystviya-obrazovatelnyh-organizatsiy> (In Russian).
8. Sleptsova M. E. Network interaction of educational organizations of secondary vocational education *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2021, no. 4 (346), pp. 346–365. URL: <https://moluch.ru/archive/346/77897/> (In Russian).
9. Sorokin P. System of sociology. In 2 vols. M.: Nauka, 1993. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008110406> (In Russian).
10. Sociology, 2009. URL: http://cdo.bru.by/course/distan/gumanitarnye/sociologija/Fail/lekcher_ (In Russian).
11. Homans J. Social behavior as an exchange *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya. Testy* Modern foreign social psychology. Tests / Under. ed. G. M. Andreeva, N. N. Bogomolova, L. A. Petrovskaya. M.: Publishing House of Moscow University. 1984, pp. 82–91. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Информация об авторах

Н. М. Байков – д-р социол. наук, профессор, заведующий сектором организации научных исследований отдела организации научных исследований и аспирантуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

М. В. Воронкин – преподаватель, Хабаровский колледж водного транспорта и промышленности; аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. M. Baykov – Doctor of Sociology, Professor, Head of the research organization sector of the research and graduate school organization department, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

M. V. Voronkin – lecturer, the Khabarovsk College of water transport and industry, graduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 316.4.051(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-91-106

Региональная идентичность молодежи Хабаровского края и ее «социальные якоря»

Юрий Владимирович Березутский¹, Евгения Владимировна Стасюк²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² Управление по организации законотворческого процесса и общественных связей аппарата Законодательной Думы Хабаровского края, Хабаровск, Россия

¹ berezutskiy-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2930-8765>

² zhenyaha05@mail.ru

Аннотация. В статье приведены основные результаты социологических исследований, проведенных авторами на протяжении последних десяти лет, посвященных проблемам самоидентификации молодежи Хабаровского края и ее жизненных стратегий. Обращено внимание на то, что органами государственной власти страны и края ведется работа по созданию благоприятных условий для жизни и развития молодежи, однако это не оказывает существенного положительного влияния на изменение ее миграционных настроений, которые последние три десятилетия направлены в сторону смены места жительства на более благоприятные регионы России или более благоприятные страны. Проведенные социологические исследования позволили выявить девять типов самоидентификации молодежи Хабаровского края, три из которых оказались наиболее интересными с точки зрения миграционных стратегий – это дальневосточная (региональная) самоидентификация с характерным пониженным миграционным потенциалом и преимущественным желанием жить на территории края; российская (государственная) самоидентификация со средним миграционным потенциалом и стремлением сменить место жительства в пределах страны на более комфортный регион и глобальная (планетарная) самоидентификация с высоким миграционным потенциалом и тягой к проживанию за границей нашей Родины. Тем самым подтверждена основная гипотеза исследования о том, что определение молодежью своей миграционной стратегии в значительной степени детерминировано ее идентификацией с территорией проживания. В ходе социологических измерений выявлено пять «социальных якорей», которые в большей степени оказывают влияние на региональное самоопределение молодежи и ее желание развиваться здесь, не прибегая к смене места жительства – это социальная активность и участие в общественной деятельности, занятие предпринимательством, продолжительное проживание семейными кланами на территории Хабаровского края, наличие репродуктивной семьи и географическое познание региона. Выводы, полученные в ходе исследований, могут применяться для обоснования внесения изменений и оценки эффективности исполнения государственных программ, направленных на реализацию молодежной политики в регионе, целью которых является сохранение (увеличение) численности молодого поколения в крае, а также создание для него благоприятных условий проживания и самореализации.

Ключевые слова: молодежь, самоидентификация, идентичность, региональная идентичность, самооценка личности, миграция, миграционные настроения, Хабаровский край, Дальний Восток

Для цитирования: Березутский Ю. В., Стасюк Е. В. Региональная идентичность молодежи Хабаровского края и ее «социальные якоря» // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 91–106. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-91-106>

Regional identity of Khabarovsk krai youth and its «social anchors»

Yuriy V. Berezutskiy¹, Evgeniya V. Stasyuk²

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia

²The Legislative Duma of the Khabarovsk territory, department of the organization of the Legislative process and public relations of the apparatus, Khabarovsk, Russia

¹ berezutskiy-yv@ranepa.ru

² zhenyaha05@mail.ru

Abstract. *The article presents the main results of sociological research conducted by the authors over the past ten years, devoted to the problems of self-identification of the youth of the Khabarovsk territory and their life strategies. We have noticed that the state authorities of the country and the region are working to create favorable conditions for the life and development of young people, but this does not have a significant positive impact on changing their migration moods, which over the past three decades have been directed towards changing their place of residence to more favorable regions of Russia or more favorable countries. The conducted sociological studies revealed nine types of self-identification of the youth of the Khabarovsk territory, three of which turned out to be the most interesting from the point of view of migration strategies - this is the Far Eastern (regional) self-identification with a characteristic reduced migration potential and a predominant desire to live in the territory of the region; Russian (state) self-identification with an average migration potential and a desire to change their place of residence within the country to a more comfortable region and global (planetary) self-identification with a high migration potential and a craving for living abroad of our Homeland. Thus, we confirmed the main hypothesis of the study that the determination of the youth's migration strategy is largely determined by its identification with the territory of residence. In the course of sociological measurements, we also found five «social anchors» that have a greater impact on the regional self-determination of young people and their desire to develop here without resorting to changing their place of residence - these are social activity and participation in public activities, entrepreneurship, long-term residence by family clans on the territory of the Khabarovsk territory, the presence of a reproductive family and geographical knowledge of the region. The conclusions we have obtained in the research can be used to substantiate, make changes and evaluate the effectiveness of the implementation of state programs aimed at implementing youth policy in the region, the purpose of which is to preserve (increase) the number of young generation in the region, as well as to create favorable living conditions and self-realization for them.*

Keywords: *youth, self-identification, identity, regional identity, self-assessment of personality, migration, migration sentiments, the Khabarovsk territory, the Far-East*

For citation: Berezutskiy Yu. V., Stasyuk E. V. Regional identity of Khabarovsk krai youth and its «social anchors» // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 1 (98). Pp. 91–106. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-91-106>

Введение

Важным индикатором социально-экономического развития той или иной территории является желание жителей, особенно молодежи, связывать свою жизнь и будущее с этой территорией. Не-

благополучие в развитии территории ведет к росту оттока населения, росту миграционных настроений. Тенденции последних трех десятков лет на территории Дальнего Востока в целом и Хабаровского края, в частности, свидетельствуют о вы-

соком миграционном оттоке молодежи, ее неудовлетворенности положением дел в регионе сегодня, ее неуверенности в будущем. На наш взгляд, одним из факторов, влияющих на миграционные настроения жителей, выступает их региональная идентичность.

Мы полагаем, что проблематику сохранения численности населения в регионе невозможно рассматривать в отрыве от самоидентификации (в упрощенном понимании это ответ на вопрос «кто я?»), которой рано или поздно задается практически каждый молодой человек, поскольку мы выяснили, что в основе жизненных стратегий человека, в т. ч. миграционных, лежит его самоопределение, регулирующее вектор этих стратегий в том или ином направлении [Стасюк, 2014. С. 200–201].

Подчеркнем, что под региональной идентичностью мы понимаем психоэмоциональную и социальную самооценку связи личности с территорией своего проживания. Вместе с этим, принимая во внимание, что свобода передвижения граждан нашей страны является одной из основ, зафиксированных в Конституции Российской Федерации, поясним, что используемая в статье формулировка «закрепление молодежи в регионе» подразумевает под собой процесс, направленный на преимущественное и продолжительное проживание молодых людей на конкретной территории, обусловленное их личным желанием под воздействием созданных условий регионального развития, самореализации и саморазвития молодежи. Кроме этого, термин «социальные якоря» применяется нами для обозначения условий, которые оказывают влияние на региональное самоопределение человека и его закрепление на территории проживания. Такими «социальными якорями» могут выступать дом, природа, работа, семья, друзья, хобби и т. д.

Почему важно в настоящее время в условиях поставленных социально-экономических задач регионального раз-

вития¹ уделять особое внимание самоопределению молодежи, которое в определенной степени влияет как на отток, так и на желание связать свою жизнь с местом проживания? Выдающийся отечественный социолог В. А. Ядов писал, что тип культуры и мышления современной молодежи (тех, кому сейчас 16–20 лет) станет типичным для нашей страны уже через 25 лет, а не через многие поколения². Следовательно, изучая тех, кто в большей степени заинтересован или вынужден остаться на территории края, мы можем спрогнозировать ценности, установки и убеждения населения, которое будет проживать в регионе через четверть века. В результате проведенных нами социологических исследований мы выявили основные типы самоидентификации молодежи Хабаровского края.

Описание методики исследования

Материалы статьи опираются на результаты социологических исследований, проведенных авторами на протяжении последних десяти лет, посвященных изучению вопросов идентичности молодежи Хабаровского края, особенностей выстраивания молодежью своих жизненных стратегий, миграционных настроений, поиска условий и возможностей («социальных якорей») «закрепления» и самореализации в регионе:

– исследование «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы» (анкетный опрос, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2017 г.). Заказчик – Комитет по молодежной политике Правительства Хабаровского края. Объем выборочной совокупности – 800 человек в возрасте 17–29 лет. Тип выборки – многоступенчатый, квотный – в разрезе территории проживания, пола и возрастной группы (17, 24 и 29 лет), случайный на этапе отбора респондентов. Ошибка выборки не превышает ±5%. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский;

– исследование «Миграционный потенциал и механизмы закрепления моло-

¹ Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.: распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 № 2464-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 27.02.2022 г.).

² Политическая институционализация российского общества [Текст] // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3. С. 35.

дых специалистов в регионе» (анкетный опрос, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2012 г.). Заказчик – РАНХиГС. Объектом исследования являлись студенты 13 вузов Хабаровского края, Еврейской автономной области и Камчатского края, обучающиеся на выпускных курсах. Объем выборки – 1093 студентов. Тип выборки – квотный в разрезе вузов, простой вероятностный при отборе факультетов и специальностей, а также случайный на этапе отбора студентов. Ошибка выборки не превышает $\pm 5\%$. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский;

– исследование «Взаимосвязь самоидентификации молодежи и ее жизненных стратегий» (фокус-групповое исследование, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2014 г.). Проведено 3 фокус-группы, участниками которых стали члены молодежных общественных объединений; молодежь, работающая в бюджетной и коммерческой сферах в возрасте до 30 лет. Инициативное исследование. Научный руководитель – Е. В. Стасюк;

– исследование «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края:

состояние и перспективы развития» (фокус-групповое исследование, Дальневосточный институт управления – филиала РАНХиГС, 2019 г.). Заказчик – Комитет по молодежной политике Правительства Хабаровского края. Исследование проведено в 5 исследовательских территориальных точках, наиболее значимых в плане социально-экономического развития Хабаровского края: г. Хабаровске, г. Комсомольске-на-Амуре, п. Ванино, п. Чегдомын, п. Переяславка. Всего было проведено 45 фокус-групп с общим количеством участников 374 чел. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский.

Основные типы самоидентификации молодежи Хабаровского края

В ходе многолетних социологических исследований мы выделили классификацию основных типов самоидентификации молодых людей региона, в основу которой легли критерии: согласованность с собой и окружающими, характер проявления общественной полезности (по виду деятельности), а также уровень психоэмоциональных и социальных связей с местом проживания (по степени общности с территорией) (рис. 1).

Классификация основных типов самоидентификации молодежи Хабаровского края (100%)		
В зависимости от согласованности с собой и окружающими (22,5%)	По виду деятельности (22,3%)	По степени общности с территорией (55,2%)
1. Биосоциальная самоидентификация (79,3%)	1. Профессиональная самоидентификация (27,9%)	1. Дальневосточная (региональная) самоидентификация (31,9%)
2. Половозрастная самоидентификация (5,3%)	2. Образовательная самоидентификация (72,1%)	2. Российская (государственная) самоидентификация (44,9%)
3. Семейно-клановая самоидентификация (2,1%)		3. Глобальная (планетарная) самоидентификация (23,2%)
4. Достигнутая (приобретенная) самоидентификация (13,3%)		

Рис. 1. Классификация основных типов самоидентификации молодежи Хабаровского края

Описываемая ниже классификация была выделена по итогам проведенного анализа ответов на анкетный опрос: «Если бы Вас спросили – «Кто Вы?», не называя своего имени, отчества и фамилии, что бы Вы ответили?», а также по результатам фокус-групповых исследований молодежи Хабаровского края. При этом отметим, что в ходе социологических измерений респонденты имели возможность одновременно назвать как доминирующую на сегодня идентичность, так и второстепенную (которая не играет определяющую роль в жизнедеятельности индивида, но выделяется им как важная).

1 классификация – в зависимости от согласованности с собой и окружающими (подразумевается способность личности достигать внутренний баланс и строить социальные связи с окружением, предполагающие соответствие между обозначенной самоидентификацией и функционально-ролевым поведением человека, принятым в обществе):

1.1 Биосоциальная самоидентификация (отождествление себя с «человеком»; в выборке таких оказалось 79,3%). Это молодые люди, которые себя идентифицируют с общим понятием – «человек», являются самостоятельными, свободными в своих рассуждениях и не зависят от обусловленностей. Они осознают ответственность за свои поступки и действия близких людей, ценят жизнь и семейные отношения, с уважением относятся к окружающим: «для меня в наибольшей степени ценны семья, достижения и здоровье. Семья – это люди, которым ты всегда нужен, достижения – это то, что определяет тебя в жизни, что ты достиг, и что ты из себя вообще представляешь. Здоровье – это вообще самое важное, определяет то, сколько ты еще протянешь», «ценно: время, возможности и цель – это основополагающий ресурс для осуществления какой-либо деятельности. Время без возможностей и возможности без времени – бесполезны. Цель – это тот элемент, который образует вектор направления для деятельности, что определяет смысл времени и возможностей»³.

Выделенные характеристики биосоциальной самоидентификации согласуются с признаками самоактуализирующихся личностей (т. е. психологически зрелых (здоровых) людей), выделенными А. Маслоу, к которым, в частности, относятся: самостоятельность, независимость от культурных стереотипов и окружения, свежесть восприятия явлений, глубокие и уважительные отношения с людьми, чувство близости, сострадания, симпатии и любви ко всему человечеству, принятие себя, природы и окружающих такими, какие они есть [Хьелл, Зиглер, 1997. С. 514–520].

Таким образом, если рассматривать биосоциальную самоидентификацию как доминирующую, то большинство молодежи Хабаровского края находятся на том уровне личностного развития, который потенциально заложен в каждом из нас. Они пребывают в состоянии психологического здоровья, полноценности и стремятся реализовать свой внутренний потенциал.

1.2 Половозрастная самоидентификация (отождествление себя с девушкой или юношей, молодежью и т. д.; в выборке таких оказалось 5,3%) – процесс и результат принятия индивидом психологических и поведенческих отличительных черт, присутствующих для лиц определённого пола и возраста, сопровождающийся нормализацией своего поведения в рамках гласных и негласных общепринятых правил. Молодым людям, относящимся к этому типу, для комфортной жизни важна возможность профессионального роста и обеспеченность жильем, они чаще других считают, что для жителей Дальнего Востока России необходимо создавать особые экономические условия жизнедеятельности: «однозначно нам нужен особый статус и соответствующее федеральное финансирование», «зарплата должна быть достойной, от 100 тыс. рублей должны здесь получать точно», «создадут нормальные условия для проживания, как в советское время, когда сюда люди ехали со всей страны и здесь все развивалось, то люди придут».

³ Здесь и далее по тексту в кавычках курсивом представлена прямая речь участников фокус-групповых исследований, указанных в описании методики исследования.

Отметим, что, по замечанию Джорджа Мида, человек не может осознавать и описывать себя, не прибегая к каким-либо категориям, в т. ч. обозначающим пол и возраст, это является индикатором занимаемой им социальной позиции и связанной с этим системы взаимных ожиданий [Кон, 1978. С. 38].

Таким образом, выделенный тип самоидентификации свидетельствует о психологическом принятии молодежью Хабаровского края модели поведения характерной для группы лиц, с которой молодой человек соотносит себя по полу и возрасту, а также свидетельствует о том, что лица координируют свои действия в процессе общения с людьми различных возрастов.

1.3 Семейно-клановая самоидентификация (отождествление себя с отцом, дочерью, женой и т. д.; в выборке таких оказалось 2,1%) – особая форма личностно-групповой идентичности, отражающая характеристики группы и своего функционирования в ней на содержательном и эмоционально-оценочном уровнях [Лукьянченко, 2010. С. 285–286].

Для молодежи, идентифицирующей себя с членами семьи, для комфортного проживания важно решение таких вопросов, как трудоустройство и наличие мест в детских садах. Они считают, что для снижения оттока населения из Хабаровского края необходимо повышение доступности жилья: *«неотъемлемыми условиями комфортной жизни являются высокая зарплата, доступное жилье (мы платим ипотеку, и это напрягает) и отсутствие очереди в детский садик», «детские сады – большая тема. Мамам на Дальнем Востоке отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет, дальше либо частный детский садик и выходи на работу, либо сиди бесплатно. На западе уже в некоторых регионах продлевают выплаты, если ребенок не идет в детский садик. У нас этого нет».* Обстановка в регионе у большинства из них вызывает тревогу (53% считают, что у региона есть большие проблемы). Чаще всего люди этого типа надеются на собственные силы.

Выделенные характеристики данного типа являются объяснимыми, поскольку для создания, сохранения и развития

семьи важно иметь «социальную базу» и удовлетворить основные потребности человека в жилье, материальном обеспечении и социальной инфраструктуре для детей. Ощущение тревоги у молодежи в отношении дел в регионе говорит о нестабильности их жизни и низком уровне надежды на то, что органы государственной и муниципальной власти смогут существенно повлиять на решение проблем семейной молодежи.

Подчеркнем, что степень сплоченности внутри семьи оказывает влияние на эмоциональную связь между ее членами, соответственно, когда молодой человек декларирует в качестве доминирующей идентичности – семейно-клановую, то это может говорить о том, что подсознательно его основные жизненные стратегии так или иначе направлены на сохранение целостности этой социальной группы, что в конечном итоге имеет особое значение как для психоэмоционального состояния каждого человека, так и для государства в целом. Это утверждение не является преувеличением, поскольку еще отечественный философ В. В. Розанов отмечал: «Семья чиста – крепко и государство. Семья и рождение ребенка воскрешают человека даже из «пустыни отрицания», из «нигилизма», под которым подразумеваются все формы революционного движения молодежи. Нигилисты – все юноши, т. е. еще не рождавшие, а нигилизм – весь вне семьи и без семьи. Где начинается семья, кончается революционизм, а также отрицание общественных норм, порядка и ценностей [Николюкин, 2001. С. 148]. Таким образом, семейно-клановая самоидентификация молодежи влияет на внутреннюю стабильность государства и минимизирует степень радикальных настроений в обществе.

1.4. Достигнутая (приобретенная) самоидентификация, основанная на личностных качествах и характеристиках (отождествление себя с лидером, успешным человеком, чемпионом, профессионалом, «достигатором» и т. д.; в выборке таких оказалось 13,3%). Подчеркнем, что в рамках этого основания данный тип самоидентификации молодежи характеризует ее предельную согласованность с собой, поскольку успешный человек

должен систематически поддерживать статус лидера своим функционально-ролевым поведением, т. е. его стремление к социальным «вершинам» сопровождается не только размышлением о них, но и конкретными действиями, направленными на их достижение.

Такие люди обычно хотят достичь карьерного роста: *«важна возможность движения по карьерной лестнице в профессиональном смысле, я хочу, чтобы люди, которые меня окружают, давали мне стимул расти и двигаться вперед»*. Они полагают, что будущее молодежи зависит только от нее самой, находятся в состоянии психологического равновесия, ситуацию в регионе оценивают как более или менее нормальную. Самые значимые планы на ближайшее будущее видят в развитии семьи, рождении детей, улучшении материального состояния и открытии своего бизнеса: *«хочу построить дом, до этого построить родителям дом, чтобы они там жили, создать свой бизнес, ну и конечно родить и воспитывать детей... троих, а возможно и больше»*.

Характеристики этого типа являются вполне логичными, поскольку для идентификации себя с лидером необходимо внутреннее тому подтверждение, выражающееся в сферическом саморазвитии по многим направлениям, т. к. успешный человек (первый среди первых) успешен во всем. Поэтому для данного типа свойственны стремление к самореализации в плане карьеры (бизнеса), важность материального благосостояния (как показателя успешности), а также создание семьи (как основы личного счастья и опоры в жизни).

Разумеется, что идентичность, зафиксированная в лидерских характеристиках, всегда будет основана на взаимодействии с другими людьми, сравнении себя с ними и включать оценочный элемент. При этом, по замечанию Л.С. Выготского: «Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъясвляет для других. Это и есть процесс становления личности» [Выготский, 1983. С. 169]. Таким образом, достигнутый (приобретенный) тип самоидентифи-

кации молодежи говорит о ее решительности в вопросах достижения социального успеха, выраженной в конкретных действиях и сопровождающейся верой в себя и свои силы.

2 классификация – по виду деятельности (это основание подразумевает единство человека и того дела, которому он посвящает большую часть своего времени):

2.1 *Профессиональная самоидентификация* (отождествление себя с профессией, например, юристом, педагогом, врачом, государственным служащим и т. д.; в выборке таких оказалось 27,9%) представляет собой тождественность индивида той социальной ценности (полезности), которую он «отдает» обществу, сформированную в результате положительного сопоставления общепринятого образа профессии с навыками и знаниями, которыми обладает человек.

Данный тип идентичности характерен для людей, сосредоточенных на самореализации, карьерный рост для них имеет большую важность, деньги выступают как ценность: *«для меня принципиальное значение имеет благоприятная обстановка на рабочем месте с коллегами, ну, и наличие денег – это всё решает сейчас»*. Абсолютное большинство молодежи Хабаровского края с такой самоидентификацией не ощущает на себе влияния государственной молодежной политики, что может свидетельствовать о том, что работающая молодежь «выпадает» из сферы влияния государства и его молодежной политики. Результаты исследования свидетельствуют, что объектом реализации молодежной политики в регионе выступает в подавляющем своем большинстве «организованная» (учащаяся) молодежь, с которой проще и легче выстраивать коммуникацию, нежели с «разбросанной» молодежью по организациям и предприятиям⁴.

Обозначенные характеристики этого типа молодежи логично объяснимы, поскольку для людей с таким доминирующим самоопределением (сфокусированных на работе) важна своя профессиональная деятельность и ее результаты

⁴ Исследование «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития» (фокус-групповое исследование, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2019 г.).

(как в материальном, так и в карьерном аспектах).

О чем глобально может свидетельствовать профессиональная идентичность? Л. Б. Шнейдер подчеркивает, что специфика профессиональной деятельности накладывает отпечаток не только на профессиональные мотивы, ценности и установки, но и коренным образом перестраивает всю ценностно-мотивационную структуру личности профессионала, причем данный процесс начинается еще на этапе профессионального обучения [Шнейдер, 2002. С. 143]. Соответственно для молодежи, идентифицирующей себя с той или иной профессией, в большей степени будут присущи общие модели поведения, интересы и жизненные стратегии.

2.2 Образовательная самоидентификация (отождествление себя, например, со студентом, аспирантом; таких в выборке оказалось 72,1%) – ощущение молодежью своей принадлежности к группе лиц, получающих образование.

Отметим, что учащаяся молодежь традиционно является одной из самых социально-активных групп в силу возраста, наличия времени, свободы от семейных обязательств, периода активного поиска себя и своей самореализации. Они верят, что социальная активность ведет не только к самосовершенствованию, но и к развитию общества, состраданию к другим людям, желанию помочь и оставить после себя что-то хорошее.

Молодые люди, относящиеся к данному типу, как правило, придерживаются активной жизненной позиции, обладают креативом и целеустремленностью, ценят дружбу, для них самореализация – одна из основных составляющих в жизни.

Выделенные характеристики рассматриваемого типа согласуются с мнением Вал. А. Лукова, который отмечает, что самоопределение и самореализация молодых людей преимущественно проходят в молодежных объединениях в рамках совместной работы над интересующими социальными проектами [Луков, 2012. С. 443]. Эта мысль подтверждается высказываниями молодежи, зафиксированными в ходе проведенных нами фокус-групп: «жизнь – это время, отведенное для семьи, друзей, достиже-

ний своих профессиональных каких-то ценностей и реализации себя», «я очень люблю заниматься общественной деятельностью, помогать людям, езжу в свободное время по детским домам, очень люблю проводить различные тренинги, люблю учиться».

Учитывая, что молодежь является социальной группой, проходящей стадию социализации, осваивающей образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции [Луков, 2012. С. 218], то, в соответствии с позицией В. А. Ядова, отнесение себя к этому типу идентичности будет давать подростяющему поколению ощущение групповой защищенности, критерии оценки, в том числе и самооценки, а также обеспечит подчинение поведения индивида нормам данной социальной группы [Ядов, 1995. С. 159–160].

3 классификация – по степени общности с территорией (отождествление себя с некой территориальной общностью, которая в процессе своего развития приобрела ряд особенностей ценностного, символического и даже поведенческого плана [Назукина, 2014. С. 138]):

3.1 Дальневосточная (региональная) самоидентификация (отождествление себя с хабаровчанами, жителями Хабаровского края или Дальнего Востока и т. д.; таких в выборке оказалось 31,9%) представляет собой преимущественное наличие психоэмоциональных, культурных и социальных связей молодого человека с регионом (макрорегионом) своего непосредственного проживания.

Как правило, такие молодые люди являются оптимистично настроенными, любят путешествовать по территории Хабаровского края и Дальневосточного федерального округа, восхищаются местной природой, в сравнении с другими лучше знают творчество дальневосточных поэтов и писателей, часто вовлечены в общественную жизнь региона, испытывают чувство гордости, называя себя дальневосточником. Для данного типа молодежи характерен пониженный миграционный потенциал, т. е. они менее склонны всерьез задумываться о смене региона проживания: «у меня Дальний Восток ассоциируется с колоссальными природными и человеческими ресурсами.

Я, когда куда-нибудь приезжаю, и у меня спрашивают: «Что у Вас на Дальнем Востоке?», то я отвечаю, что у нас всё! У нас очень много дорог открыто, особенно для молодежи...», «это территория развития, если мы сейчас все ступим на эту тропу, мы будем просто передовой в мире территорией», «я дальневосточник и человек, которому не все равно».

Таким образом, с точки зрения сохранения численности и развития молодежи в Хабаровском крае, данный тип поколения является самым перспективным в части реализации его жизненных стратегий в пределах региона. Вместе с этим учитывая, что в последние годы наша страна была сильно интегрирована в мировое пространство, а также принимая во внимание мнение Э. Гидденса, утверждающего о том, что глобализация является причиной возрождения местной идентичности во многих регионах мира [Гидденс, 2004. С. 30], можно предположить, что в ближайшее десятилетие на фоне кризисной внешнеполитической ситуации, происходящей вокруг России, у хабаровчан будет усиливаться дальневосточная самоидентификация и укрепляться психоэмоциональная связь с территорией проживания.

3.2 Российская (государственная) самоидентификация (отождествление себя с россиянами, гражданами России; таких в выборке оказалось 44,9%) представляет собой преимущественное наличие психоэмоциональных, культурных и социальных связей молодого человека с Российской Федерацией и гражданами, проживающими на этой территории.

Чаще всего такие люди с оптимизмом смотрят в будущее, определяют себя исключительно в обществе, во взаимодействии с другими людьми, для них дружба является одной из основных ценностей: *«среди основных ценностей – семья и дружба, т. к. без дружбы и общения жизнь неполноценна».* Каждый четвертый из тех, кто себя так идентифицирует, как правило, участвует в общественной жизни (мероприятиях, делах, акциях) территории, на которой проживает. Для этого типа молодого поколения свойственен средний уровень миграционного потенциала, т. е. ими всерьез рассматривается возможность смены места жительства в пользу западных регионов

страны, но при этом, проявляя любовь к Родине, они менее склонны к переезду за рубеж с целью постоянного места жительства: *«Мой переезд возможен, но я не знаю, когда. Если я не уеду в ближайшие три года, то я не уеду вообще. С одной стороны, хочу уехать, потому что там мои родственники, работа, дешевые продукты, одежда и зарплата чуть-чуть выше. Там можно жить, а не выживать как у нас. С другой – я хочу расширить жилплощадь, если это получится, и я «построюсь», то я никуда не уеду».*

Таким образом, молодежь данного типа самоидентификации однозначно можно отнести к патриотам нашей страны с активной жизненной позицией, преимущественно не планирующим переезд за пределы Родины, но не исключающим возможность смены места жительства на более благоприятный с их точки зрения регион России. При этом в национальных масштабах российская самоидентификация имеет важнейшее значение, поскольку именно она является необходимым условием формирования и функционирования сильного государства.

3.3 Глобальная (планетарная) самоидентификация (отождествление себя с жителями планеты Земля, землянами, гражданами мира, космополитами и т. д.; таких в выборке оказалось 23,2%) представляет собой преимущественное наличие психоэмоциональных, культурных и социальных связей молодого человека со всем миром, нередко сопровождающихся стремлением сменить страну своего проживания.

Молодые люди с таким типом самоидентификации характеризуются наличием авантюризма и тягой ко всему современному, они нередко увлекаются геополитикой и стремятся к развитию личной эффективности. Повышенный интерес к новшествам, как и проявление глобальной идентичности в целом, по справедливому замечанию Э. Гидденса, связан с развитием систем коммуникаций, которые затрагивают все сферы жизнедеятельности каждого индивида [Гидденс, 2004. С. 27]. Соответственно, чем больше места в жизни молодежи занимает информационное пространство (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и пр.), тем сильнее будет выражаться планетарная самоидентификация.

Кроме этого, для данного типа характерно стремление к счастью и успеху, при этом в материальном выражении критерий успешности, согласно оценкам молодежи, составляет доход в размере 300–500 тыс. рублей в месяц⁴. Их интересуют «... рынки, трейдинг, музыка, которая мотивирует, кино, которое заставляет подумать, путешествия, чтение люблю, личная эффективность, психология. Ну, геополитика тоже интересна. Спорт (футбол) и поболеть, и поиграть, воркаут – силовые занятия спортом на открытом воздухе». Как правило, такие люди являются по натуре путешественниками, активнее своих земляков стремятся отдохнуть за границей и полагают, что для достижения успеха и самореализации необходимо покинуть территорию Дальнего Востока России. Этот тип молодежи обладает самым высоким миграционным потенциалом и больше остальных нацелен уехать из страны в поисках лучшей жизни, обосновывая данное желание незначительными возможностями самореализации на территории Хабаровского края.

Отметим, что молодые люди данного типа ощущают себя не только представителями какой-то нации, расы, пола и т. д., но и всего человечества, что повышает степень их личной ответственности за дальнейшую жизнь всех людей на планете Земля. Соответственно наличие глобальной самоидентификации у молодежи может способствовать преодолению узких расовых, религиозных и национальных интересов, являющихся основным источником конфликтов в современном мире, подводящих человечество к самоуничтожению [Финогентов, 2017. С. 44]. Таким образом, космополиты хоть и являются практически «потерянной» молодежью для Хабаровского края (с точки зрения постоянного проживания), оказывающей неоднозначное влияние на социальное окружение, имеющее региональную и государственную самоидентификацию, тем не менее такой тип может стать гарантом мирного существования

людей на планете.

Условия формирования региональной идентичности

Несмотря на принимаемые в последние годы органами государственной и муниципальной власти Хабаровского края усилия в части повышения уровня жизни жителей, регион все еще характеризуется высоким миграционным оттоком молодежи⁵. В этой связи, с точки зрения сохранения численности подрастающего поколения на территории края, для нас как для исследователей большой интерес вызывает та молодежь, которая самоидентифицируется как дальневосточники и видит возможность реализации своих жизненных стратегий на территории региона. Соответственно мы сосредоточились на том, чтобы найти «социальные якоря», являющиеся основными условиями, которые оказывают влияние на региональное самоопределение. Результаты социологических исследований позволили выделить 5 наиболее существенных «социальных якорей» для современной молодежи.

Во-первых, это социальная активность и участие в общественной деятельности. Фокус-групповые исследования показали, что активисты молодежных общественных объединений, благодаря своей деятельности, сильнее ощущают причастность к судьбе региона, понимают его специфику и в 75% случаев относят себя к дальневосточникам. Количественные исследования также подтверждают, что социально активная молодежь (члены общественных объединений и организаций) в большей степени настроена остаться жить и работать в районе своего проживания на территории Хабаровского края по сравнению с социально неактивной молодежью (23,4% против 16,1% соответственно). Следовательно, можно предположить, что участие молодежи в общественно полезной деятельности, проявление молодежью социальной активности (как следствие ее вовлеченность в социальную жизнь общества) выступает в определенной степени «социальным якорем»

⁵ Общие итоги миграции населения Хабаровского края // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. URL: <http://habstat.gks.ru> (Дата обращения: 27.02.2022 г.).

рем», оказывающим положительное влияние на «закрепление» молодежи в регионе. Однако результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что потенциал социальной активности в жизни реализует всего лишь чуть больше 10% молодежи Хабаровского края⁶, несмотря на программы развития молодежных общественных объединений в крае⁷. При этом особенность социальной активности подрастающего поколения в крае проявляется в ее снижении по мере окончания учебных заведений, трудоустройства и создания семьи. Как показывает практика, пик социальной активности приходится на время обучения молодых людей в школе и вузе, при этом в большей степени такая активность выражена именно в студенческие годы. Указанный факт свидетельствует о проведении государственной молодежной политики в этом направлении преимущественно с «организованной» учащейся молодежью⁴. Таким образом, мы можем говорить о наличии возможности повышения численности тех, кто отождествляет себя с регионом проживания за счет стимулирования развития деятельности молодежных общественных организаций и расширения групп молодежи, включенных в общественную жизнь.

Во-вторых, это вовлеченность в предпринимательское сообщество. Молодым предпринимателям Хабаровского края в большей степени свойственны положительные отзывы о населенных пунктах, в которых они проживают, в противовес характерному общему недовольству (в целом молодежь главные проблемы своей жизнедеятельности связывает со слабой развитостью системы досуга и отдыха, высокой стоимостью жизни, сложностями трудоустройства, с низким уровнем оплаты труда, проблемами благоустройства и неприглядного внешнего облика населенных пунктов, с низким качеством и недоступностью системы здравоохранения, а также с проблемами экологии).

Вместе с этим именно молодые предприниматели в большей степени удовлетворены тем делом, которым они занимаются, настроены на развитие и независимость, для них ценны самостоятельность, свобода действий, материальная обеспеченность жизни и ответственность. Кроме этого, немаловажно, что они видят возможности там, где остальные высвечивают только проблемы⁴. Как следствие, видя точки своего роста в региональных условиях, представители молодежного предпринимательского сообщества несколько в меньшей степени размышляют над тем, чтобы сменить место своего проживания, нежели, например, работающая молодежь по найму. Поэтому для снижения оттока молодого поколения в Хабаровском крае целесообразно более активно развивать программу молодежного предпринимательства, которое не только выполняет важную социальную функцию, но и формирует в молодежной среде качественно иное мироощущение и мировоззрение, позволяет молодежи достичь декларируемые ею ценности – независимость, свобода и материальная обеспеченность.

В-третьих, это продолжительное проживание семейными кланами на территории Хабаровского края. Изучая подробнее тех молодых людей, которые демонстрируют региональную идентичность, мы обратили внимание на то, что среди них большинство (67,1%) молодежи живет с рождения в том населенном пункте, в котором они находились на момент исследования, а 13,8% – более 11 лет. Одновременно, именно «дальневосточники» меньше остальных имеют родственников, живущих или уехавших за пределы Дальнего Востока России. Результаты исследований также свидетельствуют о том, что значительную часть молодежи в большей степени удерживает в местах их проживания привычная обустроенность⁴.

Кроме этого, интересным является факт того, что среди тех, кто однозначно стремится остаться жить и работать

⁶ Исследование «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы» (анкетный опрос, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2017 г.).

⁷ Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Развитие молодежной политики в Хабаровском крае»: постановление Правительства Хабаровского края от 05.12.2016 № 445-пр // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края <http://laws.khv.gov.ru> (Дата обращения: 27.02.2022 г.).

на территории Хабаровского края в два раза больше молодых людей, для которых наличие родственников и друзей, готовых оказать помощь и поддержку, является неотъемлемым условием комфортной жизни (29,0%), чем для тех, кто серьезно настроен покинуть территорию региона (14,1%) [Байков, 2013]. Это подтверждает мысль о том, что семейно-клановое проживание является определенным «социальным якорем» для местной молодежи.

В-четвертых, это наличие репродуктивной семьи (т. е. той семьи, которую человек создает сам; не имеется в виду родительская семья, где вырос индивид). Современная молодежь Хабаровского края ориентируется, в основном, на общечеловеческие ценности личного счастья и выделяет счастливую семейную жизнь как одну из важнейших ценностей-целей (53,2% опрошенных). Качественный анализ установок молодых людей свидетельствует о том, что молодые семьи в большей степени «укоренены» работой, семейными, профессиональными, дружескими связями, разорвать которые гораздо проще молодежи других социальных групп⁴. Соответственно поддержка молодых семей является одним из основных направлений, способствующих минимизации уровня тревожности (как индивидуальной психологической особенности) и снижению миграционного оттока подрастающего поколения с территории края.

В-пятых, это географическое познание региона, являющееся важнейшей

составляющей влияния на самоопределение молодежи [Стасюк, 2015. С. 193–194]. Дело в том, что такое познание воздействует на автобиографическую память человека, которая содержит в себе как знания индивида о самом себе, так и воспоминания об основных событиях, которые с ним происходили. Следовательно, каждый из нас актуализирует себя в мыслях таким, каким помнит, отсюда важно физически путешествовать по территории региона проживания, событийно, эмоционально и информационно (с точки зрения исторической и культурной составляющей) наполнять данные путешествия, чтобы воспоминания об этих поездках становились неотъемлемой частью жизни каждого молодого хабаровчанина, тем самым «укореняя» его в месте проживания.

Роль политики государства в формировании региональной идентичности молодежи

Изучив нормативные правовые акты Хабаровского края, которые так или иначе касаются вопросов развития молодежной политики, а также отчеты об их исполнении⁸, можно сделать вывод о том, что органами государственной власти края ведется плановая работа практически по всем основным направлениям, оказывающим влияние на региональное самоопределение подрастающего поколения. Иными словами, в крае разработаны и реализуются программы финансовой поддержки семей при рождении детей, развития молодежной политики, малого и среднего предприни-

⁸ Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Развитие малого и среднего предпринимательства в Хабаровском крае»: постановление Правительства Хабаровского края от 17.04.2012 № 124-нр // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края. URL: <http://laws.khv.gov.ru> (дата обращения: 27.01.2022 г.); Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае»: постановление Правительства Хабаровского края от 22.06.2012 № 205-нр // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края. URL: <http://laws.khv.gov.ru> (дата обращения: 27.01.2022 г.); Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Развитие внутреннего и въездного туризма в Хабаровском крае»: постановление Правительства Хабаровского края от 26.06.2012 № 211-нр // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края. URL: <http://laws.khv.gov.ru> (дата обращения: 27.01.2022 г.); Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Развитие молодежной политики в Хабаровском крае»: постановление Правительства Хабаровского края от 05.12.2016 № 445-нр // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края. URL: <http://laws.khv.gov.ru> (дата обращения: 27.01.2022 г.); Региональный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей» в рамках нацпроекта «Демография» // Официальный сайт Правительства Хабаровского края. URL: <https://np.khabkrai.ru> (Дата обращения: 27.01.2022 г.).

мательства, жилищного строительства, а также развития внутреннего и въездного туризма.

Однако, согласно результатам проведенных исследований, большинство молодежи вне зависимости от социальных групп не ощущает на себе положительно-го влияния государственной политики по решению проблем молодежи, созданию условий для ее развития и самореализации на территории своих населенных пунктов в Хабаровском крае⁴. То есть адресная государственная поддержка есть, но ее объем является точечным и размывается в большой по численности социальной группе молодежи.

Так, в частности, молодые предприниматели в своих оценках помощи государства резюмируют мыслью: «хотите помочь – не мешайте», подчеркивая при этом наличие проблем во взаимоотношениях с налоговыми органами, чрезмерности социальных выплат и взносов, в отсутствии налоговых каникул, в доступности кредитов, предоставлении помещений, высоких цен на электроэнергию, материалы и бензин, в недостаточной информационной поддержке⁴.

Что касается социальной активности молодежи, то по ее же собственному замечанию участниками мероприятий являются одни и те же лица⁴, что не исключает вторичный счет вовлеченных молодых людей в социально значимые события, которые отражаются в отчетах органов власти. А общая численность социально активной молодежи не превышает 10–20% от общей ее численности. Разумеется, что обстановка в стране и мире последних лет накладывает отпечаток на уклад жизни всех категорий населения, тем более молодежи, которая свою энергию все больше и больше направляет в сеть Интернет. В этой связи молодежным организациям логично усилить работу в информационном

пространстве, поскольку даже анализ сведений о степени выполнения мероприятий (в частности, направленных на популяризацию традиционных семейных ценностей и ответственного родительства) государственной программы «Развитие молодежной политики в Хабаровском крае» за первое полугодие 2021 г. свидетельствует, что ведется онлайн работа в части проведения обучающих курсов и прямых эфиров, однако количество просмотров данных материалов составляет от 73 до 323, что является незначительным по отношению к общей численности молодежи, проживающей на территории края.

В части географического познания региона подчеркнем, что органами власти ведется работа по развитию внутреннего туризма. Так, государственная программа помимо прочих содержит направление «содействие в развитии новых направлений туризма, в том числе событийного, детского, этнографического, промышленного и сельского»⁹, однако, по оценкам молодежи, такие путешествия для них являются все еще недоступными: «не путешествую, потому что это очень дорого, за эти деньги можно поехать куда-нибудь в более цивилизованные страны», «я не путешествую, потому что это финансово затратно и недоступно».

Учитывая геополитическую ситуацию, возрастет спрос на внутренний туризм (по сравнению с выездным), но спровоцирующий скачек цен в отрасли, сделает географическое познание региона еще более недоступным для части молодежи Хабаровского края. Кроме того, поднимутся цены на недвижимость, возрастут ипотечные ставки в связи с повышением ключевой ставки Центрального Банка РФ, что даже в условиях наличия государственных программ¹⁰ сделает затруднительной реализацию мечты молодых людей о собственном жилье.

⁹ Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Развитие внутреннего и въездного туризма в Хабаровском крае»: постановление Правительства Хабаровского края от 26.06.2012 № 211-пр // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края. URL: <http://laws.khv.gov.ru> (дата обращения: 27.01.2022 г.).

¹⁰ Об утверждении государственной программы Хабаровского края «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае»: постановление Правительства Хабаровского края от 22.06.2012 № 205-пр // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края <http://laws.khv.gov.ru> (Дата обращения: 28.02.2022 г.).

Заключение

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в контексте самоидентификации молодежи складываются и ее стратегии поведения (в т. ч. миграционные стратегии), что свидетельствует о прямой зависимости между этими двумя категориями. Следовательно, с точки зрения снижения оттока молодежи и повышения ее численности («якорения») на территории Хабаровского края, принципиальное значение имеет развитие выявленных нами характеристик молодых людей, имеющих выраженную региональную идентичность, а также работа над созданием выделенных выше условий, которые являются благоприятными для регионального самоопределения молодого поколения.

Особое значение имеет углубление знаний молодежи в области истории Хабаровского края и Дальнего Востока, культуры и традиций местных сообществ, творчества местных поэтов и писателей. Для развития (воспитания) у молодых людей чувства единства с регионом проживания назрела необходимость более массового их вовлечения в общественную жизнь края (привлекая при этом не только учащуюся, но и работающую молодежь) и создания положительного имиджа этой территории

(чтобы молодые люди испытывали чувство гордости, называя себя хабаровчанами). Одновременно особую важность имеет переориентация предпочтений с отдыха за границей на отдых в дальневосточных субъектах Российской Федерации, для чего необходимо развитие внутреннего туризма и обеспечение его доступности для молодежи, в том числе за счет субсидирования проезда внутри Хабаровского края и между субъектами Дальневосточного федерального округа. Эффективным механизмом закрепления молодежи в регионе будет также поддержка молодежного предпринимательства и молодых семей, в т. ч. путем обеспечения последних доступным жильем, местами в дошкольных образовательных организациях, интересной работой с выгодными условиями труда и достойным уровнем заработной платы.

А главным индикатором государственной политики Хабаровского края в отношении к молодежи должно стать «желание молодежи оставаться жить и развиваться на территории края». Тогда и смыслы, и задачи, и инструменты, и ресурсы государственной политики будут иметь отличный от существующего механизм реализации этой политики, ориентированный, прежде всего, на молодежь и ее развитие в крае.

Список источников:

1. Байков Н. М. и др. Миграционные процессы в Дальневосточном регионе России: опыт комплексного анализа: монография / под общ. ред. Н. М. Байкова. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2013. 293 с.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 169 с.
3. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. А. Коробочкина. М.: Весь Мир, 2004. С. 30.
4. Кон И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 38 с.
5. Луков Вал. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: монография. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 443 с.
6. Лукьянченко Н. В. Семейная идентичность супругов на этапе перехода от молодой семьи к зрелой // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 9. С. 285–286.
7. Назукина М. В. Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. № 3. С. 138.
8. Николюкин А. Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001. 148 с.
9. Стасюк Е. В. Идентификационные общности дальневосточной молодежи в со-

циологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 2 (71). С. 193–194.

10. Стасюк Е. В. Взаимосвязь самоидентификации молодежи и ее жизненных стратегий // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 2 (67). С. 200–201.

11. Финогентов В. Н. Формирование у современного человека глобальной идентичности как необходимое условие вступления человечества в эпоху ноосферы // Ноосферные исследования. 2017. № 2 (18). С. 44.

12. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личностей. Основные положения, исследования и применение. / Ларри Хьелл, Дэниел Зиглер: пер. с англ. С. Меленевская, Д. Викторова. – СПб.: Питер Пресс, 1997. С. 514–520.

13. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2002. С. 143.

14. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования идентичности личности // Мир России: Социология, этнология. 1995. Т. 4. № 3–4. С. 159–160.

References:

1. Baikov N. M. et al. Migration processes in the Far East region of Russia: experience of complex analysis: monograph / ed. ed. N. M. Baikova. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of the RANEPА, 2013, 293 p. (In Russian).

2. Vygotsky L. S. Collected works: in 6 volumes. T. 3. Problems of the development of the psyche / ed. A.M. Matyushkin. M.: Pedagogy, 1983, p. 169. (In Russian).

3. Giddens E. The elusive world: how globalization changes our life / per. from English. M. L. Korobochkina. M.: Ves Mir, 2004, p. 30. (In Russian).

4. Kon I. S. Opening “I”. M.: Politizdat, 1978, 38 p. (In Russian).

5. Lukov Val. A. Theories of youth: Interdisciplinary analysis: monograph. M.: “Kanon +” ROOI “Rehabilitation”, 2012, p. 443. (In Russian).

6. Lukyanchenko N. V. Family identity of spouses at the stage of transition from a young family to a mature one *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2010, no. 9, p. 285–286. (In Russian).

7. Nazukina M. V. New trends in identity politics at the regional level in Russia: actors, specifics, trends *Nauchnyy yezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 14, no. 3, p. 138. (In Russian).

8. Nikolyukin A. N. Rozanov. M.: Young Guard, 2001, p. 148. (In Russian).

9. Stasyuk E. V. Identification communities of the Far Eastern youth in the sociological dimension *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2015, no. 2 (71), pp. 193–194. (In Russian).

10. Stasyuk E. V. Relationship between self-identification of youth and its life strategies *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2014, no. 2 (67), pp. 200–201. (In Russian).

11. Finogentov V. N. Formation of a global identity in a modern person as a necessary condition for the entry of mankind into the era of the noosphere *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric research], 2017, no. 2 (18), pp. 44. (In Russian).

12. Kjell L., Ziegler D. Personality Theories. Fundamentals, research and application. / Larry Hjell, Daniel Ziegler: trans. from English. S. Melenevskaya, D. Viktorova. St. Petersburg: Peter Press, 1997, pp. 514–520. (In Russian).

13. Schneider L. B. Professional identity. M.: MOSU, 2002, p. 143. (In Russian).

14. Yadov V. A. Social and socio-psychological mechanisms for the formation of personality identity *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* [World of Russia: Sociology, Ethnology], 1995, vol. 4, no. 3–4. pp. 159–160. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 14.03.2022; принята к публикации 16.03.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 16.03.2022.

Информация об авторах

Ю. В. Березутский – канд. социол. наук, доцент, начальник отдела организации научных исследований и аспирантуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Е. В. Стасюк – начальник отдела по организации законотворческого процесса в сфере социальной политики и жилищно-коммунального хозяйства управления по организации законотворческого процесса и общественных связей аппарата Законодательной Думы Хабаровского края.

Information about the authors

Yu. V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, associate professor, head of the department for organization of scientific research and graduate studies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

E. V. Stasyuk – the Legislative Duma of the Khabarovsk territory, department of the organization of the Legislative process and public relations of the apparatus.

Научная статья

УДК 316.614

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-107-116

Гражданская идентичность молодежи: теоретические и эмпирические аспекты исследования

Любовь Григорьевна Невеличко¹, Ирина Михайловна Воротилкина²

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Биробиджан, Россия

¹ lnevelichko@bk.ru

² btb-irina@rambler.ru

Аннотация. В последнее время сложные социально-экономические процессы, происходящие в нашей стране, задали направление изучению социальной идентичности в аспекте ее гражданской направленности как показателя степени гражданской солидарности и характера консолидационных процессов, формирующихся в обществе, как определенного условия целостности государства. Обращение к обозначенной теме продиктовано необходимостью определения социальной сущности современного индивида и его отношения к социуму, в котором происходит его бытие. Наиболее актуальным является определение позиции молодого поколения, в частности студенческой молодежи, которая является стратегическим ресурсом изменений в стране. Феномен гражданской идентичности рассматривается с опорой на идеи функционализма в рамках интегративного подхода и возможности их применения в современных условиях.

В основу исследования гражданской идентичности положены два подхода: гражданская идентичность подразумевает осознание личностью общности с социумом на основании общности языка, территории, культуры, традиций; детерминантой гражданской идентичности является осознание индивидом себя как коллективного субъекта сообщества граждан данного государства.

Авторы объединили эти два подхода в одно интегративное целое, включающее личностное и общественное и образующее тем самым сложное комплексное образование, составляющее сущностную характеристику понятия гражданской идентичности. В статье анализируются результаты эмпирического изучения факторов конструирования пространства гражданской идентичности. Особое внимание уделяется факторной обусловленности гражданской идентичности российского студенчества. На основе представленных в работе результатов исследования ставится вопрос об актуальности разработки технологий и моделей формирования новой идентичности российской молодежи не только как особой социально-возрастной группы, но и как стратегического потенциала страны.

Ключевые слова: идентичность, социальная идентичность, гражданская идентичность, идентификация, индивид

Для цитирования: Невеличко Л. Г., Воротилкина И. М. Гражданская идентичность молодежи: теоретические и эмпирические аспекты исследования // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 107–116. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-107-116>

Civic identity of youth: theoretical and empirical aspects of research

Lyubov G. Nevelichko¹, Irina M. Vorotilkina²

^{1,2} The Priamursk State university of Sholem Aleichem, Birobidzhan, Russia

¹ lnevelichko@bk.ru

² btb-irina@rambler.ru

Abstract. *Recently, the complex socio-economic processes taking place in our country have set the direction for the study of social identity in the aspect of its civic orientation as an indicator of the degree of civil solidarity and the nature of the consolidation processes emerging in the society, a certain condition for integrity of the state. Appeal to the given topic is dictated by the need to determine the social essence of modern individual and his attitude to the society, in which his existence is. The most relevant is determination of the position of younger generation, in particular, the student youth, who is a strategic resource of changes in the country. Phenomenon of the civic identity is considered based on the ideas of functionalism in the framework of integrative approach and the possibility of their application in modern conditions.*

The study of civic identity is based on two approaches: citizen identity implies a person's awareness of community with the society on the basis of community of language, territory, culture, traditions; determinant of civic identity is the individual's awareness of himself as a collective subject of the community of citizens of the given state.

The authors combined these two approaches into one integrative whole, including personal and social and thereby forming a complex education that constitutes the essential characteristic of the concept of civil identity. The article analyzes the results of empirical study of the factors for constructing the space of civil identity. Particular attention is paid to the factor conditionality of civil identities of the Russian students. Based on the results of the study presented in the work, the question is raised about the relevance of developing technologies and models for the formation of new identity of Russian youth not only as a special socio-age group, but also as a strategic potential of the country.

Keywords: *identity, social identity, civic identity, identification, individual*

For citation: Nevelichko L. G., Vorotilkina I. M. Civic identity of youth: theoretical and empirical aspects of research // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 1 (98). Pp. 107–116. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-107-116>

Введение

Проблема идентичности личности, несмотря на ее давнюю историю, не утратила актуальности и в настоящее время, ей посвящен солидный ряд научных исследований, направленных на изучение этого сложного феномена. Но личность не существует сама по себе, она формируется и развивается в процессе участия индивида в социальной практике, осваивая опыт, ценностные установки, которые проявляются во множественных социальных характеристиках личности, и в конечном счете оформляются в модель его социальной идентичности. В последнее время сложные социально-экономические процессы, происходящие в нашей стране, задали направление к

изучению социальной идентичности в аспекте ее направленности как показателя степени гражданской солидарности и характера консолидационных процессов, формирующихся в обществе.

Обращение к обозначенной теме продиктовано необходимостью определения социальной сущности современного индивида и его отношения к социуму, в котором происходит его бытие. Наиболее актуальным является определение позиции молодого поколения, в частности студенческой молодежи, которая, по определению В. И. Ленина, не только не отрезана от общества, но и является стратегическим ресурсом изменений в стране.

Цель данной работы – на основе ана-

лиза теоретического осмысления понятия «социальная идентичность» и данных эмпирических исследований определить ее структурные компоненты, в частности важнейшую из них – гражданскую идентичность студенческой молодежи, и выявить факторную обусловленность этого понятия.

Методология познания идентичности

Мы не ставим задачей в рамках данной работы провести исчерпывающий обзор истории развития концепций идентичности и неразрывно связанного с ними феномена «социальная идентичность». Обратимся к сути вопроса, сопоставив свою точку зрения с подходами в этом вопросе различных ученых, и аргументируем свою позицию по исследуемой проблеме [Невеличко, 2020. С. 1–10].

Дискуссии об идентичности, которые традиционно относят к 50-м гг. XX в., в действительности имеют значительно более давнюю историю. О сущности значений без оформления в современный термин «идентичность как постижение уникальной индивидуальности своей личности, осознание сходства и отличия от других» [Моран, 2021. С. 1–39] мыслители высказывались много столетий назад, что говорит о его значимости для исследования.

Общепризнанным авторитетом в исследуемой области, обогатившим научный дискурс США и Западной Европы и сделавшим понятие «идентичность» предметом постоянного мышления, по праву считают Э. Эриксона, чья теория идентичности признана наиболее глубокой и проработанной. Ее основные положения не только не утратили своей актуальности в наши дни, но, напротив, обогатились новыми смыслами:

- постижение своей индивидуальности среди значимых других в своей культуре и обществе;

- становление идентичности в процессе идентификации социального опыта в различных социальных сферах, осознание своей сопричастности к различным социальными группам;

- способ размышления о человеке в современном обществе [Симонова, 2011].

Социологи, стремившиеся дистанцироваться от психологии в своих исследованиях, усиливали социальную компоненту, аргументируя это тем, что по мере становления личности, когда осознание своей уникальности оформляет личностную идентичность, именно освоение социального пространства и идентификация себя как части общества приводит к формированию идентичности, но уже социальной.

Г. Тэджфелд, общепризнанный авторитет в исследуемой области, различал уровни персональной и социальной идентичности, подчеркивая особое значение социальных факторов для изменения личности в восприятии себя. Причем, именно принадлежность к социальной группе Г. Тэджфелд называл фактором, которому принадлежит ведущая роль в процессе формирования личностной идентичности [Ставропольский, 2011. С. 72].

Э. Дюркгейм, не используя термин «идентичность», рассматривал ее формирование в традиционных обществах через усвоение личностью присутствующей культуры, а в современных – посредством руководства общими и особенными для типа социальной организации нормами и ценностями, что нашло изложение в его теории трансляции социальных идентичностей.

Т. Парсонс отмечал, что идентичность является не состоянием, а структурной характеристикой личности, складывающейся из двух основных компонентов: знание системы, в которой проистекает жизнедеятельность человека, а также понимание им нормы и принятие своего места в данном нормативном пространстве [Парсонс, 1997. С. 113–115].

Дж. Мид считал идентичность условием успешной адаптации человека [Мид, 1994. С. 121–122.].

Э. Гидденс ведущую роль в формировании личностной идентичности отводил социальным институтам.

П. Бергер и Т. Лукман рассматривали её как продукт диалектической взаимосвязи индивида и конкретного общества [Бергер, Лукман, 1995].

А. Турен определял идентичность как осознанное самоопределение социального

субъекта [Touraine, 1973. P. 360].

Обзор исследований в этой области показывает, что все многообразие подходов объединяет одно: идентичность имеет два аспекта: внутренний (личностный) и внешний (социальный).

Таким образом, изучение идентичности невозможно без анализа социальных факторов, некоего социального паттерна – образца поведения, жизнедеятельности, на фоне которых происходит социальное самоотождествление индивида.

Среди компонентов социальной идентичности особое значение исследователи придают идентичности гражданской. Сходясь во мнении, что гражданская идентичность – важная часть социальной, аналитики расходятся как в определении ее сущностных характеристик, так и в едином терминологическом оформлении этого понятия.

Ряд авторов считают, что гражданская идентичность подразумевает идентичность национальную, так как осознание общности с социумом в этом случае формируется на осознании общности языка, территории, культуры, традиций. Другая часть исследователей детерминантой гражданской идентичности считают осознание индивидом себя как коллективного субъекта сообщества граждан данного государства [Андреева, 2011. С. 1; Браун, Аркузин, 2016. С. 18–22; Здравомыслов, 1999; Киселев, Смирнова, 2002].

Не претендуя на авторство, считаем, что эти два подхода как одно интегративное целое, включающее личностное и общественное, создают тем самым сложное комплексное образование. Они составляют сущностную характеристику феномена «гражданской идентичности», образуя два его взаимообусловленных компонента – внутреннюю (личностную) и внешнюю (социальную).

Адекватность выделенных нами основных характеристик гражданской идентичности подтверждается апелляцией к ним авторов отечественных фундаментальных и эмпирических исследований специфики трансформационных процессов, определяющих роль и место России в современном мировом сообществе [Ядов, 1994. С. 35–51; Дробижина, 2002. С. 213–244; Андреева, 2011. С. 1;

Данилова, 1995. С. 120–130; Данилова, 2004. С. 27–30; и др.].

Такие поиски имеют целью формирование новых ориентиров среди универсализированных глобализационными процессами социально-культурных ценностей одновременно с выявлением тех основ локальной специфики, которые позволят личности одновременно быть органично включенным в современное пространство и время и не утратить осознание собственной причастности к истории и настоящему своей страны.

Направленность поисков объясняется тем, что для России проблема социальной идентичности является наиболее болезненной: собственные социокультурные потери в результате распада предыдущей системы, внутреннее преобразование моностилистической культуры в полистилистическую усилились стремительно охватывающими страну основными негативными процессами глобализации мировой экономики.

Модернизационные реформы 90-х годов привели не только к образованию нового государства, но и к масштабному общественному кризису, сопровождавшемуся сломом общественного сознания: граждане в большинстве своем оказались в совершенно другом государстве с новой символикой, политическим устройством и новой системой отношений.

Анализируя последствия распада Советского Союза, ученые и политики приходят к выводу, что утрата личной и коллективной идентичности привела к жестокому экзистенциальному кризису. Как правило, подобные масштабные радикальные социальные преобразования сопровождаются в обществе шоком неопределенности, вызванным не только политическим, экономическим кризисами и вынужденностью существовать в условиях утраты прежних социальных идентичностей, но и необходимостью создавать новую ценностно-нормативную реальность и встраиваться в нее, преодолевая при этом психологический и морально-нравственный дискомфорт. Такие условия формируют особое состояние массового сознания, которое определяют как кризис идентичности, отражающей не только восприятие личностью

социально-политических, экономических процессов современного общества, но и характер оценок политики государства, степень развития горизонтальных связей, задающих плотность социальной ткани, укрепляющих чувство сопричастности и формирующих консолидационные процессы в обществе.

Результаты исследования

Неопределенность в жизненных шансах, жизненного пути, общественных целей наиболее сложно переживается молодежью, чья идентичность находится на этапе активного формирования. В связи с этим наибольшую актуальность приобретает формирование у молодого поколения продуктивных стратегий преодоления кризиса идентичности для того, чтобы не допустить освоение молодежью негативных элементов идентичности как эксперимента с собственным стилем жизни.

Однако, говоря о молодежи, необходимо иметь в виду, что однозначного толкования этого понятия, так же как и его четко обозначенных возрастных границ, нет. В рамках данной работы мы придерживаемся общепринятого подхода, рассматривая молодежь как социально-возрастную группу, обладающую специфической совокупностью возрастных, социально-психологических характеристик, особенностью социального статуса. Возрастные границы молодежной группы нормативно ограничиваются 14–16 годами как нижней границей и 25–35 лет – верхней возрастной границей. Социально-психологические характеристики молодежи позволяют говорить о ней как особой социально-демографической группе, наиболее мобильной и динамичной части населения, находящейся в активном поиске смысла жизни, достижения социальной справедливости, что из-за недостаточности жизненного опыта нередко приводит к различного рода конфликтам. Недаром молодежь называют субъектом – носителем таких качеств, как «молодость» и «революционность», причем «бунтарский» потенциал молодежи легко переходит в активную фазу, поэтому именно эта социально-демографическая группа является «движущей силой» различного

рода протестных выступлений, демонстраций. В то же время нереализованность собственных амбиций, вызванных неопределенностью и фрагментарностью жизненного старта, утрата нравственными универсалиями их всеобщей значимости, невозможность выстраивать жизненную траекторию по общезначимым образцам приводит к обратному результату – пассивности и инфантилизму молодого поколения. А стратегическим ресурсом развития России является именно юношество. Поэтому от гражданской позиции молодого поколения в полной мере зависит будущее нашей страны.

С целью выявления индикаторов гражданской идентичности студенческой молодежи в декабре 2021 г. было проведено разведывательное исследование. Методом анкетирования опрошено 59 студентов 1–4-х курсов, обучающихся по направлению кафедры сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема.

Анализ полученных данных осуществлялся на основе следующих показателей: интересы молодежи; жизненные приоритеты; отношение к политике государства; правосознание и правовая культура; патриотические установки студенческой молодежи.

Опираясь условной моделью гражданской идентичности, представленной в данном исследовании, авторы считают целесообразным провести не столько количественный (в силу небольшой выборки), сколько качественный (нарративный) анализ на основе сопоставления внутренних, личностных, установок информантов и оценить их проекцию на внешние установки.

Интересы молодежи

Наиболее информативным показателем для анализа является круг чтения студентов, их любимые фильмы, манифестирующие смысло-жизненные ориентиры, уровень ценностно-смысловой сферы респондентов, вымышленные герои и реальные личности, которые являются для студентов референтной группой и чей образ жизни, взгляды и убеждения они считают достойными подражания.

Среди прочитанных книг – в основном

зарубежные авторы комиксов и фэнтези: Р. Бредбери, Д. Киз, С. Дж. Маас, Д. Роулинг, Р. Толкиен, Т. Пратчетт, Г. Эннис и С. Диллон, а также авторы книг, дающие советы, как стать успешным и богатым – Стивен Кови, Роберт Кийосаки.

Из отечественной литературы называют авторов из школьной программы по литературе – М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, М. А. Булгаков. Такой «набор» можно объяснить сформированной школой и закрепленной дальнейшим опытом привычкой «правильных» ответов. Персонажи литературные или кинематографические, указанные как любимые, подтверждают справедливость нашего предположения, поскольку вовсе не герои отечественной классики или современной прозы являются кумирами наших респондентов. Необходимо отметить, что предпочтения всех курсов объединены «происхождением» героев, и это не наши соотечественники. Различия же обусловлены возрастными границами молодежи: по мере взросления респондентов фэнтези и комиксы сменяются боевиками, триллерами, криминальными драмами.

Итак, герои мира грез студентов 1–2-х курсов (здесь и далее ответы приводятся в авторской редакции): Арагон (персонаж из «Властелина колец» – «мужественный, благородный»); Гарри Поттер («борется со злом, добрый»); Фред Уизли («Гарри Поттер» «Мне нравится этот персонаж своими взглядами, тем, как он относится к жизненным трудностям». «Этот человек отличается своей легкостью отношения к жизни»); Тюлип О'Хара (персонаж из серии комиксов «Проповедник» – «крутая, сильный характер»); мальчик Эндер (подростковая космическая фантастика «Игра Эндера» – «спаситель, супергерой»).

Позволим предположить, что увлечение студентами фэнтези – альтернативой реальности, создающей иллюзию, что сложные житейские проблемы не только разрешимы, но и имеют более легкие пути для их преодоления – показатель того, что респонденты не понаслышке знакомы с трудностями реальной жизни, и выход из которых для них, вероятно,

не всегда был успешным.

Студенты 3–4 курсов своими любимыми фильмами называли «Джон Уик» – американский боевик; «Остров проклятых» – триллер; «Сумерки» – американская фэнтезийная драма; «Бумажный дом» – испанский телесериал в жанре криминальной драмы; «13 причин почему» – школьная американская психологическая драма; «Вечное сияние чистого разума» – американская романтическая драма с элементами фантастики; «После» – фильм США, в котором не имеющие проблем с деньгами студенты озабочены тусовками, отношениями; «Благие знамения» – британо-американский сериал, фэнтези, комедия; «Золотой компас», «Малефисента» – американские фэнтези-фильмы; «Темный мир: Равновесие» – фэнтези; «Детские игры» – американский слэшер с элементами научной фантастики; «Проповедник» – американский фильм ужасов. Более социально зрелые респонденты называли фильмы «Черный обелиск», «Пролетая над гнездом кукушки», «Побег из Шоушенка», в которых главной идеей называли неизбежность наказания зла и борьбу с режимом, подавляющим свободу личности.

Отечественная фильмография в ответах студентов представлена уже ставшим привычным мистическим детективом «Гоголь».

Не вписывается в перечисленную фильмографию отечественная лента «Небо», которую называли лишь отдельные студенты. Этот российский художественный фильм повествует о военных лётчиках в Сирии и офицере, посвятившим свою жизнь служению Отчизне. И эти ответы вселяют надежду, что молодое поколение способно воспринимать и впитывать идеи и ценности родной страны.

Не менее информативны референтные личности нашей молодежи. Своими кумирами студенты называли Джеки Чана («у него большая сила воли»), Анастасию Ивлееву, Викторию Боня, Ольгу Бузову («является моим кумиром, потому что обычная девушка из обычной семьи, которая сама смогла стать известной и богатой»), Моргенштерна, Даню Милохина – эпатажные, известные и обеспеченные

медийные личности.

Увлеченность западной культурой, принятие ее стандартов поведения и образа жизни, декларирующих приоритет материальных и потребительских аспектов бытия, формирует приверженность к ценностям, присущим европейской традиции, выстраивает приоритетную иерархию, которая отражается в системе оценок, специфичности жизненных практик.

Жизненные приоритеты

Не стало неожиданным, что среди основных смысложизненных ориентаций молодежи лидируют (в иерархической структуре ценностей) материальный достаток, власть и влияние, честно прожитая жизнь и уважение окружающих. А вот наличие крепкой семьи, надежных друзей не является, по мнению студентов, залогом успешной жизни.

На основании этого считаем уместным говорить о наличии индивидуалистической позиции, лидерских запросах наряду с недооценкой роли других людей в своей жизни – родных, друзей, коллег. Такая позиция чревата непродуктивностью межличностных взаимоотношений, а следовательно, неопределенностью перспективы и в гражданском развитии.

Отношение к политике государства. Студенты оценивают негативные явления в стране и недостатками считают несправедливое распределение ресурсов, низкий жизненный уровень, отсутствие уверенности в будущем. Казалось бы, такие ответы – результат взвешенных оценок и аналитических выводов. Однако участвуют в общественной жизни лишь 7% опрошенных, что является показателем индивидуализма и отсутствия социально ответственной позиции.

Правовосознание и правовая культура. Тем не менее ответы студентов, выявляющие возможную стратегию поведения личности в социуме, демонстрируют готовность большинства соблюдать закон и общепризнанные правила (94%). Это подтверждают и нарративы открытого вопроса «Могли бы вы ради своей выгоды пойти на незначительное нарушение, не сопряженное с уголовной ответственностью?»: «Нет, т. к. считаю, что можно

пойти другим путем, а не делать все ради своей выгоды»; «Если человек уважает себя, он не пойдет на нарушение, будет думать, как поступить по-другому, не нарушая закон»; «Нет, мне будет стыдно. Моральные нормы ведь формировались не просто так. Наши поступки регулирует общество. Возможно, переступив через моральные нормы, мне будет легче в карьере или в чем-либо другом, но перед людьми будет некомфортно»; «Нет. Рано или поздно это проявится и все равно придется решать проблему своими силами. Незачем усложнять себе будущее, испытывать страх за него, когда лучше решить проблему сразу»; «Нет, потому что для меня моральные нормы – мои личные установки, которые во мне формировали мои родители, окружение и осознанно – я. Переступить через них – переступить через себя»; «Нет. Продвижение своего дела – очень трудный и стрессовый процесс, а осознание, что я смог сделать это сам, дает личную уверенность и понимание своих собственных сил»; «Нет. Мои цели никогда не противоречат моральным принципам»; «Нет. Дело никуда не денется, а со свободой можно попрощаться. Это все противоречит нормам морали».

Патриотические установки студенческой молодежи. Наиболее значимой гражданской составляющей как качества социальной идентичности является осознание себя гражданином большой страны, Родины и готовность служить ей и защищать. Для наших информантов Родина – место, где они живут – 46%, а также родители и родные – 64%.

При возможности множественного выбора номинацию «Россия», «Дальний Восток» как Родину не отметил ни один из респондентов. Возможно, именно привязанность респондентов к семье и родным позволяет утверждать, что в данном случае восприятие большой страны как Отчизны опосредовано малой Родиной. И именно благодаря семейно-родственным связям молодежь ощущает свою гражданскую сопричастность со страной и ответственность за судьбу своей Родины.

Перспективу переезда в другую страну студенты в большинстве своем не рас-

смаатривают (84%): «Мне нравится моя страна»; «Я люблю свою страну»; «Когда выезжаем с родителями на отдых в другую страну, не могу дождаться возвращения домой»; «После возвращения из путешествия я чувствую себя на своем месте».

Возможно, помимо патриотических настроений отсутствие желания перемены мест обусловлено фобией большой и отдаленной территории, оторванностью от родных близких людей, что потребует самостоятельно жить и планировать отдаленное будущее: «Не знаю языка»; «Очень дорожу и переживаю за своих близких»; «Не смогу уехать даже далеко: я несу ответственность за своих родных, жалко бабушку».

Заключение

У студенческой молодежи отмечается неактивная общественная позиция, социальная активность ограничивается в основном личным досугом. Культурные и общественно-политические запросы выражены слабо и носят поверхностный характер. Во многом это обусловлено одной из наиболее значимых черт современного российского общества – неопределенностью ценностных ориентаций, отсутствием общих целей и интересов и нестабильностью социально-экономических процессов. Такая ситуация несет в себе риск погружения молодых людей в состояние неопределенности жизненных перспектив, проявлением социальной аномии, отказом от социальных статусов, формированием ложных идеалов и системы ценностей.

Кризис идентичности побуждает лич-

ность к поиску новых смыслов, обретение которых, по ее мнению, возможно только за пределами этой территории, например в странах Европы и США. Такой вывод вполне релевантен результатам нашего исследования: если личность не может «встроиться» в социум, не может реализовать свои целевые установки, она занимается поиском наиболее привлекательных для нее условий, а обретение их, согласно сформированной личностью «экосистеме», в ее представлениях возможно только за пределами своей страны, на тех территориях, где, как ей кажется, все знакомо и понятно из картинок, в которые она погружена в виртуальном пространстве.

В этой связи можно утверждать, что России необходимо создание такого социального механизма государственного управления, который позволит осуществить целенаправленные и хорошо скоординированные меры общественных институтов и государственных структур по формированию гражданской идентичности как важного фактора консолидации общества на принципах самосознания, воспитания уважения к Родине и гордости за ее историю. Как никогда актуальным становится патриотическое воспитание молодежи в системе государственной молодежной политики. Опору следует искать в семье, так как именно благодаря семейно-родственным связям, сохранившим традиционные духовно-нравственные ценности России, молодежь ощущает свою гражданскую солидарность со страной и ответственность за судьбу своей Родины.

Список источников:

1. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электрон. науч. журнал. 2011. №6 (20). С. 1. URL: <http://psystudy.ru>
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Браун О. А., Аркузин М. Г. Приоритет гражданской принадлежности в отношении оснований социальной идентификации личности как основы патриотизма // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 18–22.
4. Данилова Е. Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 120–130.

5. Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 27–30.
6. Дробизева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 213–244.
7. Здравомыслов А. Г. Международные конфликты в постсоветском пространстве. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1999. 286 с.
8. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Идентичность в меняющемся мире / Науч. ред. проф. В. Е. Семенов. Ярославль, 2002. 300 с.
9. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 121–122.
10. Моран М. Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история // Неприкосновенный запас. 2021. № 1. С.1–39.
11. Невеличко Л. Г., Воротилкина И. М., Щетинина С. Ю., Синюков В. А. Социальная идентичность в возрастной структуре жителей Еврейской автономной области // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Том 11. № 1. С.1–10. DOI: 10.15862/39SCSK120 URL: <https://sfk-mn.ru/39scsk120.html>.
12. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. С. 113–115.
13. Симонова О. А. Теория идентичности Э. Г. Эриксона: социологические аспекты. Брянск: Изд-во «Курсив», 2011. 196 с.
14. Ставропольский Ю. В. «Минимальная групповая парадигма» в теории социальной идентичности Генри Тэджфела // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 3–4. С. 72.
15. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С.35–51.
16. Touraine A. Production de la société. Paris: Seuil, 1973. P. 360.

References:

1. Andreeva G. M. On the issue of identity crisis in conditions of social transformations *Psikhologicheskkiye issledovaniya: elektron. nauch. zhurnal* [Psychological research: electron. scientific Journal], 2011, no. 6 (20), p. 1. URL: <http://psystudy.ru> (In Russian).
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. M., 1995. (In Russian).
3. Brown O. A., Arkuzin M. G. The priority of citizenship in relation to the foundations of social identification of the individual as the basis of patriotism *Professional'noye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom* [Vocational education in Russia and abroad], 2016, no. 4, pp. 18–22. (In Russian).
4. Danilova E. N. Identification strategies: Russian choice *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 1995, no. 6, pp. 120–130. (In Russian).
5. Danilova E. N., Yadov V. A. Unstable social identity as a norm of modern societies *otsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 2004, no. 10, pp. 27–30. (In Russian).
6. Drobizheva L. M. Russian and ethnic identity: confrontation or compatibility *Rossiya reformiruyushchayasya* Russia in reform. M., 2002, pp. 213–244. (In Russian).
7. Zdravomyslov A. G. International conflicts in the post-Soviet space. 2nd ed. M.: Aspect Press, 1999, 286 p. (In Russian).
8. Kiselev I. Yu., Smirnova A. G. Identity in a changing world / Nauch. ed. prof. V. E. Semenov. Yaroslavl, 2002, 300 p. (In Russian).
9. Mead J. Internalized Others and the Self. American Sociological Thought: Texts / ed. IN AND. Dobrenkov. M., 1994, pp. 121–122. (In Russian).
10. Moran M. Identity and Identity Politics: Cultural and Materialistic History *Ne-*

prikosnovennyy zapas [Emergency Reserve], 2021, no. 1, pp.1–39. (In Russian).

11. Nevelichko L. G., Vorotilkina I. M., Schetinina S. Yu., Sinyukov V. A. Social identity in the age structure of the inhabitants of the Jewish Autonomous Region *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Sociology, philology, cultural studies], 2020, vol. 11, no. 1, pp.1–10. DOI: 10.15862/39SCSK120 URL: <https://sfgmn.ru/39scsk120.html>. (In Russian).

12. Parsons T. The system of modern societies. M., 1997, pp. 113–115. (In Russian).

13. Simonova O. A. The identity theory of E. G. Erickson: sociological aspects. Bryansk: Publishing House “Kursiv”, 2011, 196 p. (In Russian).

14. Stavropolsky Yu. V. “Minimum group paradigm” in the theory of social identity by Henry Tajfel *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2011, no. 3–4, pp. 72. (In Russian).

15. Yadov V. A. Social identification in a crisis society *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal], 1994, no. 1, pp. 35–51. (In Russian).

16. Touraine A. Production de la société. Paris: Seuil, 1973, p. 360.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 14.03.2022.

The article was submitted 24.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 14.03.2022.

Информация об авторах

Л. Г. Невеличко – канд. социол. наук, доцент, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема;

И. М. Воротилкина – д-р пед. наук, профессор, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

Information about the authors

L. G. Nevelichko – Candidate of Sociology, associate professor, the Priamursk State university of Sholem Aleichem;

I. M. Vorotilkina – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, the Priamursk State university of Sholem Aleichem.

Научная статья

УДК 316.6:316.35(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124

Жизненные стратегии дальневосточной молодежи

Светлана Сергеевна Халикова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия, khalikova-ss@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0897-7866>

Аннотация. На формирование жизненных стратегий молодежи оказывает влияние множество факторов, среди которых одним из значимых является региональная специфика. Субъекты Дальневосточного федерального округа обладают рядом особенностей, которые определяют особый подход к их развитию, объявленному национальным приоритетом XXI века, и создают запрос на сохранение и развитие человеческого капитала в регионах. Молодежь является трудовым и популяционным потенциалом дальневосточного региона, от которого во многом зависит эффективное развитие территории. В этой связи жизненные стратегии дальневосточной молодежи представляют особый исследовательский интерес, в том числе с целью предотвращения возникновения миграционных настроений молодежи. Представленный в статье анализ основывается на результатах проведенного социологического исследования среди молодежи, проживающей в приграничных регионах Дальневосточного федерального округа. Результаты анализа показали, что возможности реализации стратегии жизненного благополучия, стратегии жизненного успеха, семейной самореализации молодежь видит, в том числе и за пределами российских границ, в том числе в Китае. Желание ряда молодых дальневосточников выехать из страны временно (на период обучения) или для постоянного проживания вызвано недостаточностью, по их мнению, возможностей для самореализации и реализации своих жизненных планов на территории Дальнего Востока. Исследование подтверждает, что фактор приграничья оказывает непосредственное влияние на формирование жизненных стратегий дальневосточной молодежи наряду с другими. Наличие запроса на сохранение и закрепление коренного населения на Дальнем Востоке как необходимого условия его эффективного развития требует изучения и осмысления данного противоречия с целью поиска продуктивных решений, реализуемых в том числе в региональной молодежной политике.

Ключевые слова: молодежь, жизненные стратегии, российско-китайские отношения, миграция, Дальний Восток

Для цитирования: Халикова С. С. Жизненные стратегии дальневосточной молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 117–124. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124>

Life strategies of the far-eastern youth

Svetlana S. Khalikova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia, khalikova-ss@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0897-7866>

Abstract. Formation of the life strategies of young people is influenced by many factors, among which one of the most influential is regional specificity. The subjects of the Far-Eastern federal district have a number of features that predetermine special

approach to their development, declared a national priority of the XXI century, and create a request for preservation and development of human capital in the regions. Youth is the labor and population potential of the Far-Eastern region, on which the effective development of the territory largely depends. In this regard, life strategies of the Far-Eastern youth are of particular research interest, including in order to prevent the emergence of migration moods of young people. Analysis presented in the article is based on the results of a sociological study conducted among young people living in the border regions of the Far-Eastern federal district. The results of analysis showed that young people find opportunities to implement the strategy of life well-being, the strategy of life success, family self-realization, including outside the Russian borders, including in China. Desire of a number of young Far-Easterners to leave the country temporarily (for the period of study) or for permanent residence is caused, in their opinion, by insufficient opportunities for self-realization and realization of their life plans in the Far East. The study confirms that the frontier factor has a direct impact on formation of life strategies of the Far-Eastern youth along with the others. Existence of a request for preservation and consolidation of the indigenous population in the Far East as a necessary condition for its effective development requires study and understanding of this contradiction in order to find productive solutions implemented, including in the regional youth policy.

Keywords: *youth, life strategies, Russian-Chinese relations, migration, the Far East*

For citation: Khalikova S. S. Life strategies of the far-eastern youth // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 1 (98). Pp. 117–124. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124>

Введение

Жизненные стратегии человека формируются под влиянием множества факторов, которые могут быть различного характера, иметь разную природу. Выбор стратегии зависит от социально-экономического состояния и географического расположения региона, в котором проживает человек, от состояния и характеристик социетальной системы в целом, от непосредственного окружения индивида и его личностных качеств и предпочтений. Регион является наиболее влиятельной социокультурной средой, в которой происходит формирование личности человека, его ценностных ориентиров и установок, усвоение норм и ценностей социальной жизни. Социально-экономическая и социокультурная специфика регионов определяет дифференцированность территорий в Российской Федерации, которая проявляется в формировании традиций, ценностей и образа жизни населения и, соответственно, является условием формирования особых

жизненных стратегий.

Дальний Восток России отличается от других регионов и страны в целом в силу многих факторов и условий, имеющих политическое, экономическое, социальное, природно-климатическое, географическое и иное содержание. Во-первых, он представляет собой самый большой федеральный округ России (41% территории страны) и имеет важнейшее геополитическое значение для Российской Федерации. Во-вторых, принадлежность к активно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону определяет его вектор развития и является перспективным направлением будущего России. Это подтверждает принятая в сентябре 2020 г. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года¹.

Жизненная стратегия представляет динамическую систему перспективного ориентирования личности, направленную на сознательное изменение и конструиро-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 N 2464-р Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. URL: <http://government.ru/news/40487/>

вание своей будущей жизни. основополагающие жизненные ориентиры складываются в большей мере в юношеском возрасте, когда человек находится на стадии определения и становления своего жизненного пути. Возраст обучения в вузе (18–23 года) характеризуется переходом к самостоятельной взрослой жизни, отделением от родителей и формированием амбиций и установок на свою будущую жизнь. Молодежь – наиболее адаптивная, решительная, склонная к риску группа населения, подверженная влиянию модных тенденций и новых веяний.

Проблема формирования и реализации жизненных стратегий молодежи представляет научный интерес как для анализа этой социально-демографической группы, так и для понимания дальнейших перспектив развития всего общества.

Результаты ряда исследований показывают, что при наличии возможности покинуть территорию временно (на период обучения) или постоянно большинство молодых людей готовы сделать это. В итоге, миграционные процессы, и без того имеющие отрицательные показатели в настоящее время, в перспективе могут усугубляться. Отток молодых людей из региона может привести к сокращению квалифицированных трудовых ресурсов, молодых семей, уровня рождаемости, что впоследствии может негативно сказаться в целом на развитии территории. Реализовать планы и программы по развитию Дальнего Востока будет достаточно сложно с остающимся здесь потенциалом «старющего» населения. Анализируя изменение численности и состава населения Дальнего Востока, исследователи отмечают следующие тенденции: стремительное сокращение доли молодежи на территории Дальнего Востока России (с 24,4% в 1990 г. до 18,6% в 2018 г.); процесс сокращения доли молодежи в структуре населения идет более интенсивно, чем в среднем по России (на Дальнем Востоке доля молодежи сократилась на 5,8%, в то время как в России на 4,3%) [Березутский, 2019].

Таким образом, с одной стороны, наличие объективных факторов, связанных с географическим размещением региона, наличием граничащих с дальневосточ-

ными субъектами РФ активно развивающихся государств, которые представляют миграционный интерес для молодежи, выстраивающей свои жизненные стратегии за пределами родного региона; с другой – наличие запроса на сохранение и закрепление коренного населения на Дальнем Востоке как необходимого условия его эффективного развития.

Сложившееся противоречие между миграционной активностью дальневосточной молодежи и наличием запроса на сохранение и закрепление коренного населения на Дальнем Востоке как необходимого условия его эффективного развития, требует изучения и осмысления с целью поиска продуктивных решений.

Теоретические аспекты исследования

Понятие «жизненные стратегии» не имеет однозначного толкования, несмотря на то, что привлекает внимание исследователей уже не одно десятилетие. Одной из первых теорий, в которой проводится осмысление жизненных стратегий, является концепция социального действия М. Вебера [Вебер, 1990].

Любое действие актора обусловлено потребностью, осознанной целью и средствами достижения, ориентацией на конечный результат, а значит является структурной компонентой жизненной стратегии.

Комплексный анализ жизненной стратегии личности был проведен К. А. Абульхановой-Славской [Абульханова-Славская, 1991]. В своих трудах она определила факторы, влияющие на формирование стратегий, и предложила их типологию. Типы и механизмы стратегий также являлись предметом исследований Ю. М. Резника и Т. Е. Резник [Резник, Резник, 1995].

Жизненными стратегиями молодежи как отдельной социально-демографической группы отечественные исследователи занимаются с конца XX в., в результате чего сформировалась солидная теоретическая и эмпирическая база. В работах Г. А. Чередниченко, В. Н. Шубкина, В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок стратегии исследуются через систему ценностных ориентаций, процесса обретения статуса и профессионального самоопре-

деления молодых людей [Чередниченко, Шубкина 1985; Чупрова, Зубок, 2020]. В данном контексте интересна и работа Л. Б. Осиповой и Л. А. Энвери, в которой под жизненной стратегией понимается «динамическая система перспективного ориентирования личности, направленной на сознательное изменение и конструирование своей будущей жизни» [Осипова, 2012; Энвери, 2012].

Исследованием проблем молодежи Дальнего Востока занимаются Ю. В. Березутский, Н. М. Байков, в работах которых отражены результаты многочисленных социологических исследований по вопросам самочувствия, настроений, ценностных ориентаций, жизненных планов и стратегий дальневосточной молодежи [Березутский, 2019; Байков, 2008].

Влияние региональных особенностей на формирование жизненных стратегий наряду с другими факторами рассматривалось современными исследователями, такими как О. В. Дудник [Дудник, 2002], Д. Ю. Чеботарева [Чеботарева, 2006] и др.

Приграничная зона Российской Федерации и Китайской Народной Республики представляет исследовательский интерес по различным аспектам, однако влияние приграничья на жизненные стратегии населения до сих пор оставалось за пределами внимания исследователей.

Методология исследования

С целью изучения влияния приграничья на жизненные стратегии молодежи при участии автора было проведено социологическое исследование «Мнение студенческой молодежи о современной России, её месте в изменяющемся мире, перспективах её развития, отношениях с соседними странами»². Исследование проводилось с помощью метода сбора эмпирической информации – анкетного опроса, который позволил получить ин-

формацию, касающуюся знаний, мнений, оценок, суждений студенческой молодежи о взаимодействии с соседними странами, граничащими с территориями Российской Федерации на востоке и западе страны. Массовый опрос 962 респондентов был проведен с использованием Google формы. Выборка репрезентативна по гендерной, территориальной, возрастной принадлежности. Ошибка выборки не превышает $\pm 4\%$.

Репрезентативность выборки была обеспечена: расчетом долевого представительства респондентов по признакам пола, возраста (от 18 лет и старше), территориальной принадлежности (студенческая молодежь, проживающая на территориях субъектов РФ, граничащих с Китаем) с использованием статистических данных о численности рассматриваемых социальных групп в регионе; проведением ремонта выборки по завершении формирования базы данных опроса.

Приграничной зоной Дальнего Востока, где непосредственно соприкасаются РФ и КНР, являются Хабаровский край, Приморский край, Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область. Опрос проводился среди студентов старших курсов высших учебных заведений, находящихся на территории Хабаровского края, Приморского края, Амурской области. Выбор данных субъектов РФ для проведения исследования был обусловлен степенью близости границы, наличием наибольшей протяженности граничащей территории и наибольшего количества студентов, проживающих на этой территории.

Анкета состояла из трех блоков вопросов. Первый блок посвящен пониманию уровня и значимости отношений с соседними странами, а также вопросов, связанных с безопасностью на приграничных территориях. Второй блок анке-

² Социологическое исследование «Мнение студенческой молодежи о современной России, её месте в изменяющемся мире, перспективах её развития, отношениях с соседними странами» (2020). Генеральную совокупность представляют студенты старших курсов вузов г. Хабаровска, г. Владивостока, г. Благовещенска. Методом анкетного опроса (с использованием Google формы) охвачено 962 респондента. Тип выборки – квотный, по трем характеристикам: территориальная принадлежность, курс обучения, пол. Ошибка выборки не превышает $\pm 4\%$. Научный руководитель – Симонян Р. Х., д-р социол. наук, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, г. Москва. Полевой руководитель в субъектах ДФО – С. С. Халикова, канд. социол. наук, доцент. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС.

ты включал вопросы личного восприятия наличия приграничных связей и отношений, а также планы, взгляды, ценности, устремления относительно проживания в приграничных территориях. Анализ данного блока вопросов позволил решить исследовательские задачи относительно выстраивания жизненных стратегий молодежи в условиях приграничного проживания. В третьем блоке представлены вопросы, касающиеся личной информации респондентов – пол, курс обучения, уровень дохода. Это позволило удовлетворить исследовательский интерес в разрезе данных характеристик. Полученные данные обрабатывались с использованием программного обеспечения SPSS, что позволило провести более глубокий анализ, применяя линейные и корреляционные зависимости, и достичь исследовательскую цель.

Также был использован вторичный анализ социологического исследования, проведенного в 2018 г. по теме «Оценка мнения дальневосточников о жизни и перспективах развития на Дальнем Востоке России», в рамках которого проведена 21 фокус-группа (из которых 9 – молодежных) в четырех дальневосточных субъектах РФ (Хабаровский край, Приморский край, Амурская область, Сахалинская область) в 9 городах с общим количеством участников 199 человек: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Владивосток, Находка, Уссурийск, Благовещенск, Белогорск, Южно-Сахалинск, Холмск (научный руководитель – канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский).

Типология жизненных стратегий дальневосточной молодежи

Для проведения анализа воспользуемся одной из самых распространенных типологий жизненных стратегий, предложенных Ю. М. Резником: стратегия жизненного благополучия, стратегия жизненного успеха, семейной самореализации [Резник, 2005]. Исходя из ценностных ориентаций, на которые нацелены молодые люди, эти стратегии и являются доминирующими [Березутский, 2018]. А механизмами реализации данных стратегий являются получение образования, установление новых связей и знакомств, проживание в условиях, способствующих

реализации жизненных планов; переезд в более перспективные регионы.

Проанализируем результаты исследования, проведенного в 2020 г. среди студенческой молодежи Дальнего Востока. По мнению респондентов, государство создает возможности для удовлетворения потребностей человека, однако возможностей для самореализации и удовлетворения материальных потребностей недостаточно, так ответили 25,3% и 67,8% респондентов соответственно. В связи с этим молодые люди готовы искать новые места реализации своих устремлений и жизненных планов, в том числе и в других странах. Образование, по мнению молодых людей, является лифтом в дальнейшую жизнь, помимо знаний, практических навыков формирует круг общения и задает направление к дальнейшей самореализации. Территориальная близость Китая дает возможность получить образование и знание китайского языка, который становится все более востребованным в условиях возрастающего влияния Китая на мировую экономику. Многие студенты отметили, что образование за границей – это возможность реализации стратегии жизненного успеха и благополучия. Большинство из опрошенных (76,9%) сказали, что при наличии возможности получить образование за границей, непременно воспользовались бы ей. И только 14,2% ответили, что для них это непривлекательно, остальные (8,9%) затруднились ответить на данный вопрос. В большинстве случаев (89,4%) преградой для получения образования в Китае явилась стоимость проживания и обучения.

Обязательно бы воспользовались возможностью работать за границей 77,9% респондентов, только 10% ответили, что их это не привлекает. Причем, на начальном этапе готовы занимать должности официантов, танцовщиков, распространителей буклетов и другие, которые не требуют профессиональных квалифицированных знаний. Большинство рассматривает это как старт и «возможность закрепиться на территории страны». Некоторые отмечали, что получение образования в Китае прибавило бы шансов на успешное трудоустройство в этой стране. Сложившаяся благоприятная экономи-

ческая обстановка в Китае способствует развитию бизнеса, привлекая молодых, энергичных и инициативных людей.

Миграционные настроения молодежи подтверждают и ответы студентов на вопрос о готовности к переезду в другую страну. Обязательно бы воспользовались такой возможностью 68,5% участников опроса, еще 18,3% – не определились и не смогли ответить на данный вопрос однозначно, 13,2% – ответили, что их это не привлекает. Понимание и осознание того, что Китай – это страна с другими ценностями, менталитетом и устройством жизнедеятельности не являются препятствием для переезда на постоянное место жительства.

Причем, создание смешанной семьи также является вполне приемлемым как для парней, так и для девушек. Принадлежность к разным расам не является препятствием, по мнению респондентов, для создания крепкой хорошей семьи. Девушки отметили, что гендерный дисбаланс на Дальнем Востоке России (количество женского населения превалирует над мужским) и в Китае (где, наоборот, мужчин детородного возраста больше, чем женщин) может быть решен через смешанные браки. Поэтому стратегия семейной самореализации молодежи может быть реализована и за пределами родной страны.

Среди причин покинуть страну респонденты отметили, прежде всего, предложение хорошо оплачиваемой работы (47%), а также понижение уровня жизни (18,2%), отсутствие достойно работы по специальности (12,2%) и заключение брака за пределами России 9,7%. Не собирается уезжать из страны каждый десятый

опрошенный (10,9%).

Значительную часть российской диаспоры в Китае, которая в настоящее время насчитывает около 20 тыс. человек, составляет молодежь [Симонян 2017]. Динамично развивающаяся страна привлекает российскую молодежь благоприятной экономической ситуацией, возможностью развивать свой бизнес или получением исследовательских грантов; молодежь видит больше возможностей реализации своих планов, достижения успехов на территории соседнего государства.

Заключение

Таким образом, молодежь, будучи наиболее активной частью населения в трудоспособном и репродуктивном возрасте, адаптированной к непростым климатическим условиям, в случаях ограниченных возможностей самореализации, трудоустройства, получения материальных благ и выгод, готова покинуть Дальневосточный федеральный округ с целью реализации своих жизненных стратегий за его пределами. В современных быстроменяющихся условиях есть потребность в систематическом исследовании жизненных планов и миграционных настроений молодежи с целью своевременного реагирования на их изменения. Результаты мониторинга могут находить отражение в реализации мероприятий молодежной политики. Одной из целей региональной молодежной политики является создание условий реализации жизненных стратегий и самых амбициозных жизненных планов молодежи на территории региона. Это позволит закрепить и сохранить местное население и успешно реализовать планы по развитию Дальнего Востока.

Список источников:

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Байков Н. М., Березутский, Ю. В. Дальневосточная молодежь как субъект миграционных настроений // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 4. С. 67–74.
3. Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи региона: социологический анализ. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2019.
4. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения / пер. с немецкого и общая ред. Ю. Н. Давыдов. М., Прогресс, 1990. С. 602–633.
5. Дудник О. В. Жизненные стратегии северян в условиях трансформации россий-

ского общества: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.социол.н. спец. 22.00.04. М.: Сев. междунар. ун-т, 2002.

6. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12. DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1688.

7. Осипова Л. Б., Энвери, Л. А. Жизненные стратегии современной молодежи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4. С. 106–108.

8. Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив. М.: б.и., 1995. 69 с.

9. Симонян Р. Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. №6. С. 313–324.

10. Симонян Р. Х., Слуцкий Л. Н. Сравнительный анализ массового сознания студенческой молодежи российско-европейского и российско-китайского приграничья: опыт математического моделирования // Балтийский регион. 2020. № 2. С. 40–53. DOI 10.5922/2079-8555-2020-2-3.

11. Сюпова М. С., Козлов А. И. Структура и характерные черты современной молодежи // Ученые заметки ТОГУ. 2021. Том 12. № 3. С. 107–111.

12. Тишков В. А., Бараш Р. Э., Степанов В. В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 81–87.

13. Халикова С. С. Молодежь Дальнего Востока о российско-китайских отношениях // Вестник института экономики российской академии наук. 2017. № 4. С. 60–69.

14. Чеботарева Д. Ю. Жизненные стратегии студенческой молодежи Юга России. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.социол.н. спец. 22.00.06. Ростов-на-Дону: Рост. гос. пед. ун-т, 2006.

15. Чередниченко Г. Л., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь. М.: Мысль, 1985.

References:

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Life strategy. M.: Thought, 1991. (In Russian).
2. Baikov N. M., Berezutsky, Yu. V. Far Eastern Youth as a Subject of Migratory Moods *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2008, no. 4, pp. 67–74. (In Russian).
3. Berezutsky Yu.V. Social activity of youth in the region: a sociological analysis. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of the RANEPА, 2019. (In Russian).
4. Weber M. Basic sociological concepts. Selected works / trans. from German and general ed. Yu. N. Davydov. M., Progress, 1990, pp. 602–633. (In Russian).
5. Dudnik O. V. Life strategies of northerners in the context of the transformation of Russian society: author. dis. for the competition scientist step. Ph.D. specialist. 22.00.04. M.: Sev. intl. un-t, 2002. (In Russian).
6. Zubok Yu. A. Youth: life strategies in the new reality *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes], 2020, no. 3, pp. 4–12. DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1688. (In Russian).
7. Osipova L. B., Enveri, L. A. Life strategies of modern youth *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], 2012, no. 4, pp. 106–108. (In Russian).
8. Reznik T. E., Reznik Yu. M. Personal life strategies: the search for alternatives. M.: б.и., 1995, 69 p. (In Russian).
9. Simonyan R. Kh. Migration moods of Russian youth: a regional aspect *Monitoring*

obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Public opinion monitoring: economic and social changes], 2017, no. 6, pp. 313–324. (In Russian).

10. Simonyan R. Kh., Slutskin L. N. Comparative analysis of the mass consciousness of student youth in the Russian-European and Russian-Chinese borderlands: the experience of mathematical modeling *Baltiyskiy region* [Baltic region], 2020, no. 2, pp. 40–53. DOI 10.5922/2079-8555-2020-2-3.

11. Syupova M. S., Kozlov A. I. Structure and characteristic features of modern youth *Uchenyye zametki TOGU* [Uchenye zametki TOGU], 2021, vol. 12, no. 3, pp.107–111. (In Russian).

12. Tishkov V. A., Barash R. E., Stepanov V. V. Identity and life strategies of students in Russia *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2017, no. 8, pp. 81–87. (In Russian).

13. Khalikova S. S. The youth of the Far East on Russian-Chinese relations *Vestnik instituta ekonomiki rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2017, no. 4, pp. 60–69. (In Russian).

14. Chebotareva D. Yu Life strategies of student youth in the South of Russia. Abstract dis. dis. for the competition scientist step. Ph.D. specialist. 22.00.06. Rostov-on-Don: Rost. state ped. un-t, 2006. (In Russian).

15. Cherednichenko G. L., Shubkin V. N. Youth enters into life. M.: Thought, 1985. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 21.01.2022.

The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 21.01.2022.

Информация об авторе

С. С. Халикова – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

S. S. Khalikova – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of state and municipal administration and service law, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 378.1

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-125-133

Самообразование студентов в дистанционном обучении: перспективы социологических исследований

Людмила Александровна Кривоносова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия, cla60@mail.ru

Аннотация. В статье представлен теоретический и эмпирический анализ значимости системы дистанционного обучения в решении проблем самообразования личности студентов, отражающий социологические аспекты исследования. Обосновывается значимость системы дистанционного обучения в долгосрочной перспективе как обучающей платформы и как составляющей смешанной модели, которая в перспективе предполагает сочетание очной и дистанционной форм высшего образования. Выявлены положительные и отрицательные аспекты, оказывающие влияние на формирование саморазвивающихся установок личности в процессе использования технологии дистанционного обучения.

Предложены концептуальные положения формирования методической базы социологического исследования процессов самообразования студентов. Конкретизирована исследовательская проблема, ориентированная на использование дистанционной формы высшего образования как фактора, формирующего навыки саморазвития через реализацию процедур самообразования, которое рассматривается через совокупность трех его видов: интеллектуального, духовного, физического.

Представлена структурная модель показателей социологического исследования, разработанная на основе объективно-субъективной парадигмы и структурно-функционального анализа, где совокупность объективных показателей призвана определить внешние факторы и обосновать их воздействие на саморазвитие личности студентов. Субъективные показатели в рамках исследовательской модели диагностируют сложившиеся тенденции и формируют перспективные направления развития процессов самообразования и его мотиваций в контексте дистанционного обучения.

Сформулированы рекомендации, которые будут способствовать формированию систематизированных научных и методических позиций при разработке программ комплексного социологического исследования, сборе, обработке, анализе и использовании полученной информации.

Ключевые слова: самообразование, самоорганизация, мотивационные ориентации студентов, показатели социологического исследования, анализ процессов саморазвития

Для цитирования: Кривоносова Л. А. Самообразование студентов в дистанционном обучении: перспективы социологических исследований // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С. 125–133. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-125-133>

Students' self-education in distance education: sociological research perspectives

Lyudmila A. Krivonosova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia, cla60@mail.ru

Abstract. *The article presents theoretical and empirical analysis of the significance of distance learning system in solving the problems of self-education of students' personality, reflecting the sociological aspects of the study. It substantiates the significance of DLS in the long term as a learning platform and as a component of a mixed model, which, in the long term, involves a combination of full-time and distance forms of higher education. The positive and negative aspects affecting the formation of self-developing personal attitudes in the process of using distance learning technology are revealed.*

The conceptual provisions of formation of methodological basis of sociological research processes of self-education of students are offered. The research problem focused on the use of distance form of higher education as a factor forming skills of self-development, through the implementation of procedures of self-education, which is considered through the totality of its three types: intellectual, spiritual, physical is concretized.

The structural model of sociological research indicators developed on the basis of objective-subjective paradigm and structural-functional analysis, where the set of objective indicators is designed to identify external factors and substantiate their impact on the self-development of students' personality, is presented. Subjective indicators, within the framework of the research model, diagnose the existing trends and form promising directions of development of self-education processes and its motivations in the context of distance learning.

Recommendations are formulated, which will contribute to the formation of systematized scientific and methodological positions in the development of programs of complex sociological research, collection, processing, analysis and use of the obtained information.

Keywords: *self-education, self-organization, motivational orientations of students, indicators of sociological research, analysis of self-development processes*

For citation: Krivonosova L. A. Students' self-education in distance education: sociological research perspectives // *Power and Administration in the East of Russia*. 2022. No. 1 (98). Pp. 125–133. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-125-133>

Введение

Внедрение системы дистанционного обучения (далее – СДО) в российских вузах в связи с самоизоляция, связанной с распространением COVID-19, было осуществлено в экстремальном режиме, и фактически в течение двух лет СДО является основной формой обучения в российской высшей школе. В настоящее время при изменении ситуации в сторону уменьшения масштабов ее использования следует предположить, что СДО останется важной обучающей платформой и будет развиваться как со-

ставляющая смешанной модели, ориентированной на сочетание очной и дистанционной форм высшего образования, что требует комплексного осмысления и анализа в целях совершенствования качества профессионального обучения.

Знакомство автора с доступными современными социологическими разработками в области дистанционного образования в высшей школе показывает, что наиболее часто в объективе исследователей оказываются такие проблемы, как технические и профессиональные возможности вузов, методиче-

ское и организационное обеспечение, взаимодействие субъектов и объектов образовательного процесса, где самообразованию студентов отводится незначительная роль.

Отдельной и малоизученной проблемой, на взгляд автора, является исследование дистанционных образовательных технологий как средства саморазвития личности студентов. Данное обстоятельство формирует в перспективе междисциплинарное исследовательское поле, где социология может определить свой сектор, связанный с анализом самообразования студентов, исходя из трех позиций, предполагающих разработку соответствующих методик. Это, прежде всего, исследование технологического, методического и организационного обеспечения образовательного процесса. Второй может стать оценка качества получаемого образования и образовательных услуг. Третьей составляющей является изучение коммуникативных возможностей социального взаимодействия, связанное с определением перспектив саморазвития и мотивационного потенциала участников образовательного процесса, формируемого в формате самообразования, самоконтроля, самоорганизации личности.

Теоретический и практический опыт социологического обоснования востребованности дистанционного обучения в образовательных организациях высшего образования

В основе социологического анализа технологий дистанционного обучения в высшей школе лежат теоретические концепты Д. Белла [Белл, 1986], А. Тоффлера, У. Ростоу, [Тоффлер, 2010]. В своих работах авторы связывают развитие информационного общества с разработкой и практическим использованием информационно-гибких технологий, качественно преобразующих функционирование базовых общественных структур и процессов, которые задают вектор общественного развития.

Продолжая эту тему, следует обратить внимание на использование в теоретическом контексте исследуемой проблемы доктрины контрактации индивидуальной ответственности, которая получила распространение в 60–70-е гг. в разви-

тых странах, а впервые была обозначена в 1941 г. Дж. Бернхемом в книге «Управленческая революция» [Пантелеева, 2020]. Смысл доктрины заключается в обосновании значимости индивидуального профессионального развития, которое формируется на основе личной заинтересованности и персональной ответственности, а также предоставляет возможности личности интегрироваться в новые общественные структуры. Данная установка весьма актуальна и в современных реалиях.

Следует осознавать, что в настоящее время развитие социальной ориентации современного российского общества основывается на том, что государство в большей степени берет на себя обязательства осуществлять комплексную социальную поддержку только тем группам населения, которые сами по объективным причинам не могут обеспечивать свои жизненные потребности. Всему остальному трудоспособному населению государство готово создавать условия для саморазвития при непротиворечии интересов сторон. Альтернативным вариантом является возможность личности самостоятельно организовать свое жизненное пространство, формируя и обозначая его конъюнктурную значимость в рамках существующего правового поля и спроса. В реализации данной установки большое значение отводится не только значимости профессионального образования, но и развитию самодостаточности, самоорганизации и мотивации личности.

Теоретические и эмпирические исследования проблем дистанционного обучения в высшей школе ориентируются в настоящее время на становление и развитие открытого образовательного пространства, использования в нем информационных технологий, которые обеспечили бы реализацию компетентного подхода в образовательных программах всех уровней профессиональной подготовки на основе принципов как формализации, так и универсальности. Здесь подчеркивается нацеленность на практическую ориентированность высшего образования и востребованность, прежде всего, на рынке труда: А. А. Ан-

дреева, В. А. Красильникова, А. Б. Трофимов [Трофимов, 2018].

Наиболее актуальными становятся трудности, связанные с методами моделирования образовательных систем для совершенствования информационных педагогических технологий, уровней педагогического мастерства, освоения преподавателями и обучающимися цифровой компетенции и методов практико-ориентированного обучения в высшей школе: А. П. Беляева, О. В. Кузнецова, В. Е. Радионов, Е. Б. Яковлев [Кузнецова, 2019].

Теоретические и практические разработки дальнейшего совершенствования дистанционного обучения в системе российских вузов сконцентрированы на создании единого информационного образовательного межвузовского пространства, где самообразованию студентов отводится значительная роль: С. И. Архангельский, Ю. К. Бабанский, А. Т. Иваницкий, Е. В. Ширшов [Ширшов, 2019].

Вторичный анализ полученных показателей социологических исследований, проведенных в период с 2014 г. по 2021 г. по проблемам активизации образовательной деятельности студентов в условиях дистанционного обучения, позволяет сформулировать основные тенденции, обосновывающие «за» и «против» дистанционного образования.

В ряду факторов, формирующих положительный опыт, чаще называют: мобильность, доступность образовательного процесса, использования методической базы и различных форм контроля; организацию взаимодействия с другими участниками в интерактивном режиме, более масштабное освоение цифровой компетенции, формирование независимой личностной позиции, развитие креативного мышления.

К проблемным моментам относят технические сбои информационно-образовательной среды, качество заданий, их объем, значимость, сроки выполнения, невозможность формирования в дистанте определенных профессиональных умений и освоения профессионально значимых методов и технологий, личностную обособленность, которой свойственна утрата необходимых коммуникативных навыков. Поднимаются

проблемы неумения студентами организовывать личное время. Все это связывается с качеством дистанционного профессионального обучения [Айсмон-тас, Уддин Мд Актхер, 2014; Пантелеева, 2020; Базалий, 2020; Шалина, Степанова, Новокрещенов, 2021].

Имеющиеся результаты исследования могут быть использованы при формировании концептуальной модели социологических исследований по проблемам саморазвития, в том числе и самообразования. В настоящее время наблюдается практическое отсутствие комплексных социологических исследований, затрагивающих всю совокупность факторов, влияющих на качество самообразования студентов в СДО.

Обсуждение результатов

Проведенный теоретический и эмпирический анализ социологической информации определяет актуальность формирования у современной личности навыков самообразования как необходимого показателя ее социальной характеристики. Заинтересованность студентов в самообразовании выступает в данный момент одной из наиболее проблемных зон в освоении технологии СДО. Вместе с тем его полномасштабное развитие дает возможность, наряду с овладением необходимыми компетенциями, существовать в гармонии с собой и окружающим миром, определять и реализовывать адекватные своим возможностям социальные потребности, в том числе и в профессиональной деятельности.

Конкретизация исследовательской проблемы самообразования студентов в дистанционном обучении предполагает ограничиться рамками дистанционной формы высшего образования как фактора, формирующего навыки самообразования через реализацию различного рода технологических, методических, организационных процедур. Безусловно, все участники образовательного процесса понимают значимость формирования у студентов навыков саморазвития. Можно создать достаточно эффективный комплекс методического обеспечения СДО, организовать обучение с использованием современных компьютерных технологий, но если в учебном процессе будут прева-

лирование отсутствие заинтересованности студентов, неудовлетворенность результатами обучения, отсутствие умений организовать свое личное пространство, то никакие положительные аргументы в адрес дистанционного образования не могут быть оправданы.

Самообразование в контексте исследуемой проблемы интерпретируется автором как осознанный вид социального действия личности, направленного на получение профессиональных знаний и практических навыков, которое осуществляется ею без внешнего участия, используя собственный потенциал, внутренние и внешние ресурсы. Миссия самообразования заключается в формировании адаптационного механизма, способностей решать различные профессиональные задачи на протяжении всей жизни. Успешность самообразования будет зависеть от поставленных целей, убеждений, определенных поведенческих установок и действий. Вместе с тем социальные установки личности в контексте самообразования не должны решаться за счет ущемления интересов других и провозглашения только собственной значимости, не выходить за границы существующих социальных норм и правил.

Категория «самообразование» автором рассматривается в рамках трех ее основных видов: интеллектуального, духовного, физического: В. И. Андреев, Р. А. Валеева, Ф. Л. Ратнер [Андреев, 1996], где приоритетное внимание в методическом обеспечении уделяется интеллектуальному виду, его развитию, связанному с более эффективным использованием СДО, в целях выявления наиболее значимых способов достижения требуемых образовательных результатов.

Предлагаемая структурная модель показателей социологического исследования и анализа формируется в формате объективно-субъективной парадигмы и структурно-функционального анализа. Данный выбор будет способствовать определению наиболее существенных характеристик изучаемого объекта, поможет определить наиболее проблемные, а главное приоритетные составляющие, уделив особое внимание которым, можно прогнозировать положительный сдвиг

в развитии всего объекта исследования. В самом общем виде структурную модель можно представить тремя блоками: объективных и субъективных показателей, а также показателей, отражающих мотивационные процессы самообразования. Показатели структурной модели составляют содержательную основу исследовательского инструментария.

Объективные показатели формируют знание среды, в которой находится изучаемый объект исследования, они являются поставщиком ресурсов и регулятором осуществляемых процессов самообразования, которые должны учитываться в любых принимаемых решениях. В данной связи наиболее приемлемой станет ситуация, когда поставленные цели самообразования будут ориентироваться на специфику, потребности и возможности среды. Здесь наиболее востребованным станет анализ нормативной правовой базы, которая определяет пределы деятельных возможностей личности, а также ресурсной, организационно-управленческой, культурно-ментальной. Необходим учет региональной и отраслевой специфики, технического, технологического и методического обеспечения. Безусловно, что каждый показатель будет связан с задачами исследования, но по количеству привлекаемых структурных компонентов данная совокупность рассматривается как универсальная, в том числе и на уровне междисциплинарных исследований.

Вместе с тем особое внимание автор обращает на показатель педагогического и методического обеспечения дистанционного обучения как приоритетного. Здесь поднимаются проблемы эффективности привлекаемых образовательных технологий, их связь с образовательными, профессиональными стандартами и компетентностной моделью, учебным планом каждой образовательной программы, перечнем выбранных учебных дисциплин, видами практической подготовки, системой контроля качества знаний, а также анализом значимых параметров педагогического сопровождения. Важно сформировать понимание, насколько методическое обеспечение способно удовлетворить профессиональ-

ные требования, ориентированные на формирование профессиональной конкурентной способности на рынке труда.

Примечательно, что практически во всех компетентностных моделях в составе образовательных программ существует рекомендованная разработчиками государственных образовательных стандартов высшего образования универсальная компетенция «УК-6 способность выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни». Компетенция предлагает достаточно объемные цели освоения. Поднимаются проблемы ее формирования, обосновываются установки на непрерывность образования в течение всей жизни на основе различных формальных и неформальных видов обучения, в том числе умений расставлять приоритеты при планировании образовательной деятельности, овладение методами самоменеджмента и тайм-менеджмента. Но, к сожалению, желаемого результата освоения данной компетенции не наблюдается, ее ресурсы не задействованы в полном объеме; это, в определенной мере, объясняется формальным подходом методических установок ее реализации.

Учитывая важность показателей технологического, методического и педагогического обеспечения, предлагается проведение экспертного анализа качества содержания образовательных программ. Этап формирования огромного объема методической базы СДО завершен. Учебный материал необходимо на следующем этапе анализировать по таким критериям, как современность, целесообразность, объем, доступность, направленность на побуждение образовательного и исследовательского интереса обучающихся в СДО. Созданная по итогам анализа образовательных программ аналитическая база поможет выстроить новые модели методического обеспечения и контроля организации системного взаимодействия между участниками учебного процесса, связанные с реализацией самообразования студентов на основе интеграции и целостности.

Блок субъективных показателей отражает модель структурных составляющих

категории «самообразование», которая в большей степени, как уже отмечалось ранее, задействует такие его виды, как интеллектуальное, духовное, физическое, с учетом связанности с процессами самопознания, самоорганизации, самообучения, самовоспитания.

Интеллектуальные показатели, отражающие процессы самообразования, призваны диагностировать степень выраженности у студентов целевых установок, знаний особенностей своего социально-мыслительного потенциала, способностей управлять собственной интеллектуальной деятельностью, принятия интеллектуального развития как ценности, возможностей создания собственного мира с использованием приемов личностной саморефлексии. Важность данной информации будет заключаться в том, что она формирует понимание, в какой степени обучающимся доступны такие навыки, как поиск и переработка информации, ее преобразование, систематизация, хранение и использование. Здесь также можно проанализировать уровень владения студентами навыками логических рассуждений, доказательств, определения причинно-следственных связей, логических зависимостей, выдвижения гипотез, построения многовариантных сценариев развития, составления аналитического материала, определения степени нужности материала, осознания важности полученного результата, понимания важности развития цифровых компетенций.

Исследовать духовный интеллект предполагается посредством социологических замеров, ориентированных на получение информации, связанной с выявлением ценностных ориентаций, культурно-ментальных и региональных особенностей, социально-демографических характеристик, вербально-коммуникативных навыков, эмоционального понимания информации, событий, других точек зрения, проявления социальной активности, гражданской позиции, степени включения положительных эмоций для достижения образовательных целей.

Показатели оценки физического интеллекта в составе воспроизводства студен-

тами потребностей в самообразовании нацелены на диагностику их приверженности к здоровому образу жизни, к занятиям физической культурой и спортом, организации свободного времени, пониманию категории «социальное здоровье». Выявление подобной информации способствует развитию индивидуального подхода в обучении в системе СДО, дает представление о социальных особенностях учебной группы, отдельных студентов, что будет способствовать корректировке как контактных форм образовательного процесса, так и фонда предлагаемых заданий для самостоятельной работы.

Вопрос включения в исследовательскую базу показателей, мотивирующих студентов к развитию навыков самообразования, имеет дискуссионную подоплеку, основанную на якобы низкой эффективности вводимых стимуляторов. Вместе с тем показатели мотивации самообразования являются значимыми в реализации задач исследования. Они могут быть представлены как общеизвестные, к которым относятся целевые установки, направленные на реализацию профессиональные планов и карьерного роста; убеждения, трансформируемые в конкретные формы поведения; установки, ориентированные на успех. Автором также предлагается дополнить данный перечень такими показателями, как исключение формальности в процессе получения знаний и их оценивания, увлечение студентов познавательным процессом на уровне получения теоретических знаний и определения возможностей их практического применения, использование балльно-рейтинговой системы не как накопителя необходимого количества баллов для сдачи зачетов и экзаменов, а как действительно стимулирующего параметра в развитии самообразовательных навыков.

Структурная модель показателей может быть взята за основу при разработке инструментария социологического исследования, главная задача которого получить информацию, которую можно использовать для корректировки имеющейся технологической, методической и организационной базы СДО в создании комплекса требований, побуждающих

студентов к формированию навыков самообучения. Предлагаемая модель закладывает методологические, методические, организационные основы исследовательской работы. Социологические замеры могут проводиться в мониторинговом режиме, например, один раз в год. Основными методами сбора информации могут стать опросы, массовые и экспертные, «фокус-группы», контент-анализ документов. Итоговая информация может быть оформлена в формате динамических рядов.

Выводы

Обсуждаемые в статье проблемы развития процессов самообразования студентов являются комплексными для СДО, так как не могут существовать отдельно от всего образовательного процесса.

Выявленный спектр проблем, связанных с сегодняшним видением возможностей использования навыков самообразования в СДО, предполагает действия в двух направлениях. Прежде всего, предоставление студентам знаний, раскрывающих его сущность, значимость, особенности применения на практике в контексте обучения разнообразным приемам, технологиям и методикам. Данную задачу можно осуществить в рамках каждой образовательной программы на уровне освоения соответствующих компетенций.

В рамках второго направления предлагается корректировка содержания образовательных программ, затрагивающая методическое, технологическое, организационное обеспечение в направлении формирования условий, требований, побуждающих студентов к овладению навыками самообразования.

Выявленные проблемы побуждают к необходимости осуществления систематического анализа и исследования, в том числе и с привлечением социологических методов, которые будут использованы для совершенствования системы СДО.

Автор рассчитывает, что материалы статьи будут способствовать формированию систематизированных научных и методических позиций при разработке программ социологического исследования, сборе, обработке и анализе полученной информации.

Список источников:

1. Айсмонтас Б. Б., Уддин Мд. Актхер Личностные и мотивационные особенности студентов очного и дистанционного обучения (сравнительный анализ): монография. М., 2014. 222 с.
2. Андреев В. И Педагогика творческого саморазвития: инновац. курс. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1996. 312 с.
3. Базалий Р. В. Развитие мотивации студентов в условиях дистанционного обучения // Мир науки. Педагогика и психология, 2020. № 3. Том 8. URL: <https://mir-navki.com> (дата обращения: 09.01.2022).
4. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. Москва: Прогресс, 1986. С. 330–342.
5. Заборова Е. Н., Глазкова И. Г., Маркова Т. Л. Дистанционное обучение: мнение студентов // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 131–139.
6. Кузнецова О. В. Дистанционное обучение: за и против // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2019. № 8. С. 362–364. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7101>
7. Павлуцкая Н. М., Дубицкая Л. В. Применение дистанционного обучения в современном вузе (из опыта работы) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3. С. 31–34.
8. Пантелеева В. В. Профессиональные способности в контексте системной работы с персоналом. Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. Сборник статей. Москва: Институт психологии РАН, 2020. С. 1330–1339.
9. Тоффлер Э. Третья волна = The Third Wave, 1980. М.: АСТ, 2010. С. 12–14 (Philosophy).
10. Трофимов А. Б. Дидактическая система комплексного применения современных информационно-педагогических технологий в вузах МВД России: автореф. дис. ...док. пед.наук: 13.00.08. СПб., 2018. 32 с.
11. Шалина Д. С., Степанова Н. Р., Новокрещенов С. А. Активизация образовательной деятельности студентов в условиях дистанционного обучения // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 1. С. 34–42. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30535>
12. Ширшов Е. В. Системно-дидактическое обеспечение образовательного процесса в вузе в условиях информатизации общества: дис. д-ра пед. наук: 13.00.08. Архангельск, 2019. С. 45–48.

References:

1. Aysmontas B. B., Uddin Md. Akther Personal and motivational characteristics of full-time and distance learning students (comparative analysis): monograph. M., 2014. 222 p. (In Russian).
2. Andreev V. I. Pedagogy of creative self-development: innovation. well. Kazan: Kazan Publishing House. un-ta, 1996. 312 p. (In Russian).
3. Bazaliy R. V. Development of student motivation in distance learning *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 2020, no. 3, vol. 8. URL: <https://mir-navki.com> (date of access: 01/09/2022). (In Russian).
4. Bell D. Social framework of the information society *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West], Moscow: Progress, 1986, pp. 330–342. (In Russian).
5. Zaborova E. N., Glazkova I. G., Markova T. L. Distance learning: students' opinion *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2017, no. 2, pp. 131–139. (In Russian).
6. Kuznetsova O. V. Distance learning: pros and cons *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and

Fundamental Research], 2019, no. 8, pp. 362–364. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7101> (Accessed 08/09/2021). (In Russian).

7. Pavlutsкая N. M., Dubitskaya L. V. The use of distance learning in a modern university (from work experience) *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2016, no. 3, pp. 31–34. (In Russian).

8. Panteleeva V. V. Professional abilities in the context of systematic work with personnel. Human abilities and mental resources in the world of global changes. Digest of articles. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2020, pp. 1330–1339. (In Russian).

9. Toffler E. *The Third Wave = The Third Wave*, 1980. M.: AST, 2010, pp. 12–14 (Philosophy). (In Russian).

10. Trofimov A. B. Didactic system for the integrated use of modern information and pedagogical technologies in the universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia: author. dis. ... doc.ped.science: 13.00.08. St. Petersburg, 2018, 32 p. (In Russian).

11. Shalina D. S., Stepanova N. R., Novokreshchenov S. A. Activation of educational activities of students in conditions of distance learning *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2021, no. 1, pp. 34–42. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30535> (date of access: 03/15/2022) (In Russian).

12. Shirshov E. V. Systemic and didactic support of the educational process at the university in the conditions of informatization of society: dis. Dr. ped. Sciences: 13.00.08. Arkhangelsk, 2019, pp. 45–48. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 17.01.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication 17.01.2022.

Информация об авторе

Л. А. Кривоносова – д-р социол. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и предпринимательского права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

L. A. Krivonosova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Management and Business Law, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 811.161.1(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2022-98-1-134-142

Повышение интереса к современной русской литературе и литературному языку как элемент формирования гражданской позиции: анализ региональной практики

Елена Михайловна Крадожён-Мазурова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия, krelena@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена роли русского литературного языка как государственного языка Российской Федерации в формировании гражданской позиции, воспитании молодёжи на Дальнем Востоке. Автор обращает особое внимание на значимость в процессе подготовки управленческих кадров повышения интереса к современной русской литературе и литературному языку как элементам приобщения к культуре страны и региона. На примере краткого анализа результатов единого государственного экзамена по русскому языку автором показаны проблемы недостаточного знакомства обучающихся с образцовыми литературными текстами, демонстрирующими богатство русского языка; сделан акцент на необходимости повышения внимания к воспитанию чувства родного языка и качественной русской речи, в том числе путем повышения внимания к произведениям лучших региональных авторов. Особое внимание автор статьи уделяет вкладу дальневосточных поэтов и писателей в развитие современного литературного языка. Опираясь на региональную практику, в статье показано значение ряда дальневосточных литературных журналов и конкурсов для формирования позитивного имиджа региона; представлен пример проекта Хабаровских Царёвских чтений «Царёв. Хабаровск. Россия», в рамках которого на примере исследования творчества конкретного автора показано, что внимание к родному слову, к культуре помогают воспитывать молодёжь и будущих руководителей региона.*

Ключевые слова: *русский литературный язык, государственный язык, региональная литература, конкурсы, воспитание молодёжи*

Для цитирования: Крадожён-Мазурова Е. М. Повышение интереса к современной русской литературе и литературному языку как элемент формирования гражданской позиции: анализ региональной практики // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1 (98). С.134–142. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-134-142>

Increasing interest in modern Russian literature and literary language as an element of civil position generation: analysis of regional practice

Elena M. Kradozhen-Mazurova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia, krelena@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the role of the Russian literary language as the state*

language of the Russian Federation in the formation of civil position, education of youth in the Far East. The author draws special attention to the importance of increasing interest in the modern Russian literature and the literary language as elements of familiarity with the culture of the country and region in the process of training managerial personnel. On the example of a brief analysis of results of the unified state exam in the Russian language, the author shows the problems of insufficient acquaintance of students with the exemplary literary texts demonstrating the wealth of the Russian language; emphasis was placed on the need to increase attention to the education of sense of the native language and high-quality Russian speech, including by increasing attention to the works of the best regional authors. The author of the article pays special attention to contribution of the Far-Eastern poets and writers to development of the modern literary language. Relying on the regional practice, the value of a number of the Far-Eastern literary journals and competitions for formation of positive image of the region is shown in this article. Example of the project of the Khabarovsk Tsaryovsk readings «Tsaryov. Khabarovsk. Russia» is presented, within which on the example of research of creativity of the specific author it is shown that attention to a native word, to culture help to bring up the youth and future heads of the region.

Keywords: Russian literary language, state language, regional literature, linguistic expertise of texts, education of youth

For citation: Kradozhen-Mazurova E. M. Increasing interest in modern Russian literature and literary language as an element of civil position generation: analysis of regional practice // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 1 (98). Pp. 134–142. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-134-142>

Введение

Обращаясь к российской истории двухвековой давности, нельзя не вспомнить, что в октябре 1811 г. по указу императора Александра I был открыт Императорский Царскосельский лицей. Целью учебного заведения, по мысли графа Михаила Михайловича Сперанского, разработавшего программу лицея, была подготовка просвещённых государственных чиновников высших рангов. Обязательными предметами для тех, кто готовился управлять государством, стали, как известно, изящные искусства, словесность, риторика, этика, правоведение, языки. Возраст зачисления в лицей был установлен с 10 до 14 лет, курс обучения составлял 6 лет. Образование, полученное лицеистами, приравнивалось к университетскому, т. е. выпускники Императорского Царскосельского лицея – управленцы начала XIX века – вступали на высокие должности в возрасте 16–20

лет.¹ Государство делало ставку на молодых, понимая, выражаясь современным языком, что они – это мощный человеческий ресурс развития территории огромной страны.

Известный выпускник лицея Александр Сергеевич Пушкин в 1811–1817 гг. (с 12 до 18 лет) учился в Царскосельском Императорском лицее. «Его мировоззрение начало складываться в лицейские годы под влиянием прогрессивных воспитателей...»². Здесь он получил отличное образование и, как и его сокурсники, был готов к государственной службе. Стоит ли удивляться осведомлённости «солнца русской поэзии» в самых разных областях знания? Виссарион Григорьевич Белинский высоко оценивал просвещённость поэта, в том числе давая характеристику роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Прежде всего в «Онегине» мы видим поэтически воспроизведенную картину русского общества, взятого в

¹ Для сравнения: сегодня в России выпускники школ заканчивают подготовку по образовательным программам среднего общего образования в основном в 18 лет и лишь потом начинают студенческую жизнь, завершая подготовку к взрослости в 22–23 года.

² Россия: Иллюстрированная энциклопедия. М.: «ОЛМА Медиа Групп», «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2006. С. 423.

одном из интереснейших моментов его развития» [Белинский, 1948. Т. III]; «Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением» [Белинский, 1948. Т. III]. Конечно, не только поэтический талант А. С. Пушкина, но и блестящее образование, полученное в Царскосельском лицее, обширные знания в области истории, математики, экономики, литературы, искусства, риторики, языков воплотились в строках гениального произведения, поэту было что сказать русскому обществу.

Полагаю, что подобный экскурс в историю оправдан, поскольку речь в статье пойдёт о воспитании элиты – управленческих кадров. Невозможно рассматривать проблему подготовки высококвалифицированных кадров в отрыве от изучения русского литературного языка как государственного, а шире – в отрыве от приобщения к культуре страны и региона, в котором современному выпускнику высшей школы предстоит работать, служить. Если чиновник не может ясно, лаконично, чётко излагать свои мысли, то и деятельность такого управленца вряд ли будет успешной.

Целью настоящей статьи является выявление на основе региональной практики инструментов повышения интереса к современной русской литературе, литературному языку как элементу формирования гражданской позиции и воспитания молодёжи на Дальнем Востоке. По мнению автора, внимание к родному слову, к культуре помогают воспитывать молодёжь и будущих руководителей региона.

О статусе русского языка и классических литературных текстах

Конституция Российской Федерации в статье 68 определяет статус русского языка: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в

многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»³.

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»⁴ в п. 4 статьи 1 «Русский язык как государственный язык Российской Федерации» указывает: «Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве».

Очевидно, что язык государствообразующего народа должен быть образцовым. А представляют гражданам страны образцы русского литературного языка его носители, классики родной литературы.

Образцы литературного языка предполагают соблюдение его норм. Нормы языка меняются вместе с изменениями, происходящими в обществе. Знаменитый лексиколог и лексикограф Сергей Иванович Ожегов указывал, что «... необходима широкая научная пропаганда принципов разумной нормализации литературной речи, пропаганда научных методов этой нормализации, а также самих норм, разъяснение подчас ошибочных, но имеющих хождение представлений о развитии языка и о факторах, влияющих на установление норм» [Ожегов, 1974. С. 276]

Наивно полагать, что время классиков в России закончилось в XIX, в лучшем случае, в начале XX века. Классические тексты создаются и в наши дни. Подмечено, что рубежи эпох дают толчок переменам, перемены запускают механизмы творчества. Классика – это культурный код нации, один из элементов её самоидентификации, без которого никак не обойтись.

Писатель, поэт, переводчик, журналист, общественный деятель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1952 г.) Илья Эренбург в статье «Культура

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Статья 68. URL: <https://base.garant.ru/10103000/6cf34816dc52ae8870d524b8ed6399a5/>

⁴ Федеральный закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 2 июля 2013 г., 5 мая 2014 г., 30 апреля 2021 г.). URL: <https://base.garant.ru/12140387/>

или одичание» писал: «Культура напоминает дерево, у неё крепкие корни, уходящие глубоко в национальную почву, но широкие ветви дерева перерастают плетни, давая свежесть всему миру. Чем крупнее национальный гений, тем легче он переходит границы и становится всечеловеческим» [Эренбург, 1954. С. 879].

Подходы к проблеме: кризис снижения качества речи и как его преодолеть

А где нынче «выращивают» элиту классики современной российской литературы? И насколько региональная «почва» пригодна для появления классиков? Где искать ориентиры?

Кто-то скажет: в школьной программе. Конечно, классика в школе изучается, но, как человек, много лет проверявший работы выпускников школ на Едином государственном экзамене (далее – ЕГЭ) по русскому языку в составе региональной предметной комиссии, не открою большого секрета, если отвечу: проскучали классику в школе в большинстве своём выпускники. Не только названия произведений не могли припомнить, но и авторов смело «миксовали», не попадали даже в столетие: Сергей Александрович Есенин становился в их воображении поэтом «золотого века», другом Александра Сергеевича Пушкина и, почему-то, Гавриила Романовича Державина; «Грушевый сад» вместо чеховского «Вишнёвого сада» отнюдь не веселил экспертов региональных комиссий. Этот тип ошибок квалифицируется при проверке задания с развернутым ответом письменной работы ЕГЭ по русскому языку как критерий К12 «Соблюдение фактологической точности в фоновом материале». Страшно далеки от современных подростков гении докомпьютерной эпохи.

Обратимся к объективным данным. Как свидетельствуют материалы «Статистико-аналитического отчета о результатах государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования в 2021

г. в Хабаровском крае»,⁵ в последние три года статистически улучшился показатель по критерию К12: «Соблюдение фактологической точности в фоновом материале». Неужели выпускники школ стали читать рекомендованные учителями-словесниками произведения, и проблема сама собой решилась? Рано радоваться: корректировке подверглись требования к содержанию при выполнении задания с развернутым ответом: до 2018 г. включительно для получения высоких баллов нужно было сослаться на прочитанные художественные или публицистические тексты, но требования к выполнению работы изменились, больше не нужно обязательно демонстрировать начитанность на ЕГЭ по русскому языку.

Проблему, слегка прикрытую изменением требований критериев, видит не только лингвист-практик, автор статьи. Она прямо отражена в аналитическом отчете председателя предметной комиссии по русскому языку (региональной комиссии ЕГЭ по русскому языку) за 2021 г. Прочитую документ в интересующей нас части:

«К6, К10. Точность и выразительность речи. Соблюдение речевых норм. Процент выполнения по критерию К10 в 2021 г. стал ниже по сравнению с 2020 г. Отсутствие привычки читать является причиной большого количества речевых ошибок. К сожалению, современные школьники мало знакомятся с образцовыми литературными текстами, в которых представлены разнообразные конструкции, демонстрирующие богатство русского языка. Много говорится о необходимости работы по развитию речи, но часто эта работа носит формальный характер. Невозможно научить речевой грамотности без так называемого «чувства языка», которое вырабатывается только в процессе чтения высокохудожественной литературы. Так, одной из самых распространенных речевых ошибок является нарушение лексической сочетаемости или использование разнотипной лексики. Понижение балла по крите-

⁵ Статистико-аналитический отчет о результатах государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования в 2021 году в Хабаровском крае. URL: https://rcoko27.ru/metodicheskoe-soprovozhdenie-ekspertov/statistiko-analiticheskie-otchety/cao_2021/

рию K10 автоматически ведет к снижению балла по критерию K6. Взаимосвязь этих критериев оправдана, т. к. большое количество речевых ошибок приводит к нарушению точности речи.

K11, K12. Соблюдение этических норм. Соблюдение фактологической точности в фоновом материале. Эти критерии традиционно стали успешными для учащихся после отмены обязательного использования в аргументации собственного мнения литературными текстами.⁵

Как же воспитать чувство языка у молодых людей, привить любовь к качественной русской речи тем, кому мы оставим во владение и управление родной край, шире – наше Отечество?

Давайте рассмотрим несколько позиций. Отличным начинанием было в 1990-е издание Учебного пособия-хрестоматии «Дальневосточная литература» (Г.Н. Гузенко и др. Пособие для учащихся по дальневосточной литературе. 6 класс. – Хабаровск: Издательство «Амур», 1994. – 192 с.). Энтузиастами-филологами был собран богатый материал, разработано методическое обеспечение для знакомства школьников с дальневосточными писателями и поэтами. Сегодня актуальность такого пособия-хрестоматии очевидна специалистам-словесникам, ведь вовремя посеянное зерно культуры, уважения к малой родине непременно прорастёт. Молодые люди, чтобы гордиться своим краем – Дальним Востоком, должны знать не только о его природных богатствах, но и о творческих людях, прославивших край.

Автор статьи предлагает подходы, которые должны помочь активизации знакомства с лучшими образцами современной русской литературы, в том числе дальневосточной. По мнению автора, это проведение литературных конкурсов; поддержка органами государственного управления издания литературных журналов и альманахов, где молодые жители края могут публиковать свои произведения; литературные гостиные и, как форма научно-исследовательской и поисковой работы, – публичные чтения, круглые столы. Важно продолжать издание и изучение в школах региона обновлённого и дополненного учебного

пособия-хрестоматии «Дальневосточная литература».

Попробуем раскрыть эти позиции подробнее, учитывая накопленный в Хабаровском крае опыт.

О журналах

Традиционно для нашей страны многие классические и популярные произведения сначала появлялись в журналах. Сегодня литературные журналы в трудном положении. Отнюдь не потому, что в дефиците талантливые авторы. Так, например, российский литературный журнал «Дальний Восток», который в будущем году отметит 90-летие, стал одним из брендов региона. На его страницах начинали свою литературную жизнь лауреаты Государственной премии СССР Пётр Комаров и Николай Задорнов (знаменит трилогией «Амур-батюшка»), ответственным секретарём журнала был Василий Ажаев (автор книги «Далеко от Москвы»). Именно в этом журнале впервые публиковался в 1956 г. Аркадий Стругацкий в соавторстве с Львом Петровым, это была повесть «Пепел Бикини». В журнале «Дальний Восток» печатались Людмила Миланич и Римма Казакова, Юлия Шестакова и Борис Копальгин, и ещё много славных имён в архиве журнала.

Автор статьи подчёркивает роль журнала «Дальний Восток» в развитии межкультурной коммуникации России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона и особое внимание обращает на «просветительскую функцию «Дальнего Востока» и возможности использования его публикаций в качестве источников для научных исследований текстов». [Крадожён-Мазурова, 2019. С. 5]

Ещё один хорошо известный культурному сообществу региональный культурно-просветительский журнал «Словесница Искусств». Без малого четверть века (с октября 1998 г.) журнал неустанно знакомит с культурой, искусством, историей дальневосточного региона. Журнал важен как тематический образовательный портал, на площадке которого публикуются уникальные архивные материалы, исследования профессиональных историков, этнологов, искусствоведов, театроведов, литераторов, что делает его важной информационной базой для

исследователей дальневосточной истории и культуры, педагогов, студентов, школьников. На его страницах высказывают своё мнение авторитетные авторы-эксперты.

О конкурсах

Конечно, все дальневосточники с детских лет помнят строки Петра Комарова о родном Приамурье: «Край далёкий – с лесами да сопками...». Имя знаменитого поэта-дальневосточника сохранено не только в названии улицы краевого центра, но и в творческом конкурсе имени Петра Комарова, который учредили Министерство культуры Хабаровского края и Дальневосточная государственная научная библиотека. Это конкурс литературных произведений, опубликованных в изданиях, выпускаемых краевыми государственными учреждениями культуры, он открывает читателям новые имена, повышает самооценку молодых литераторов, ставших номинантами. Общероссийская литературная Премия «Дальний Восток» имени В. К. Арсеньева известна с 2019 г. По информации, размещённой на официальном сайте Правительства Хабаровского края, в 2020 г. в состав финалистов в номинациях «Длинная проза» и «Короткая проза» вошли два хабаровских автора: Владимир Василенко с романом «Любить полосатого зверя» и Станислав Глухов с повестью «Умальта». В третьем сезоне (2021 г.) хабаровские писатели Игорь Мосин («В поисках счастья») и Татьяна Гладких («Птичка Божия») попали в список номинантов премии в категории «Длинная проза». Разумеется, дальневосточные поэты и писатели успешно участвуют и в других российских и международных конкурсах и уверенно входят в число номинантов.

Литературные журналы и конкурсы, по мнению автора, влияют на формирование позитивного имиджа региона.

Для построения модели формирования положительного имиджа края нужен региональный бренд. Хабаровскому краю показаны такие бренды, как историко-культурный, туристический, духовный, образовательный, промышленный, развлекательный, бренд-герой. [Кривоносова, 2020. С. 172] Таким образом, про-

движение лучших образцов литературы и искусства, в том числе на страницах литературных журналов и в конкурсах, работает на имидж региона.

Позитивная практика воспитания «чувства родного языка»

Рассуждая о проблеме подготовки кадров для Дальневосточного федерального округа, Т. А. Лукасевич высказывает мнение о том, что «... человекоёмкость или повышенная интеллектуальная насыщенность инновационной деятельности диктует свои требования к качеству подготовки выпускников образовательных организаций, их способности к генерации и воплощению идей» [Лукасевич, 2019. С. 70]. Формирование аналитических навыков у получающих высшее образование – важная компетенция, которая поможет выпускникам вуза в дальнейшем легче осваивать новые специальности, интеллектуально развиваться.

Новое время выдвигает и новые требования: кроме проверенных проектов происходит апробация новых форм повышения интереса к современной русской литературе и литературному языку.

Обратимся к практике. Одним из таких проектов стал проект по увековечению памяти поэта-дальневосточника Игоря Царёва «Царевские чтения», стартовавший в 2014 г. в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС. Сначала это была литературная гостиная, встреча в которой могла бы стать единственной, если бы не масштаб личности Игоря Царёва и его поэзии. Итог творческой жизни Игоря Царёва: более тысячи публикаций, в том числе добротные научно-популярные издания [Царёв, 1998], победа в конкурсе национальной литературной премии «Поэт года» (первая премия 2012 г.).

Игорь Царёв, наш современник и дальневосточник, несомненно, принадлежит большой поэзии. Это не частное мнение автора статьи. С 2013 г. в Москве проходит поэтический конкурс Международной литературной Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия». В 2019 г. Игорь Царёв решением Международной академии русской словесности (г. Москва) посмертно удостоен звания Народного поэта России. В 2020 г. вышла книга ис-

следователя творчества поэта Любви Сушко «Дар Демиурга». Название книге дало стихотворение И. Царёва «Есть демиурги языка». Свою роль поэт определил в одном из стихотворений весьма скромно:

Я рядовой словарного запаса,

Я часовой родного языка. [Царёв, 2014. С. 268].

Первое знакомство с творчеством поэта пробудило у студентов института интерес к его произведениям, и уже в 2015 г. литературная гостиная переросла в проект Хабаровские Царёвские чтения «Царёв. Хабаровск. Россия». В неязыковом вузе развёрнута работа по анализу художественного текста. Стало традицией кроме докладов и презентаций о текстах Игоря Царёва проводить конкурс чтецов, с 2016 г. введена практика перевода стихотворений Игоря Царёва на иностранные языки. Лучшие работы участники Чтений традиционно представляют на ежегодной научной студенческой конференции «Языковая картина мира, культура и перевод», а это значит, что в течение учебного года продолжается аналитическая работа студентов над образцовыми литературными текстами, шифруется их язык, воспитывается «чувство родного языка».

В рамках проекта на примере исследования творчества конкретного поэта произошла интеграция воспитательной и научно-поисковой творческой работы в вузе, в учреждениях среднего общего и среднего профессионального образования. Проект работает уже 8 лет и способствует привлечению широкого круга лиц, состав которых ежегодно пополняется новыми исследователями и участниками разных возрастных групп. За время реализации проекта более 6000 человек прошли через школу приобщения к хорошей современной поэзии, к качественному русскому языку.

Заключение

Внимание к родному языку, как уже отмечалось, для руководителя, управленца – вещь бесценная, оттачивающая лингвистическую зоркость, обучающая аналитическому мышлению. Например, юристы по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасно-

сти», «Судебная и прокурорская деятельность» и по направлению подготовки «Юриспруденция» – люди лингвоинтенсивной профессии. Это значит, что они должны помнить: главное оружие – умение убеждать, побеждать противника или соперника словом. Сегодняшнее состояние общества не оставляет сомнений в том, что победы одерживаются не только на полях сражений, но и в информационном пространстве.

Изучив проблему, автор статьи полагает, что для её разрешения можно применить комплекс мер: повысить внимание к лучшим современным региональным авторам, включив их произведения или фрагменты текстов в пособие-хрестоматию «Дальневосточная литература» для школ. Необходима поддержка региональным литературным и культурно-просветительским журналам. Необходимо ориентироваться на долгосрочные проекты в продвижении и исследовании молодой литературной классики региона, что позволит осуществлять преемственность, развивать новые формы активизации повышения интереса к современной русской литературе и литературному языку. В анализируемой практике это, например, ежегодные конкурсы, хорошо себя зарекомендовавшие: Общероссийская литературная Премия «Дальний Восток» имени В. К. Арсеньева; Творческий конкурс имени Петра Комарова литературных произведений, опубликованных в изданиях, выпускаемых государственными учреждениями культуры Хабаровского края; премия Губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства и др. Умение анализировать художественные произведения, повышая свой профессиональный уровень, развивая лингвистическую зоркость и внимание к слову, выявляют участники ежегодных Хабаровских Царёвских чтений «Царёв. Хабаровск. Россия». Этот формат позволяет вовлекать в творческую лабораторию и развивать навыки публичной художественной речи разновозрастной аудитории: от школьников до пенсионеров. Интерес у тех, кто не обременяет себя аналитическими экскурсами в художественный текст, вызывают конкурсы чтецов: они могут проводиться

в рамках дней памяти поэтов или быть приурочены к Читаниям как один из компонентов просветительской работы.

Следует учитывать, что внимательное отношение к современным литературным источникам способствует повышению как общей, так и профессиональной культуры, которая включает в себя «владение специальными умениями и навыками профессиональной деятельности, культуру поведения, эмоциональную культуру, профессиональную культуру письменной речи и культуру профессионального общения» [Емельянова, 2020. С.

274–275].

Эффективность подготовки высококвалифицированных управленческих кадров Дальнего Востока, а косвенно и их стабильность, закрепляемость в регионе, связаны, в том числе, и с культурным компонентом региона. Кроме того, необходимо уметь говорить о культуре, о литературе неформально, а для этого следует быть «в теме». Знание культурного потенциала, умение поддержать славных земляков, гордиться ими и землёй, которая их вырастила, – это достойные качества руководителя.

Список источников:

1. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая. «Евгений Онегин». Собрание сочинений в трех томах / Под общей редакцией Ф. М. Головенченко. ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948. Том III. Статьи и рецензии 1843–1848.
2. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая. «Евгений Онегин» (окончание). Собрание сочинений в трех томах / Под общей редакцией Ф. М. Головенченко. ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948. Том III. Статьи и рецензии 1843–1848.
3. Емельянова О. Б. Создание пространства деловой культуры при обучении студентов неязыковых вузов навыкам коммуникации в профессиональной сфере // Образование и право. 2020. № 6. С. 274–275.
4. Крадожён-Мазурова Е. М. Журнал «Дальний Восток» и литература стран АТР // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации X–XXI вв.: материалы IV Международной научно-практической конференции «Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.» (к 130-летию со дня рождения Вс. Н. Иванова) (Хабаровск, 21–22 ноября 2018 г.) / отв. ред. Л. В. Чередниченко. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. С. 5–10.
5. Кривоносова Л. А. Политика формирования положительного имиджа Хабаровского края: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 170–177.
6. Лукасевич Т. А. Образовательный потенциал рынка труда: дальневосточный колорит // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 4 (89). С. 66–73.
7. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.
8. Царёв И. Энциклопедия чудес. М.: Голос, 1998. – 560 с.
9. Царёв И. Любя и веря вопреки... / Игорь Царёв; сост., подготовка текста Ирина Царёва; предисловие Ольга Воронина. М.: Авторская книга, 2014. 504 с.: ил. (Серия: Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года»).
10. Эренбург И. Сочинения в пяти томах. Том 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. С. 879.

References:

1. Belinsky V. G. Works of Alexander Pushkin. Article eight. “Eugene Onegin”. Collected works in three volumes / Under the general editorship of F. M. Golovenchenko. OGIZ, GIHL, M., 1948. Volume III. Articles and reviews 1843–1848. (In Russian).
2. Belinsky V. G. Works of Alexander Pushkin. Article nine. “Eugene Onegin” (end). Collected works in three volumes / Under the general editorship of F. M. Golovenchen-

ко. OGIZ, GIHL, M., 1948. Volume III. Articles and reviews 1843–1848. (In Russian).

3. Emelyanova O. B. Creating a space of business culture in teaching students of non-linguistic universities the skills of communication in the professional sphere *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2020, no. 6, pp. 274–275. (In Russian).

4. Kradozhen-Mazurova E. M. Journal “Far East” and literature of the Asia-Pacific countries // Literature and journalism of the countries of the Asia-Pacific region in intercultural communication of the X-XXI centuries: materials of the IV International scientific and practical conference “Literature and journalism of the countries of Asia-Pacific region in intercultural communication of the XX-XXI centuries. (on the 130th anniversary of the birth of Vs. N. Ivanov) (Khabarovsk, November 21–22, 2018) / ed. ed. L. V. Cherednichenko. Khabarovsk: Pacific Publishing House. state un-ta, 2019, pp. 5–10. (In Russian).

5. Krivonosova L. A. The policy of forming a positive image of the Khabarovsk Territory: a sociological analysis *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2020, no. 4 (93), pp. 170–177. (In Russian).

6. Lukasevich T. A. Educational potential of the labor market: Far Eastern flavor *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2019, no. 4 (89), pp. 66–73. (In Russian).

7. Ozhegov S. I. Lexicology. Lexicography. A culture of speech. M.: Higher school, 1974. 352 p. (In Russian).

8. Tsarev I. Encyclopedia of Miracles. M.: Voice, 1998. 560 p. (In Russian).

9. Tsarev I. Loving and believing in spite of ... / Igor Tsarev; comp., preparation of the text by Irina Tsareva; foreword by Olga Voronina. M.: Author's book, 2014. 504 p.: ill. (Series: Laureates of the National Literary Prize “Poet of the Year”). (In Russian).

10. Ehrenburg I. Works in five volumes. Volume 5. M.: State publishing house of fiction, 1954. 879 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 25.01.2022.

The article was submitted 28.12.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 25.01.2022.

Информация об авторе

Е. М. Крадожён-Мазурова – канд. филол. наук, доцент, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС); член Союза писателей России и Российского союза писателей.

Information about the author

E. M. Kradozhen-Mazurova – Candidate of Philology, Associate professor, full member of the Guild of linguists-experts on documentary and information disputes (GLEDID); member of the Union of writers of Russia.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2022 г. № 1 (98)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 30.03.2022 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 16,7

Учетн.-изд. л. – 18,0

Тираж – 500 экз.

Заказ № 2

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
